

9704
#744

З.В. Анчабадзе

И

**СТОРИЯ
И
КУЛЬТУРА
ДРЕВНЕЙ
АБХАЗИИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

З. В. АНЧАБАДЗЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ДРЕВНЕЙ АБХАЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1964

ОТ АВТОРА

В данной работе сделана попытка осветить основные вопросы истории и культуры Абхазии с древнейших времен до V в. н. э. Значительное место в ней уделено проблеме происхождения и ранней этнической истории абхазов.

Рассматриваемая эпоха охватывает две общественно-экономические формации в историческом развитии общества на территории современной Абхазии — первобытно-общинный строй и рабовладельческую формацию античного периода.

В книге использованы новейшие достижения советской исторической науки, в частности материалы археологических и этнографических исследований. Привлечены также греко-римские письменные источники, которые, несмотря на свою фрагментарность, содержат порой ценные сведения о населении античной Абхазии. В большинстве своем эти свидетельства подтверждаются археологическими данными.

Однако следует отметить, что хотя ввиду скудости источников по соответствующим периодам истории Абхазии далеко не все поставленные вопросы освещены с достаточной полнотой, но можно не сомневаться, что дальнейшие научные открытия значительно обогатят наши представления об историческом прошлом абхазского народа.

ГЛАВА I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСЦВЕТ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ

Становление первобытнообщинного строя (дородовая община)

**Шелльско-ашель-
ская эпоха** Много миллионов лет назад территория Кавказа почти полностью была покрыта морем и представляла собой сравнительно небольшой остров. Впоследствии море отступило, и остров превратился в крупный перешеек, который разделил море на две части, образовавшие Черное и Каспийское моря.

В конце третичного геологического периода в Закавказье, и в частности на территории Абхазии, сложились весьма благоприятные условия для развития процесса очеловечения древней обезьяны. Об этом в первую очередь свидетельствует тот факт, что в Восточной Грузии, в местности Удабно Сагареджойского района, были обнаружены остатки ископаемой человекообразной обезьяны, жившей в конце третичного периода. Эта обезьяна получила в научной литературе название гареджийский удабнопитек¹.

Решающим моментом, обусловившим процесс очеловечения обезьяны, была трудовая деятельность. Труд, писал Энгельс, есть «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»². Не случайно поэтому, что именно в Закавказье, в частности в Абхазии, Армении и Юго-Осетии,

¹ Бурчак-Абрамович, Габашвили, *Высшая человекообразная обезьяна*.

Труды основоположников марксизма-ленинизма и литературу, которыми пользовался автор, см. в библиографии, помещенной в конце книги.

² Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 486.

были найдены древнейшие на территории СССР памятники человеческого труда в виде примитивных орудий из различных пород камня и обсидиана (вулканического стекла).

В самом начале четвертичного геологического периода, около миллиона лет назад, здесь появляются древнейшие люди. Мягкий субтропический климат позволял первобытным людям устраивать стоянки на открытых местах. Этому климату соответствовали флора и фауна: теплолюбивые животные — этрусский носорог, южный слон, гиппопотам, саблезубый тигр, верблюд, антилопа, пещерный медведь, олень, бизон, дикие свиньи и др.; тропическая и субтропическая растительность — лавровые и фиговые деревья, цитрусы и пр.

Археологические памятники начального этапа развития первобытного общества относятся к первой половине древнего каменного века — к раннему или нижнему палеолиту. Нижнепалеолитическая эпоха длилась около 800 тыс. лет и закончилась за 40—50 тыс. лет до нашей эры. Эта огромная по времени историческая эпоха в свою очередь делится на несколько периодов: дошельский, шельский, ашельский и мустьерский³.

Когда на территории Абхазии обитали древнейшие люди, уровень Черного моря находился примерно на 60 м выше современного. Поэтому наиболее ранние памятники человеческой деятельности были обнаружены здесь на самой древней и высокой (пятой) террасе, возвышающейся над современным уровнем моря на 80—110 м. Эти памятники относятся к шельскому и ашельскому периодам. Наиболее древние палеолитические орудия (дошельского типа) в Абхазии пока еще не найдены. Места поселения, очевидно, располагались по берегам рек⁴. Палеолитические находки в Абхазии в большинстве случаев были сделаны в аллювиальных и деллювиальных отложениях⁵. Это обычные условия нахождения остатков

³ Свои названия эти периоды получили от мест во Франции, где впервые были найдены орудия данного типа — городок Шель и местечко Сент-Ашель в Северной Франции, деревня и пещера Ле Мустье на юго-западе Франции.

⁴ Замятни, *Палеолит Абхазии*, стр. 9.

⁵ Аллювий — наносы, принесенные и отложенные реками и потоками в их долинах, деллювий — рыхлые отложения на склонах гор и холмов продуктов выветривания горных пород, перемещенных вниз под напором дождевых вод и силы тяжести.

древнепалеолитического времени и в других местах, например в Северной Франции, Бельгии, Южной Англии, Палестине, Армении, Юго-Осетии и др.

В результате интенсивности почвенных процессов, разрушавших костные остатки, в аллювиальных палеолитических местонахождениях Абхазии почти не встречаются палеонтологические находки⁶.

Шелльские памятники По насыщенности остатков древнего каменного века восточное побережье Черного моря, особенно территория Абхазии, занимает одно из первых мест в Советском Союзе.

Памятники шелльского периода были обнаружены в 1958 г. в долине Восточной Гумисты и на горе Яштух (Сухумский район)⁷.

Одним из характернейших орудий этого периода является миндалевидное массивное рубило, один конец которого имеет вид острия, а верхняя часть, оставшаяся без обработки, служит рукоятью («пятка»). Шелльское рубило было универсальным по своему назначению орудием. Человек мог выполнять им различные работы — рубить, резать, выкапывать из земли корни, употреблять его в качестве оружия при защите или нападении, особенно во время охоты на животных, и т. д. Кроме ручного рубила первобытные люди употребляли и другие каменные орудия. Важное значение имели так называемые отщепы, которые получались в результате отщипывания исходного каменного желвака — нуклеуса⁸ или путем расщепления кремневого валуна на две части. Крупные отщепы могли быть использованы в качестве примитивных инструментов и без дальнейшей обработки, а другие после дополнительной отделки превращались в острия, проколки, скребловидные орудия, раскатыватели и пр.

Характерной чертой раннего палеолита Абхазии является изобилие разнообразных кремневых отщепов при весьма малом количестве орудий в виде ручных рубил.

⁶ Замятнин, *Палеолит Абхазии*, стр. 5.

⁷ Бердзенишвили, *Новые данные*, стр. 162, 174—175.

⁸ Нуклеус («ядрище») — кусок камня в форме диска или призмы, полученный путем перерубания камня полерек другим камнем. С нуклеуса скалывались пластины, или отщепы, из которых (после доработки или без таковой) получались режущие инструменты, скребки и пр.

Долина Восточной Гумисты дала огромное количество массивных отщепов и среди них — прекрасный экземпляр кремневого ручного рубила шелльского типа, поверхность которого обработана с двух сторон широкими малочисленными сколами. Длина орудия — 12 см, ширина «пятки» — 5 см. На закругленном рабочем конце орудия сохранились маленькие выщербины — следы его употребления⁹.

С шелльскими орудиями должно быть увязано также ручное рубило из твердого, базальтовидного камня, обнаруженное на северном склоне горы Яштух. Это орудие более массивно, чем рубило из долины Гумисты, оно весит около 1 кг при длине — 20 см¹⁰.

Ашельские Значительно богаче представлены на территории Абхазии памятники следующего археологического периода — ашельского, отстоящего от нас примерно на 300—100 тыс. лет. Еще в 1934—1936 гг. археологической экспедицией под руководством С. Н. Замятнина в Абхазии было обнаружено десять древнепалеолитических местонахождений домустьерского возраста: с. Колхида (близ Гагра), пос. Кюр-дере (близ Нового Афона), с. Нижний Яштух, г. Сухуми, горы Бырц, Гвард и Апианча, с. Отап, г. Гали и с. Чубурисихинджи¹¹.

Эти открытия представляли собой первую находку культурных остатков начала и середины ашельского времени, сделанную на территории СССР¹².

Впоследствии памятники ашельской эпохи были найдены и в некоторых других местах Абхазии — в Анухва, Леселидзе, Хейвани и др.¹³ (рис. I).

Как уже отмечалось, характерной чертой абхазского палеолита, особенно проявлявшейся в ашельское время, было множество разнообразных отщепов при весьма ограниченном числе ручных рубил. Такая картина сближа-

⁹ Бердзенишвили, *Новые данные*, стр. 174.

¹⁰ Там же, стр. 175.

¹¹ Замятнин, *Палеолит Абхазии*, стр. 9—13.

¹² Впоследствии С. Н. Замятнин признал в некоторых из найденных им на Яштухе орудиях шелльский облик. «Материалы эти указывают, — писал он, — на возможность выделения части инвентаря, еще более древней (раннешелльской), чем преобладающая масса кремней» (Замятнин, *Очерки*, стр. 82).

¹³ См. Соловьев, *Следы нижнего палеолита*.

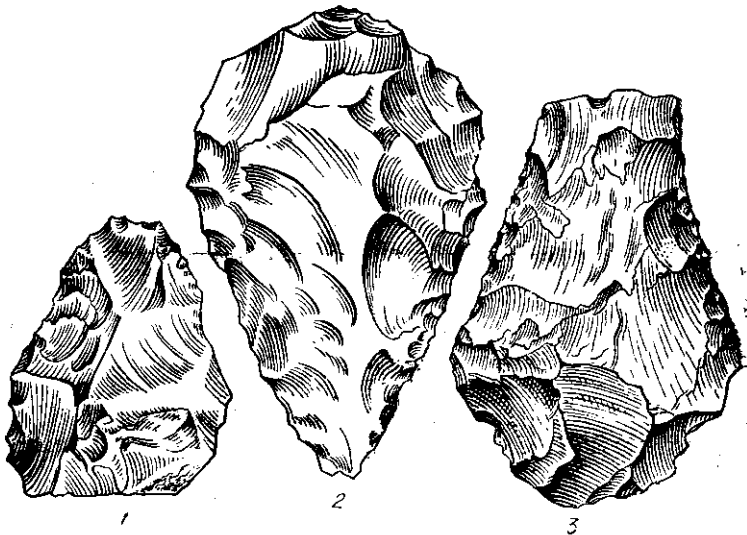

Рис. 1. Памятники палеолита:

1 — Шелльское кремневое рубило (долина Восточной Гумисты); 2 — ручное рубило (с. Леселидзе, нижний палеолит); 3 — каменное ручное рубило (г. Гали)

ет древний каменный век Абхазии с палеолитической стоянкой Клектон-он-Си на юго-восточном побережье Англии, а также с местонахождением Леваллуа во Франции.

Основная масса оббитых камней, собранных на ашельских стоянках Абхазии, представляет собой грубые массивные отщепы широких и неправильных очертаний, подтреугольной и неправильно прямоугольной формы, сколотые с дисковидного нуклеуса. На некоторых из них имеется грубая вторичная обработка, путем которой изготовлялись массивные скребла и остроконечники. В значительном количестве встречаются и нуклеусы, превращенные, иногда путем подправки краев, в грубые рубящие орудия¹⁴. Характернейшее для древнего палеолита орудие — ручное рубило встречается лишь в единичных, хотя и типичных экземплярах.

¹⁴ Замятин, *Палеолит Абхазии*, стр. 13.

Абхазские нижнепалеолитические памятники лишней раз иллюстрируют несостоятельность попыток буржуазных археологов (Брейль, Пфейфер, Менгин и др.) выделить в древнем палеолите две культуры, якобы существовавшие параллельно, — примитивную «культуру отщепов» и более высокую «культуру ручных рубил». Почти во всех раннепалеолитических местонахождениях (в том числе и абхазских), открытых советскими археологами, вместе с ручными рубилами обнаружены многочисленные отщепы, которые имели громадное значение в жизни первобытных людей¹⁵.

Из всех палеолитических местонахождений Абхазии наиболее крупным и интересным является Яштухское¹⁶. Следует подчеркнуть, что Яштух представляет собой сложный памятник, который содержит разнородный палеолитический материал. Помимо архаических кремней здесь имеются довольно многочисленные находки более поздних культур. Древнейшую группу яштухских находок составляют орудия шелльско-ашельского типов, которые одновременны позднешелльскому комплексу из местонахождения Сатани-дар в Армении¹⁷.

По количеству преобладают широкие и массивные отщепы весьма характерного облика. Контур их имеет неправильно прямоугольные или подтреугольные очертания. Интересны также нуклеусы, имеющие обычно дисковидную форму. Несколькими экземплярами представлены и ручные рубила. Из орудий, изготовленных на отщепках, в архаическом инвентаре Яштуха имеются еще остроконечники и скребла. Важно отметить, что яштухские материалы позволяют проследить ряд характерных черт древнейшей палеолитической техники¹⁸.

Из орудий позднешелльского периода приведем описание кремневого рубила, обнаруженного в Леселидзе. Рубило имеет миндалевидную форму с округлой пяткой и прямыми боковыми лезвиями, нить которых слегка волниста. Конец узкий и довольно острый. В поперечном разрезе орудие асимметрично, можно различить плоское брюшко и выпуклую спинку, наибольшая высота которой находится в тыльной части. Обе поверхности обработаны

¹⁵ Бердзенишвили, *Новые данные*, стр. 174.

¹⁶ Замятнин, *Палеолит Абхазии*, стр. 8.

¹⁷ Паничкнна, *Палеолит Армении*, стр. 63.

¹⁸ Замятнин, *Палеолит Абхазии*, стр. 20—23.

крупными сколами. Длина орудия — 14 см, наибольшая ширина — 8 см, толщина у пятки — 5,5 см. По характеру обработки и правильной форме это орудие можно сопоставить с лучшими экземплярами рубил палеолита Армении из стоянок Арзни и Сатани-дара¹⁹.

Вообще следует отметить, что среди абхазских палеолитических материалов встречается немало памятников, весьма близких к комплексам названных армянских стоянок. В частности, М. З. Паничкина указывает на ближайшее сходство между инвентарем Сатани-дара и Яштуха. Для обоих местонахождений характерно сочетание двухсторонне обработанных орудий и отщепов. Но вместе с тем имеется и существенное отличие: в то время как на Сатани-даре двухсторонние орудия встречаются в значительном количестве и имеют типичные, хотя и очень грубые формы ручного рубила, на Яштухе изделия этого типа немногочисленны и отличаются примитивным обликом²⁰. Одну из причин этой разницы следует видеть в различии качества исходного материала, шедшего на изготовление орудий. В Армении для этой цели употреблялся высококачественный обсидиан, а в Абхазии — сравнительно грубый кремьен, придававший инвентарю более примитивный облик²¹. Поэтому, надо полагать, древнейшие обитатели Абхазии делали мало ручных рубил, заменяя их рубящими орудиями из нуклеусов и кусков кремня.

Что касается сходства инвентаря раннепалеолитических стоянок, которые порой отстояли друг от друга на значительных расстояниях, то это отнюдь не обязательно свидетельствует о связях древних общин и тем более об этническом родстве между ними. Как отмечает А. А. Формозов, «мы не можем говорить о родстве обитателей стоянок с инвентарем клектонского типа в Англии и Абхазии или о родстве обитателей Франции и Армении, давших большое число ручных рубил», и далее указывает на то, что «техника обработки кремня в раннем палеолите стояла на таком уровне, что она не могла давать многочисленных вариантов, как техника позднего палеолита, мезолита и неолита»²².

¹⁹ Соловьев, *Следы нижнего палеолита*, стр. 185.

²⁰ Паничкина, *Палеолит Армении*, стр. 40—41.

²¹ Там же, стр. 41.

²² Формозов, *Этнокультурные области*, стр. 28.

Таким образом, черты сходства, наблюдающиеся в инвентаре ряда нижнепалеолитических стоянок, не результат общности происхождения или связей между ними, а следствие примитивизма их культуры²³. На ранних ступенях истории общества особенно заметно проявляется так называемая конвергенция, т. е. сходство, вызванное приспособлением к относительно одинаковым условиям жизни. Это тем более вероятно, что в эпоху раннего палеолита население было весьма малочисленным и поэтому чрезвычайно редким. Между отдельными заселенными пунктами могли быть огромные безлюдные пространства.

Однако в некоторых областях, особенно благоприятных для обитания первобытных людей, расстояния между отдельными раннепалеолитическими стоянками иногда бывали и небольшими. К числу таких областей принадлежала, очевидно, и территория современной Абхазии, где следы обитания ашельского человека обнаружены более чем в десяти пунктах. Надо отметить, что все ашельские местонахождения Абхазии имеют близкое сходство между собой. Возможно, что в данном случае мы имеем дело не только с конвергентным путем развития техники обработки камня, но и с определенным генетическим родством, обусловленным естественным процессом дифференциации ашельских общин.

Хозяйство Переходя к характеристике хозяйственного быта людей шельско-ашельской эпохи, укажем прежде всего на то обстоятельство, что каменные изделия не были их единственными орудиями. Первобытный человек, несомненно, широко пользовался различными деревянными орудиями, а позднее ввел в употребление и орудия из кости²⁴. При обработке деревянных и костяных изделий применялись, разумеется, и другие каменные орудия — рубила, скребла и пр.

В продолжение всего начального этапа развития первобытного общества ведущей формой хозяйства была охота, и охотничий образ жизни определял весь быт древнейшего человечества. Советские ученые, отвергая

²³ Там же, стр. 31.

²⁴ Соловьев, *Следы нижнего палеолита*, стр. 187.

распространенное в зарубежной науке мнение, будто первобытные люди занимались вначале собирательством и лишь впоследствии перешли к охоте, утверждают, что только потребностями охоты можно объяснить появление у человека первых орудий, а собирательство само по себе может осуществляться как с орудиями, так и без них. Первобытные люди на территории Абхазии охотились главным образом на крупных зверей, таких, как дикая лошадь, бык, олень, медведь, а иногда носорог, слон, гиппопотам. При наличии примитивных орудий такая охота могла вестись только целым коллективом, а для охоты на мелкого зверя эти орудия были непригодны. Таким образом, охота стимулировала также развитие коллективных форм труда²⁵.

Интересные сведения об охотничьем промысле первобытных людей получены в результате исследования археологических находок, сделанных в долине р. Джоджоры Кударского ущелья в Юго-Осетии. Горы, окаймляющие реку, создали исключительно благоприятные условия для развития первобытной охоты. Особенно удобными в этом отношении были склоны Часавальской горы, где вода образовала в известняках многочисленные шахты, колодцы, воронки и овраги. Именно здесь устраивали ашельцы коллективные охоты на зверей.

Основным объектом промысла кударских охотников был пещерный медведь. Самое крупное и сильное животное не могло противостоять людям, сбрасывавшим на него большие камни. Добыч зверя, ашельцы съедали мясо, а кости и черепа раскалывали, чтобы съесть также мозг; целыми оставались лишь мелкие кости ног, челюсти и позвонки²⁶.

Наряду с охотой важное хозяйственное значение имело и первобытное собирательство. Можно полагать, что плоды и корни составляли в количественном отношении основную часть пищи человека²⁷, но все же более важную роль в жизни первобытных людей играла мясная пища.

²⁵ Борисковский, *Древнейшее прошлое*, стр. 51; Замятин, *Некогоры вопросы*, стр. 94—95.

²⁶ Любин, *Кударо I*, стр. 32—33.

²⁷ Борисковский, *Древнейшее прошлое*, стр. 51.

Социальные отношения Ашельские люди объединялись в сравнительно небольшие коллективы, состоящие из нескольких десятков человек²⁸. Первоначально внутри этих коллективов не было никакого разделения труда; мужчины и женщины, вероятно, занимались одной и той же работой, в равной мере участвуя как в охоте, так и в собирательстве²⁹.

Крайне низкая производительность труда шелльско-ашельской общины, обусловленная примитивными формами первобытной техники, едва обеспечивала ей полуголодное существование³⁰. В таких условиях, разумеется, только коллективный труд всех членов общины мог обеспечить добычу минимально необходимых средств к жизни. Поэтому здесь не могло быть обособленного присвоения общественного продукта отдельными лицами, и распределение предметов потребления среди членов коллектива носило уравнилельный характер. Это была самая ранняя и простейшая социальная кооперация.

Общий труд в эпоху нижнего палеолита вел к общей собственности на орудия и средства производства. Постепенное становление уже в самый ранний период истории человечества коллективной собственности на основные средства производства, прежде всего на кормовую территорию, было закономерным следствием закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Из изложенного выше ясно, что общество человека эпохи шелля и ашеля, умевшего изготавливать орудия определенных форм, владевшего огнем (хотя еще и не научившегося добывать его искусственным путем), осуществлявшего организованную коллективную охоту на крупного зверя и т. д., нельзя считать примитивным «стадом», поскольку в действительности оно представляло собой уже определенное человеческое общество³¹.

Однако на начальном этапе развития первобытной общины «сохранялось еще немало пережитков животного состояния». В этот период «менялись не только техника

²⁸ Каландадзе, *К истории формирования*, стр. 240.

²⁹ Борисковский, *Древнейшее прошлое*, стр. 134.

³⁰ Именно этим объясняется практика каннибализма (людоедство), бытовавшая среди древнейших людей.

³¹ Формозов, *Этнокультурные области*, стр. 26.

людей, их орудия, хозяйственные отношения, но менялся, и довольно существенно, сам физический тип человека»³².

На этой стадии развития еще не было каких-либо форм семьи и брака. В шелльско-ашельской общине господствовала свобода половых отношений, когда каждая женщина могла принадлежать каждому мужчине и наоборот³³. Единственным зародышем семьи в тех условиях может быть признана лишь естественная связь между матерью и ее ребенком. Следовательно, нижнепалеолитические общины представляли собой замкнутые эндогамные³⁴ объединения, которые были основными социальными единицами той эпохи.

Дородовые эндогамные коммуны состояли из небольших групп в несколько десятков человек, обладавших сравнительно большой (во много квадратных километров) территорией, являвшейся как бы кормовой базой. Такая группа, или орда, людей вела независимое от других существование. Вожаками этих древнейших орд стихийно становились наиболее опытные люди. Каких-либо органов или учреждений, регулирующих общественную жизнь, внутри орды не было. Как правило, не было также и столкновений между отдельными ордами в форме войны, так как для этого не имелось еще соответствующих экономических предпосылок.

Дородовая община не была крупной, прочной и постоянной ~~человеческой группой~~; в разных местностях, в зависимости от конкретных условий и возможностей пропитания, от сезона и прочее, она могла распаться и вновь скапливаться, меняясь в своем составе³⁵.

Культура Само собой разумеется, что уровень культурного состояния членов дородовой эндогамной общины был чрезвычайно низок.

По данным абхазских нижнепалеолитических материалов можно предположить, что люди той эпохи чуждались моря и не имели еще возможности использовать его

³² Борисковский, *Древнейшее прошлое*, стр. 135.

³³ Такое беспорядочное отношение полов называется промискуитетом (от лат. promiscuus — «смешанный»).

³⁴ Эндогамия — обычай заключения браков внутри данной общины (греч. «эндон» — внутри и «гамос» — брак).

³⁵ Косвен, *Очерки*, стр. 24.

для своих хозяйственных целей³⁶. Они предпочитали устраивать становища вблизи рек и на склонах невысоких гор. В условиях теплого климата шельско-ашельские временные стойбища устраивались, как правило, на открытом воздухе. Вместе с тем в определенных условиях человек ашельского времени начинает осваивать и готовые природные жилища, которыми служили для него пещерные навесы и гроты.

Однако до недавнего времени ни на Кавказе, ни в других областях СССР не удавалось обнаружить не тронутые временем поселения ашельских людей, хранящие свидетельства их образа жизни: очаги, кухонные отбросы, места изготовления орудий и др. Лишь несколько лет назад посчастливилось открыть первые поселения такого рода в некоторых пещерах Кударского ущелья в Юго-Осетии³⁷. В одной из этих пещер (Кударо I), расположенной на высоте свыше 1600 м, были сделаны чрезвычайно ценные находки: открыты места изготовления каменных изделий, места хранения мяса, следы употребления огня. Пещера представляла собой стоянку-лагерь ашельских охотников³⁸.

Важное значение имеют следы употребления огня (найденны остатки постоянного очага). Человек ашельского времени, очевидно, использовал огонь не только в качестве источника тепла в холодное время года, но и как средство борьбы со зверем, в частности во время коллективной охоты. Очень рано, надо полагать, люди научились поджаривать на огне мясо животных, а также съедобные корни и плоды. Это не только улучшало пищу, но и способствовало дальнейшему совершенствованию человеческого организма³⁹.

Большой успех был сделан в области развития мышления и речи первобытного человека. Есть основание предполагать, что шельско-ашельские люди уже объяснялись звуковой речью, хотя и не вполне членораздельной. Речь людей эпохи нижнего палеолита, как видно, состояла еще из слабо дифференцированных звуков, дополняемых при необходимости мимикой и телодвижениями⁴⁰.

³⁶ Археология Грузии, стр. 33.

³⁷ Любин, *Кударо I*, стр. 32.

³⁸ Там же, стр. 33.

³⁹ Всемирная история, стр. 29—30.

⁴⁰ Там же, стр. 37.

Весь рассматриваемый период истории человечества был в основном дорелигиозным. Человек не дошел еще до способности фантастического объяснения явлений окружающей природы. Высказанное в последнее время предположение, что на начальных этапах ашельской эпохи уже возникли зачатки первобытных верований, основанных, в частности, на почитании зверя, являвшегося основным объектом охотничьего промысла ашельцев («культ зверя»), требуют еще дополнительного изучения и подтверждения⁴¹.

Таким образом, первобытные люди шелльско-ашельской эпохи, преодолевая огромные трудности, добивались, хотя и очень медленно, прогресса в своей хозяйственной и общественной жизни. В эту эпоху были заложены твердые основы дальнейшего развития первобытного человечества.

Мустьерская Завершающим этапом в развитии эпоха мустье (около 100—40 тыс. лет тому назад) нижнепалеолитического общества была

180252
Мустьерскую культуру некоторые ученые выделяют даже из нижнего палеолита в особый «средний палеолит», что не лишено известного основания, поскольку в эпоху мустье произошел ряд существенных изменений как в технике, так и в идеологии первобытного человека⁴². Но, несмотря на эти элементы нового, мустьерская эпоха целиком еще принадлежит нижнему палеолиту⁴³. Важное значение имеет то обстоятельство, что эта эпоха, как и предшествующие, относится к дородовому периоду истории первобытнообщинного строя.

Ареал распространения мустьерской культуры был значительно шире, чем шелльской и ашельской культур. Такое расселение человека мустьерского времени (хотя теперь он жил в гораздо менее благоприятных условиях, чем его предшественники) оказалось возможным потому, что благодаря развитию производительных сил он сумел преодолеть возникавшие трудности⁴⁴.

Переход от ашельской к мустьерской эпохе совпал с крупными изменениями природных условий. Наступил

⁴¹ Любин, *Кударо I*, стр. 33.

⁴² Крупнов, *Древняя история и культура Кабарды*, стр. 21.

⁴³ Замятнин, *О локальных различиях*, стр. 118—119.

⁴⁴ *Всемирная история*, стр. 38.

период так называемого рисского оледенения, которое повлекло за собой резкое ухудшение климата. С этим периодом и совпадает в большей своей части мустьерская эпоха⁴⁵.

На Кавказе в рисский период ледники стали опускаться в низины и постепенно покрыли прилегающие районы, вызвав резкое похолодание и на побережье Черного моря. Впрочем, здесь, как видно, изменение климата стало ощущаться несколько позднее, в период развитого мустье⁴⁶.

В связи с наступившим похолоданием вымерли и частично переселились на юг гиппопотамы, теплолюбивые виды слонов и носорогов. Их место заняли приспособленные к холодному климату мамонты и сибирские носороги. Фауна рисского времени представлена также дикой лошадью, бизоном, пещерными хищниками — львом, медведем, гиеной и др.

Наиболее важным культурным приобретением мустьерской эпохи явилось освоение огня, выработка способов искусственного его добывания. По высказыванию Энгельса, добывание огня трением имело гораздо большее историческое значение, чем изобретение паровой машины. «Ведь добывание огня трением впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства»⁴⁷.

Одним из древнейших способов добывания огня, возникшим в мустьерскую эпоху, было, надо полагать, добывание его путем трения дерева о дерево. Многие народы сохраняли этот примитивный способ как культовый пережиток, когда, например, требовалось зажечь «священный огонь». Так, еще в начале XX в. «при появлении мора у животных абхазы тушат все огни, а затем раздobyгают священный огонь, потом разводят большие костры, между которыми проводят всех домашних животных и людей. Священный огонь добывают трением сухих фундуковых палок, причем при трении поют песню огня. Все должны развести у себя дома вновь огонь от этого священного огня, для чего каждый берет по головешке»⁴⁸.

⁴⁵ Борисковский, *Древнейшее прошлое*, стр. 68.

⁴⁶ Археология Грузии, стр. 33.

⁴⁷ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 117.

⁴⁸ Джанашиа, *Статьи по этнографии*, стр. 76.

В мустьерскую эпоху произошли существенные изменения и в физическом облике человека. Древнейшие люди трансформировались в так называемых неандертальских людей, которые, несмотря на то что у них сохранилось немало примитивных черт, по своему физическому строению ближе напоминали современного человека и явились его непосредственными предшественниками.

Неандертальцы гораздо свободнее владели речью, чем ашельские люди. Они могли произносить многочисленные дифференцированные слова-предложения, хотя не умели еще связывать между собой отдельные слова.

В эпоху мустье значительно совершенствуется методика изготовления каменных орудий. Широкое развитие получает так называемая сколотая техника, которая заключалась в скалывании с нуклеуса пластин различной величины. При обработке орудий значительно чаще, чем в предшествующий период, применяется ретушь — отделка камня мелкими сколами.

На территории Абхазии мустьерские местонахождения представлены довольно широко. Еще в 1934—1936 гг. экспедиция под руководством С. Н. Замятнина обнаружила следы мустье в 23 пунктах края. Мустьерские находки, как правило, связываются с 3-й террасой (35—40 м над уровнем моря)⁴⁹.

Важнейшими мустьерскими местонахождениями Абхазии являются: с. Дечколи и пос. Келасури (близ Сухуми), с. Боговешты, с. Анастасьевка (ныне Ганахлеба), г. Очамчире, совхоз «Чай-Грузия» (Ачигвара) и г. Гали. Кроме того, памятники эпохи мустье найдены в Калдахвара, Лыхна, Гудаута, Эшера, Яштухе, Мокви, Илори и других местах.

Обнаруженные здесь памятники представлены большим количеством характерных мустьерских кремней — дисковидные нуклеусы, остроконечники, скребла, пластинки с ретушью и пр. Следует отметить также превосходное ручное рубило из Ачигвара, выделяющееся из остальных подобных находок совершенством ретуши и тонкостью рабочего края⁵⁰.

⁴⁹ Замятнин, *Палеолит Абхазии*, стр. 9.

⁵⁰ Там же, стр. 15—16.

Анализируя мустьерские памятники Абхазии, С. Н. Замятин пишет: «Кремневый инвентарь мустьерских местонахождений по своему основному техническому признаку — пользованию дисковидным нуклеусом — примыкает к предшествующей, более древней группе, однако по целому ряду приемов достаточно резко от нее отличается. Пластинки мустьерской эпохи обычно гораздо менее массивны, с менее выпуклым и меньшим ударным бугорком. Площадка удара делается уже, образует меньший угол (почти приближающийся к прямому) с нижней гладкой плоскостью отщепы и, как правило, тщательно отретуширована от нуклеуса. Фасетки этой подправки, встречающиеся и раньше, в мустьерскую эпоху делаются мельче, ровнее. Ретушь в обработке применяется чаще, имеет более уверенный характер, выравнивает край отщепов, придавая им правильное очертание. Совершенно исчезает стесывание как прием вторичной обработки. Наоборот, заготовки, полученные этим приемом (мелкие и очень сработанные нуклеусы), окончательно оформляются путем ретуши, как и орудия, изготовленные из отщепов.

Помимо этих двухсторонне обработанных орудий продолжает изредка встречаться и настоящее рубило, выделяющееся точностью обработки, как показывает упомянутая находка в Ачигварском часовхозе...

Особо нужно упомянуть материал местонахождения близ горы Ахбюк, в шести километрах к северу от Сухуми, выделяющийся из основной массы мустьерских находок Абхазии.

Собранные здесь кремни, однородные по составу, без примеси архаичных или верхнепалеолитических форм, могут быть датированы как позднемустьерские. Они отличаются правильной изящной формой, чрезвычайно тонкие, уплощенные и, несмотря на крупные размеры, имеют тщательно обработанную площадку. Интересные нуклеусы, чрезвычайно правильных овальных очертаний, чечевицеобразные в сечении, судя по подправке краев, использовавшиеся как орудие»⁵¹.

Археологической экспедицией под руководством Н. З. Бердзенишвили в 1958 г. собран кремневый материал, содержащий комплекс мустьерской эпохи. По технике об-

⁵¹ Там же, стр. 17.

работки кремня и типологически он легко выделяется из всего подъемного материала. В комплексе мустьерского возраста имеются нуклеусы, отщепы и прекрасные эземпляры остроконечников⁵². В частности, в большом количестве представлены ранние мустьерские нуклеусы и рубящие орудия⁵³.

Хозяйство В соответствии с прогрессом в развитии техники мустьерских людей происходят заметные изменения и в их хозяйственной жизни. Более высокого уровня развития достигает первобытное охотничье хозяйство. Показателем этого являются находимые во многих мустьерских стоянках большие скопления костей убитых на охоте животных — мамонтов, пещерных медведей, бизонов, диких лошадей и др. Так, например, на Ильской мустьерской стоянке (Северо-Западный Кавказ) были обнаружены кости около 2500 бизонов.

В самом конце мустьерского периода в качестве оснащения охотничьего оружия появляются первые наконечники копий из камня, а еще раньше, надо полагать, употреблялись простые деревянные копыя и рогатины⁵⁴. Еще более усовершенствовались формы коллективной охоты.

Можно допустить, что в мустьерскую эпоху внутри родового общества возникает первое разделение труда — по полу и возрасту. Охота постепенно начинает сосредоточиваться в руках мужчин, в то время как собирательство целиком оставалось в руках женщин. Отдельные виды труда закреплялись за подростками и людьми старшего поколения.

Социальные отношения Развитие половозрастного разделения труда способствовало вызреванию тех общественно-экономических элементов, которые впоследствии привели к возникновению материнской (матриархальной) родовой общины. Именно на заключительных стадиях мустьерской эпохи начинают складываться объективные условия для становления родового строя, оформившегося уже в последующую эпоху.

⁵² Бердзенишвили, *Новые данные*, стр. 170.

⁵³ Там же, стр. 173.

⁵⁴ Замятин, *Некоторые вопросы*, стр. 83.

Существенный сдвиг был сделан во взаимоотношениях полов. Вместо промискуитета постепенно утвердилось так называемая «кровнородственная семья», когда из сферы полового общения были исключены представители разных поколений — родители и дети. Затем, очевидно к концу мустьерской эпохи, половые запреты распространяются на родных братьев и сестер. Однако в целом мустьерская община оставалась все же замкнутой эндогамной организацией.

Резкое похолодание, вызванное наступлением ледникового периода, привело к необходимости искать более надежные жилища. Неандертальцы интенсивно стали заселять пещеры и гроты. Чаще всего они селились в неглубоких гротах, в начальной части пещер или же на площадке под нависающей скалой.

Как известно, на территории Абхазии имеется большое количество пещер, среди которых многие представляли все удобства для обитания в них первобытного человека⁵⁵. Однако пока еще очень мало сделано для изучения их в этом направлении. В 1958 г. в ущельях рек Мачара, Гумисты и Амткела было обследовано около 20 карстовых пещер, но следы обитания первобытного человека установлены пока только в двух, хотя не исключена возможность, что в дальнейшем и в других здесь существующих пещерах также обнаружатся палеолитические остатки⁵⁶.

Одна из этих пещер была, как видно, населена в позднемустьерскую эпоху. Пещера расположена на левом склоне ущелья р. Амткела в 2 км от села того же названия, высота ее у входа — около 15 м, ширина — 19 м, а глубина не превышает 18 м и имеет форму широко открытого навеса.

Хотя разведочные работы внутри пещеры не дали результатов, поскольку культурные остатки залегают здесь, видимо, глубоко, но обнаруженные у входа несколько кремней, из которых два отщепы имеют явные следы позднемустьерской техники обработки, свидетельствуют, что пещера, несомненно, была заселена в ту эпоху.

Большой интерес представляет Ахштырская пещера, расположенная вблизи северных границ Абхазии, на бе-

⁵⁵ Иващенко, *Исследование*, стр. 6.

⁵⁶ Бердзенишвили, *Новые данные*, стр. 166.

реку р. Мзымты. Она довольно глубока и имеет длинный и темный коридор, но обитаемы были лишь площадка перед входом и близкая к нему часть пещеры, освещаемая солнцем. У входа разжигались костры (об этом свидетельствуют зольные остатки), готовилась пища и изготовлялись каменные орудия. Темная и прохладная внутренность пещеры, как видно, использовалась для хранения запасов.

Из фаунистических остатков здесь были найдены кости, принадлежавшие не менее чем 49 пещерным медведям, а также небольшое количество костей гигантского оленя, кабана, лисицы и дикого кота.

Недалеко от Ахштырской пещеры, в долине р. Кудепсты, расположена Навалишинская пещера, материалы из которой указывают, что это была временная стоянка мустьерского человека. Можно полагать, что она посещалась людьми лишь во время сезонных охот на пещерного медведя, а зимой была недоступна и непригодна для обитания ⁵⁷.

Большие коллекции мустьерского времени собраны также в Ацинской, Хостинской и Партизанской пещерах, расположенных в окрестностях Сочи ⁵⁸.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в мустьерскую эпоху начинают появляться первые признаки оседлости. Временные стойбища первобытных людей постепенно превращаются в более или менее постоянные лагеря.

Культура и межобщинные связи Важное историческое явление мустьерской эпохи — это несомненный факт усиления культурных связей между родовыми общинами.

Хотя присущие каждой стоянке различия в обработке кремня и в типах орудий говорят о продолжающейся еще обособленности этих общин, но, как правильно отмечает А. А. Формозов, начинающееся группирование на определенных территориях стоянок с одним обликом культуры говорит о возникновении каких-то связей между разными общинами, связей, приведших к установлению известного единообразия в способах обработки кремня в

⁵⁷ Борисковский, *Древнейшее прошлое*, стр. 105.

⁵⁸ Формозов, *Этнокультурные области*, стр. 39.

данном районе⁵⁹. По мнению того же автора, «для мустьерской эпохи можно, по-видимому, говорить об обособлении по облику культуры Кавказа и примыкающих районов от Русской равнины»⁶⁰.

О наличии реальных межобщинных связей мустьерского населения Кавказа, обитавшего в смежных районах, говорят и абхазские материалы. Так, С. Н. Замятнин указывал о находке близ Очамчире типичного мустьерского инвентаря, сходного с материалами Кубани и Крыма⁶¹. Ачигварское мустьерское рубило имеет аналогию с находками из крымских пещер Чокурча и Шайтан-Коба. Мустьерские кремни из Ахбюка ближе всего стоят к инвентарю пещеры Шайтан-Коба⁶². Материалы из Ахбюка, Келасури и Очамчире могут быть сближены также с мустьерскими памятниками Ильской палеолитической стоянки на Кубани⁶³.

Таким образом, на основании имеющихся данных можно заключить, что «внешние связи» мустьерских местонахождений Абхазии ведут пока в сторону Кубани и Крыма. Но не исключена, конечно, возможность обнаружения подобных связей и в других направлениях.

Культурно-историческая характеристика мустьерского общества в ее основных чертах не была бы полной, если бы мы не указали на некоторые важнейшие моменты в развитии мышления неандертальцев. Совершенно очевидно, что развитие труда и общества вызывало соответствующие прогрессивные изменения и в сознании первобытного человека. Следует подчеркнуть, что именно в мустьерскую эпоху, главным образом на заключительном ее этапе, возникают первые зародыши искусства, а также зачатки религиозных верований, проявившиеся, в частности, в наличии преднамеренного погребения покойников. На территории СССР такие погребения найдены пока в Средней Азии и Крыму⁶⁴.

⁵⁹ Там же, стр. 41—42.

⁶⁰ Там же, стр. 109.

⁶¹ Замятнин, *Палеолит Абхазии*, стр. 13—14.

⁶² Там же, стр. 29.

⁶³ Археология Грузии, стр. 29.

⁶⁴ Следует, впрочем, отметить, что не все советские исследователи признают факт возникновения религии и искусства в мустьерское время и датируют эти явления эпохой позднего палеолита (см. Косвен, *Очерки*, стр. 34—35; Зыбковец, *Дорелигиозная эпоха*, стр. 242—245).

Приведенные выше материалы свидетельствуют, что мустьерское время явилось этапом в процессе перехода от дородовой общины (составлявшей основную ячейку древнейшего и наиболее длительного периода истории человечества) к новой фазе социально-экономического развития — к родовой общине в ее матриархальной форме. Именно в мустьерскую эпоху складывались многие черты культуры и социальных отношений, которые стали характерными для последующего времени.

Формирование матриархально-родовой общины

Поздний палеолит На смену мустьерскому периоду развития общества приходит эпоха позднего, или верхнего, палеолита, которая датируется примерно 40—12-м тысячелетиями до н. э. Поздний палеолит в основном совпадает с последней, вюрмской, фазой оледенения, при которой распространение ледников имело значительно меньшие масштабы, чем в предшествующий период, но климат все же оставался суровым.

Переход к позднему палеолиту выразился в очень важных изменениях в технике, формах хозяйства, образе жизни, общественных отношениях и в самом физическом типе человека. Как отмечалось, эти изменения были подготовлены уже в конце мустьерской эпохи.

В позднепалеолитическое время усовершенствовалась техника обработки камня. Мустьерский дисковидный нуклеус сменился вытянутым ядрищем призматической формы, от которого откалывались уже не широкие отщепы, а узкие кремневые пластинки, которые после вторичной обработки (ретуши) или без таковой превращались в разнообразные типы орудий — скребки, резцы, тесла, ножи, пилки, наконечники копий и дротиков, небольшие рубящие орудия и т. д.

Новый способ отделения ножевидных пластинок от нуклеуса получил наименование отжимной техники, а орудия, которыми она осуществлялась, называются отжимниками.

На территории Абхазии памятники верхнепалеолитической эпохи обнаружены во всех районах. По наблюдениям С. Н. Замятнина, залегание верхнепалеолитических

остатков, по сравнению с более древними, носило несколько иной характер. В то время как ашельские и мустьерские кремни по преимуществу связаны с древним аллювием, верхнепалеолитические остатки залежали в деллювиальных отложениях, причем не глубоко, а в верхних горизонтах почвы. Они обычно встречаются пятнами на небольших ограниченных участках, которые бывают густо насыщены находками.

Особенно четко эта картина прослеживается в Лечкопе, Яштухе, Отапе и Гали. Кремневый инвентарь этих местонахождений включает удлиненные ножевидные пластинки, скребки на конце удлиненной пластинки, укороченные скребки округлых очертаний, реже массивные ладьевидные скребки, резцы боковые с кольцевой ретушью, угловые и массивные многогранные резцы, пластинки со стесанным краем, режущие маленькие инструменты с тонким стесыванием и массивные нуклеидные скребки и скобели. Последние собраны в значительном количестве.

Были обнаружены также более или менее правильные по форме призматические нуклеусы, но большинство из них носило следы вторичной обработки, приспособляющей их для использования в качестве орудий.

С. Н. Замятин предполагает, что в верхнепалеолитическую эпоху древние обитатели Абхазии начинают руководствоваться иными, чем раньше, соображениями при выборе места поселения. Связь расположения поселения с речными потоками не прослеживается уже так отчетливо. Вместе с тем он указывал, что основные материалы для изучения верхнего палеолита Абхазии должны быть доставлены раскопками пещер и навесов под скалами⁶⁵.

Одна из таких пещер, получившая условное название Ква-Чара, расположена в 5 км к западу от Цебельды. Она находится на высоте 700 м над уровнем моря. Высота ее у входа — 1,8 м, ширина — 3,7 м, длина — около 200 м. Здесь был обнаружен кремневый инвентарь, характерный для эпохи верхнего палеолита⁶⁶.

Другая пещера была обнаружена близ Цебельды, у слияния рек Кодора и Амткела. У абхазов она известна

⁶⁵ Замятин, *Палеолит Абхазии*, стр. 9—18.

⁶⁶ Бердзеришвили, *Палеолитические памятники*, стр. 3.

под названием Хупынипшахва («Холодный грот»). Наиболее ранние культурные слои этой пещеры относятся к позднему периоду верхнего палеолита.

Среди инвентаря древнейшего слоя Хупынипшахва обращают на себя внимание нуклеусы и пластинки, нередко отличающиеся правильной формой. Довольно много нуклеидных орудий, например, скребков. Есть также круглые скребки и скребки на конце пластинки, различные типы резцов, много пластинок с затупленным краем и косых острий. В небольшом количестве встречаются микролиты, но среди них уже есть хорошо оформленные сегменты. Изредка встречаются орудия из обсидиана. Орудий из сланца и кости здесь немного, последние представлены проколками⁶⁷.

Вышележащий слой Хупынипшахва содержит культурные остатки самого конца верхнего палеолита. В этом слое была сделана чрезвычайно редкая на территории СССР находка — выпрямитель для стрел и дротиков, изготовленный из плоско обточенного и отшлифованного предплечья пещерного медведя (рис. II). Орудие имеет круглое, заполированное от употребления отверстие и украшено с обеих сторон примитивным узором из нарезных линий. Оно ближе всего напоминает соответствующие орудия, находимые во французских стоянках эпохи мадлена — заключительной стадии палеолита.

Хозяйство В жизни людей верхнепалеолитической эпохи по-прежнему ведущее место занимала охота, в этой области были достигнуты новые значительные успехи. Продуктивность охоты существенно увеличилась в результате применения метательного оружия (копья, дротики), возникшего на грани верхнего и нижнего палеолита. Широкое распространение в этот

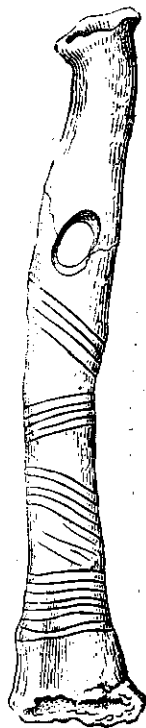

Рис. II. Выпрямитель для стрел из грота Хупынипшахва

⁶⁷ Соловьев, *Об итогах*, стр. 191.

период получают каменные наконечники. В результате всего этого стало возможным осуществление охоты численно меньшими коллективами. Отныне она становится полностью мужским занятием.

Дальнейшее усовершенствование охоты шло как по линии увеличения мощности метательного оружия, так и постепенного распространения различных самоловных устройств, что приводит в конце верхнего палеолита к серийным сдвигам в хозяйственном развитии, в частности самоловы с применением пружинного действия дерева явились необходимой предпосылкой для изобретения лука⁶⁸.

Некоторые данные позволяют считать, что в южных областях расселения древнего человека, в том числе и на территории Кавказа, лук и стрелы были изобретены значительно раньше, чем на севере. П. И. Борисковский пишет по этому поводу: «Здесь раньше, чем на севере, еще в позднем палеолите, а не в мезолите, распространились маленькие кремневые вкладыши, приближающиеся к геометрическим формам (микролиты). Они имели форму треугольника, сегмента, трапеции, прямоугольника, круга и не превышали 1—2 см в поперечнике. Некоторые из них, вероятно, служили наконечниками стрел. Это дает основание предполагать, что здесь уже в позднем палеолите, т. е. ранее, чем на севере, появились лук и стрелы»⁶⁹.

Изобретение лука и стрелы имело огромное историческое значение в жизни первобытного человека. По словам Энгельса, «для эпохи дикости лук и стрела были тем же, чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации»⁷⁰.

Следует, однако, отметить, что в период позднего палеолита лук играл лишь подчиненную роль в качестве составной части самоловных устройств и лишь позднее, в мезолите, получил характер самостоятельно употребляемого оружия.

Как видно из материалов древнейшего слоя грота Хулынипшахва, охота была основным хозяйственным занятием для его обитателей. Набор орудий этого слоя всецело приспособлен для ее нужд. Остеологический (костный)

⁶⁸ Замятин, *Некоторые вопросы*, стр. 107—108.

⁶⁹ Борисковский, *Древнейшее прошлое*, стр. 180.

⁷⁰ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи*, стр. 30.

материал, обнаруженный в гроте, свидетельствует, что главным объектом охоты здесь был тур, серна и пещерный медведь⁷¹.

В рассматриваемую эпоху еще большее значение приобрело собирательство растительной пищи. Теперь этим делом занимаются исключительно женщины и подростки. Значительно расширяется состав собираемых растений.

Земледелие в позднем палеолите отсутствовало, найденные мотыги наряду с копательными палками употреблялись лишь при сборе растительной пищи, для выкапывания охотничьих ям и землянок.

В позднем палеолите начинает зарождаться рыболовство, возникавшее в тех местах, где для этого имелись наиболее благоприятные условия. Именно в таком месте был расположен грот Хупынипшахва. У подошвы обширной площадки, находящейся перед гротом, из расщелины скалы вырывается подземный поток, в холодные воды которого осенью для метания икры входит лосось. Удобства этого места для рыбной ловли оценили древние обитатели ущелья р. Кодора еще в конце эпохи верхнего палеолита.

В древнейшем слое стоянки наряду с костями тура, серн и пещерного медведя встретились крупные позвонки лосося. Что касается последнего, верхнепалеолитического слоя пещеры, то он поражает обилием рыбных костей, принадлежащих опять-таки крупному лососю⁷².

Возникновение матриархального рода Изменения, которые в период позднего палеолита происходили в хозяйственной жизни первобытного общества, не могли не привести к существенным последствиям и в его социальном развитии.

В частности, к верхнепалеолитическому времени следует отнести установление экзогамии, т. е. порядка, по которому браки разрешались только между представителями разных общин. Утверждение экзогамии выражалось в постепенном запрещении устанавливать брачные связи сначала с близкими, а затем и дальними родственниками, пока, наконец, не привело к полному запрету заключения браков между представителями одного и того же рода.

⁷¹ Соловьев, *Об итогах*, стр. 191.

⁷² Там же, стр. 191.

В данном случае нет необходимости касаться сложного вопроса происхождения экзогамии, важно лишь подчеркнуть, что она, положив конец практике кровосмесительных эндогамных браков, приводившей к вырождению человеческой породы, сыграла огромную роль в биологическом процессе развития человека. Именно в позднепалеолитическую эпоху появляется человек современного типа (*Homo sapiens*), пришедший на смену своему предку — неандертальцу. В этом процессе экзогамия, конечно, сыграла далеко не последнюю роль.

Остатки ископаемого человека позднепалеолитической эпохи впервые на Кавказе были обнаружены в гроте Хупынипшахва в 1960—1961 гг.⁷³ В глубине ниши грота найдены челюсти (целые и в обломках), части черепных крышек и ключица, принадлежавшие нескольким индивидуумам. Изучение этих остатков позволит получить конкретное представление о внешнем виде и расовой принадлежности обнаруженного в гроте Хупынипшахва ископаемого человека, представлявшего, несомненно, одну из разновидностей человека современного физического облика.

Обычай экзогамии в качестве устойчивого пережитка сохранился у многих народов, в том числе и у абхазов. Г. Ф. Чурсин пишет по этому поводу следующее: «В области брачных отношений абхазы до сих пор строго придерживаются правил экзогамии: лица, принадлежащие к одной фамилии, не могут вступать в брак, хотя бы они происходили из различных районов Абхазии и находились в самых отдаленных степенях родства»⁷⁴.

Экзогамия приводит постепенно к сближению между собой представителей разных общин и к установлению внутри данной общины так называемого группового брака (пуналуа⁷⁵). В такой семье брачные отношения связывали группу родных сестер одного рода с группой родных братьев из другого рода. В таких условиях отец, как правило, не был известен, и поэтому дети принадлежали женщинам, что приводило к усилению роли и влияния в общественной жизни женщины-матери.

⁷³ Там же, стр. 194—195.

⁷⁴ Чурсин, *Материалы*, стр. 159.

⁷⁵ Так называлась эта семья на Гавайских островах, где она впервые была изучена.

Еще большую роль в возрастании общественного положения женщины играли экономические моменты. Как уже отмечалось, повышение производительности охоты в верхнем палеолите привело к четкому разграничению труда между женщинами и мужчинами. Последние постоянно были заняты охотой, а первые, при развивающейся относительной оседлости, больше времени проводили на стоянках, ведя все усложнявшееся хозяйство общины. Женщины собирали съедобные и технические растения, готовили пищу и т. д. В общественных жилищах женщины являлись подлинными хозяйками, в то время как мужчины были здесь пришельцами.

Все это послужило основой новой формы первобытнообщинных отношений — материнской родовой общины.

К. Маркс дает следующую развернутую характеристику матриархально-родовой общественной единицы: «Общины покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Структура этих организмов есть структура генеалогического дерева... Общий дом (т. е. общее домохозяйство — З. А.) и коллективное жилище были экономической основой более древних общин уже во времена, далеко предшествовавшие пастушеской и земледельческой жизни... работа производилась сообща, общий продукт, за исключением доли, откладываемой для воспроизводства, распределялся постепенно, соразмерно надобности потребления»⁷⁶.

В начальный период своего существования материнский род, как видно, представлял собой не только основную, но и единственную социальную ячейку общества. Племена, являющиеся более сложными социально-экономическими организациями, возникли позднее. Не исключено, однако, что одной из древнейших форм родового строя была дуальная организация, в которой два экзогамных рода были связаны друг с другом и представляли собой зародыш племени.

Культура и идеология Верхнепалеолитическая ступень в истории человечества представляет собой важную веху в развитии его материальной культуры и идеологии.

⁷⁶ Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 284.

В этот период, в частности, зарождается домостроительство и складывается новый уклад быта. Раскопками устанавливается, что во многих местах вся община, состоящая нередко из нескольких сот человек, проживала в обширном общем жилище, отличавшемся порой очень сложной конструкцией. Вместе с тем в других местах, где для этого имелись соответствующие условия, под жилища продолжали занимать пещеры, гроты и скальные навесы. Так обстояло дело, например, в Западной Грузии, где в пещерах Гварджис-кде, Сакажиа, Девис-хврели и других, обнаружены остатки значительных поселений той эпохи. Разумеется, это не исключало возведения наземных жилищ в равнинных местах, хотя остатки их до нас не дошли. В этом отношении не составляла исключения и Абхазия, здесь следы верхнего палеолита были найдены как в пещерах (Хупынипшахва), так и на открытых местах — Келасури, Очамчире и др.

Население рассматриваемой эпохи жило уже в условиях более продолжительной, чем раньше, оседлости. Не случайно, что именно в верхнепалеолитических пещерах Грузии были обнаружены мощные культурные слои, а в некоторых из них найдены даже остатки очагов. Длительное время обитал человек и в пещере Хупынипшахва. Несмотря на неблагоприятные условия жизни в этой пещере в период последнего оледенения, небольшой человеческий коллектив крепко держался старого жилища, открыв источник постоянного пропитания в рыбной ловле⁷⁷. Все это и является показателем оседлости в период позднего палеолита.

В позднепалеолитическую эпоху человек употреблял уже скроенную и сшитую одежду, о чем свидетельствуют обнаруживаемые в большом количестве кремневые и костяные острия-проколки, а также костяные иглы с отверстиями для нитей. Материалом для одежды, кроме шкур диких животных, служили трава, древесная кора, перья и пр. Нити изготовлялись из волокон растений и сухожилий.

Искусство верхнего палеолита представлено в основном памятниками петрографической живописи и художественной обработки кости. Важно подчеркнуть, что первобытное искусство с самого начала своего возникнове-

⁷⁷ Соловьев, *Об итогах*, стр. 191

ния пошло главным образом по пути правдивого изображения действительности, о чем, в частности, свидетельствуют замечательные образцы пещерной и наскальной живописи.

Правда, на территории Абхазии пока не найдено рисунков палеолитической эпохи, однако элементы позднепалеолитической графики были обнаружены в имеретинской пещере Мгвимеви, и поэтому, как указывает С. Н. Замятнин, «следует со вниманием отнестись к возможности подобных находок в Абхазии. С этой точки зрения, например, представляют большой интерес пещеры Ачкытызга и Атапахы, в непосредственной близости от которых сделаны находки верхнепалеолитического возраста»⁷⁸.

В верхнем палеолите складываются и первобытные религиозные верования, зачатки которых появились, как отмечалось, уже в мустьерскую эпоху⁷⁹.

Одним из наиболее ранних и характерных религиозных представлений был анимизм — вера в существование души человека, животных, растений и загробной жизни. Именно пережитком анимизма явился бытовавший среди абхазов еще в недалеком прошлом культ покойников, преклонение перед священными рощами и отдельными деревьями, перед грозными явлениями природы, культ зверя и т. д.

Другой формой религиозных представлений наряду с анимизмом является тотемизм, также возникший и широко распространившийся в позднем палеолите. Сущность тотемизма заключается в том, что люди считают своим родоначальником какое-либо животное, растение, а то и какой-нибудь неодушевленный предмет. Возникновение тотемизма находится в прямой связи с формированием родового строя.

Пережитки тотемизма долго сохранялись среди абхазов. Так, представители рода Хежба (от «а-хеж» — сойка) считали эту птицу своим «однофамильцем», как бы членом своего рода, и поэтому не убивали ее. Фамилия Цугба считала себя состоящей в тотемических отношениях с кошкой («ацгу» — кошка). Фамилия Аджба признавала себя состоящей в родстве с дубом («адж» —

⁷⁸ Замятнин, *Палеолит Абхазии*, стр. 24.

⁷⁹ Всемирная история, стр. 68 и сл.

дуб). Представители рода Гулиа («агу» — сердце) не должны были употреблять в пищу сердца животных, и т. д.⁸⁰

Следует особо подчеркнуть, что в период становления матриархально-родового строя возникает такая специфическая форма религиозного поклонения, как культ матери-прародительницы. Постепенно это божество заняло ведущее место в пантеоне той эпохи. С ним были связаны характерные женские статуэтки, которые археологи нередко находят в верхнепалеолитических культурных слоях. Надо полагать, что название высшего абхазского божества — анцшва (что в переводе означает «матери») восходит к той же исторической эпохе⁸¹.

В период позднего палеолита возникают и другие формы религиозных воззрений — магия, выражавшаяся в колдовских обрядах, имевших целью вызвать или, наоборот, предотвратить какие-нибудь явления; табуация, налагавшая религиозные запреты на какие-либо предметы, действия, слова и пр.; ношение талисманов, которые якобы могли оградить человека от несчастий или же принести удачу, и т. д. Следует отметить, что пережитки и этих религиозных поверий прочно держались в сознании абхазов⁸².

Важным явлением в жизни позднепалеолитического общества было дальнейшее развитие межобщинных связей. Выше уже говорилось о том, какую большую роль сыграл в этом обычай экзогамии, связанный с установлением родовых отношений. Эти связи нашли свое отражение, в частности, в определенном сходстве инвентаря верхнепалеолитических стоянок Абхазии с синхронными памятниками соседних областей. Так, С. Н. Замятнин указывал, что «обилие нуклевидных форм сближает верхние палеолитические местонахождения Абхазии с пещерными стоянками этого возраста в Имеретии и Крыму»⁸³. Л. Н. Соловьев также отмечает, что кремневый и костяной инвентарь древнейшего слоя пещеры Хупынипшаха относится к той же своеобразной фации верхнего

⁸⁰ Чурсин, *Материалы*, стр. 125 и сл.

⁸¹ Этот факт неоднократно отмечался в научной литературе (см. Инал-Ипа, *К вопросу о матриархально-родовом строе*, стр. 266—267).

⁸² Чурсин, *Материалы*, стр. 107—147.

⁸³ Замятнин, *Палеолит Абхазии*, стр. 18.

палеолита, куда входят и пещерные стоянки Девис-хвреди и Сакажиа в Западной Грузии⁸⁴.

Эти факты, если не говорят о прямых контактах между обитателями названных стоянок, то несомненно указывают на определенные опосредствованные связи между ними. В этом отношении представляет интерес факт обнаружения в позднепалеолитическом комплексе Хупынипшахва изделий из обсидиана. В Абхазии эта горная порода не встречается. Очевидно, население грота находилось в каких-то сношениях с соседними районами — Эльбруса и Боржоми, где обсидиан широко распространен⁸⁵.

Но важнейшими итогами периода верхнего палеолита следует считать возникновение современного типа человека и образование родового общества, ставшего основой дальнейшего развития первобытнообщинного строя.

Расцвет матриархально-родового строя

Памятники мезолита	Между палеолитом и следующим этапом в развитии первобытной техники — неолитом (новый каменный век) лежит переходная эпоха — мезолит, т. е. средний каменный век. Хронологически этот период датируется приблизительно XIII—VI тысячелетиями до н. э.
---------------------------	--

Некоторые ученые рассматривают мезолит как завершающую стадию верхнего палеолита, другие, наоборот, относят его (целиком или в поздней части) к неолиту. Однако ввиду наличия ряда особенностей в хозяйстве и социальном устройстве общества того периода есть основание выделить мезолит в самостоятельную стадию развития⁸⁶.

На территории Абхазии мезолитические находки были сделаны в нескольких пунктах. Одним из них является упомянутая выше пещера Ква-Чара, в которой верхний культурный слой относится к ранней стадии мезолита.

Добытый во время раскопок в Ква-Чара⁸⁷ материал состоит из 200 кремневых изделий, 50 определимых кос-

⁸⁴ Соловьев, *Об итогах*, стр. 191.

⁸⁵ Клевакин, *Гарпуны*.

⁸⁶ Формозов, *Этнокультурные области*, стр. 67.

⁸⁷ Бердзенишвили, *Новые данные*, стр. 167—168.

тей, около 300 фрагментов трубчатых и других костей животных, в находках имеются также обломки древесного угля и обугленные кремни, что указывает на существование в пещере очага. В кремневом инвентаре Ква-Чара выделяется большая группа (80 экз.) прямых и удлиненных пластинок с естественно заостренными концами. Имеются также пластинки с боковой выемкой ножевидной формы, с притупленными краями и со скошенными концами, микропластинки с краевой ретушью и др. Встречаются обломки ножевидных пластинок разной величины. Некоторые орудия изготовлены из очень тонких пластинок кремня, иногда до того тонких, что кремень почти просвечивает.

В комплексе кремневых орудий по технике изготовления и по типу обращает на себя внимание одно узкое пилообразное орудие с тщательно обработанными рубцами. Один конец орудия ретуширован так, что его можно было использовать в качестве скребка, т. е. это орудие выполняло в производстве двойную функцию. В коллекции Ква-Чара встречаются также проколки, резцы и в небольшом количестве (4 экз.) скребки, изготовленные на удлиненных и узких пластинках.

В производстве каменных орудий исходным материалом служили мелко отколотые кремневые пластинки. Такой признак свидетельствует о применении высокой техники, которая появляется в тот период. Этим объясняется наличие в инвентаре Ква-Чара небольшого количества обломков и осколков кремня — большой процент всего кремневого материала использован в качестве орудий.

Приведенные выше данные указывают, что основным материалом, из которого изготавливали свои орудия древние обитатели Ква-Чара, был по-прежнему кремень. Предметы, сделанные из другого материала, представлены маленьким, хорошо отшлифованным обломком орудия (неизвестного назначения) из песчаного камня и единственным костяным орудием с косо отбитым основанием.

Мощные мезолитические культурные слои обнаружены также в пещере Хупынипшахва⁸⁸. На площадке перед гротом найдены четыре костяных гарпуна, снабженных геометрическим орнаментом, и обломки других гарпунов

⁸⁸ Соловьев, *Об итогах*, стр. 191—194.

(рис. III). По своему типу они близки к мезолитическим гарпунам Франции. До сих пор на территории Советского Союза были известны находки лишь нескольких таких гарпунов.

Среди кремневого инвентаря стоянки представляют интерес различные микролитические орудия. Некоторые из них, сегментовидной и трапецевидной формы, служили, возможно, лезвиями для гарпунов малого размера или даже удочек, встречаются пластинки с затупленным краем, часто имеющие правильную геометрическую форму, кремневые шилья и округлые скребочки, обнаруживаемые и в более древних слоях, но здесь особенно многочисленные. Весь этот набор характерен для мезолита.

Однако от типичных мезолитических стоянок рассматриваемый слой отличается начавшимся широким употреблением макролитов — крупных и тяжелых орудий из сланца, изготовлявшихся чаще всего из гальки р. Кодора. Среди них имеются рубилообразные раскалыватели костей, грубые прототипы топоров (лезвия которых иногда отшлифовывались), долота, рубанки и пр.

Самый верхний культурный слой Хупынипшахва отлагался уже в условиях более теплого климата, очевидно отвечавшего времени таяния и отступления ледников. На это указывает, в частности, преобладание в данном слое костей оленя, лося, кабана и других сейчас живущих или недавно вымерших животных⁸⁹.

В этом слое были найдены изготовленные из кремня трапециевидные микролиты, а также орудия из сланца и песчаника: зернотерки, треугольные и овальные терочки и, наконец, сделанные из ребра гальки мотыги. Следует подчеркнуть, что эти орудия вообще не характерны для мезолита и должны быть связаны уже с последующей эпохой. Можно полагать, что верхний слой Хупынипшахва относится к заключительной стадии мезолита.

Материалы мезолитической культуры были обнаружены также в пещере, расположенной на западном склоне

Рис. III. Костяной гарпун из грота Хупынипшахва

⁸⁹ Там же, стр. 194.

горы Яштух. Собранный здесь кремневый материал, и в частности микролиты, напоминает по своему облику кремневый инвентарь из мезолитического слоя Квачара⁹⁰.

Эпоха мезолита отличается важными сдвигами в хозяйственной жизни. В этот период появляется и делает первые шаги в своем развитии земледельческая культура. Как отмечалось, уже в эпоху верхнего палеолита значительно усложнилось собирательство растительной пищи. Оно и подготовило постепенно почву для появления первой ступени земледелия⁹¹.

На территории Абхазии первые признаки земледелия были отмечены в верхнем мезолитическом слое Хупынипшахва. Найденные здесь примитивные зернотерки, мотыги и терочки являются ярким тому свидетельством. Важное значение в этой связи имела также находка нескольких десятков крупных обугленных зерен, принадлежавших какому-то дикому виду проса⁹².

Памятники неолита Эпоха нового каменного века, или неолит, относящийся примерно к V—IV тысячелетиям до н. э., представляет собой исключительно важный период в истории человечества. В эту эпоху люди изобрели глиняную посуду, научились изготовлять полированные каменные орудия, освоили способы сверления и пиления камня и, что особенно важно, стали активно переходить от присваивающего хозяйства к хозяйству производящему. В неолите появляются первые домашние животные и распространяется земледелие.

В период раннего неолита черноморское побережье Кавказа имело иной облик, нежели в настоящее время. Морской берег был изрезан глубокими бухтами, в которые впадали многоводные реки. Недоступная еще морская стихия и дремучие леса ограничивали возможность сообщения между собой отдельных неолитических общин⁹³.

На территории Абхазии остатки неолитических селищ обнаружены пока в немногих пунктах. Наиболее известным и относительно хорошо изученным является Кистрик-

⁹⁰ Бердзенишвили, *Палеолитические памятники*, стр. 5.

⁹¹ Бердзенишвили, *Первобытное земледелие*, стр. 298.

⁹² Соловьев, *Об итогах*, стр. 194.

⁹³ Соловьев, *Новый памятник культурных связей*, стр. 136.

ское селище, расположенное на северной окраине г. Гудаута, у устья р. Кистрик⁹⁴. Неолитические памятники были найдены также в местности Адзалагархук, близ Гудаута, единичные неолитические орудия собраны в долине ручья Дзышта в с. Куланурхва Гудаутского района, а также на побережье к северу от Очамчире.

Крупным неолитическим селищем, расположенным по соседству с Абхазией, является Одишское селище (в шести км от г. Зугдиди)⁹⁵. Несколько неолитических селищ обнаружено в Адлерском районе Краснодарского края, из которых отметим Нижне-Шиловскую стоянку, расположенную в низовьях р. Псоу⁹⁶.

Основной материал по неолиту собственно Абхазии дает Кистрикское селище. Площадь селища, отделенная полосой примерно в 100 м ширины от современного берега моря, составляет около 6 га. Культурный слой обычно начинается с глубины в 10—15 см, а иногда почти с поверхности, достигая мощности от 30 до 65 см. Этот слой насыщен большим количеством галечного щебня и камней, среди которых находились разной степени сохранности орудия из галек и кремня, обломки глиняных сосудов, кремневые отходы и прочие остатки былой деятельности человека.

Поверхностное размещение археологического инвентаря на участках селища было разнообразным. В одном месте преобладали топоры и долота, в другом — заготовки камня, в третьем — мелкие орудия. Были участки, отличающиеся скоплением керамики или обилием кремней и нуклеусов и т. д. Самым ярким археологическим признаком селища является наличие в его вещевом комплексе большой группы разнообразных орудий из мелкого валунника и морской гальки и среди них немалого числа отшлифованных орудий. Источником сырья для выделки указанных орудий служил смежный пляж, содержащий окатанные, частично или полностью отшлифованные и разнообразные по породе, формам и размерам валуны и гальки.

Всю совокупность кистрикских орудий, по характеру примененных при их изготовлении приемов, А. Л. Лукин подразделяет на следующие группы:

⁹⁴ Лукин, *Неолитическое селище Кистрик*, стр. 258.

⁹⁵ Археология Грузии, стр. 54 и сл.

⁹⁶ Формозов, *Этнокультурные области*, стр. 86.

1. Необработанные орудия, представленные естественными гальками, которые были использованы в разнообразных целях;

2. Такие же естественные орудия, но имеющие простейшим образом подправленную рабочую часть;

3. Колотые орудия, орудия с частичной оббивкой мелкими сколами, орудия колотые с добавочной отеской, орудия сплошной оббивки сколами, орудия с отсеками и точечной оббивкой (частичной или сплошной), орудия и обиходные вещи с начатками сверления, незаконченные орудия (в том числе неудачные пробы материала), вторичные орудия, т. е. переделанные из разрушенных в работе, отщепы камня в роли случайных орудий и, наконец, остатки разбитых и сломанных орудий.

Для орудий, изготовление которых требовало большой затраты труда, в особенности для клиньев и топоров, подбирались гальки, возможно больше подходящие по размеру и очертаниям. Подобные гальки жители селища собирали даже в запас. С целью экономии труда старались также подыскать для орудия каждого вида наиболее подходящий материал.

Касаясь вопроса о технических достижениях обитателей Кистрикского селища, А. Л. Лукин пишет: «Орудия селища, равно и отходы их производства, свидетельствуют о том, что, несмотря на огромный опыт в обработке камня, накопленный многими поколениями, и на изобилие местности однородным и привычным сырьевым материалом, люди эпохи неолита как бы вновь переиспытывают весь местный ассортимент пригодных горных пород. Явление это понятно: орудия дифференцируются, функции их усложняются, — необходимо привести поделочный материал в соответствие с новыми требованиями и, следовательно, с более совершенными техническими приемами работы (точечная оббивка, шлифовка и т. д.)»⁹⁷.

Кистрикский комплекс состоит из орудий следующих типов: *дробильники* — полушаровидной формы гальки, употреблявшиеся для измельчения какого-либо материала посредством ударов; *отбойники* — шаровидные гальки твердых пород, служившие для раскалывания небольших валунов и крупных галек, а также для оббивки более массивных и грубых орудий; «*утюжки*» — плос-

⁹⁷ Лукин, *Неолитическое селище Кистрик*, стр. 252.

кие с одной стороны орудия, использовавшиеся, очевидно, как разглаживающая поверхность; песты — круглые или овальные в сечении стержни, употреблявшиеся для измельчения чего-либо в ступке; пальцевидные гальки, шедшие частично на выделку орудий; остроконечники примитивного типа; долота, симметрично сколотые с обеих сторон и обладающие режущим концом; резак, прямые, округлой или овальной формы, мотыги-горбушки с усеченной пяткой; грузила плоскоовальной или плоскоокруглой формы; дробильники искусственной выделки; зернотерки с выпуклой поверхностью; стамески из твердого материала, почти сплошь шлифованные; клинья из галек; орудия или обломки орудий неизвестного назначения; вторичные орудия, изготовленные из разрушенных орудий, рубанки, тесла и др. (Рис. IV).

Ведущим орудием селища являются топоры из галек, представленные в немалом количестве и в большом разнообразии. Выявлены следующие типы топоров: вальковые, двухсторонне-выпуклые толстые, двухсторонне-выпуклые основного типа, двухсторонне-выпуклые укороченного типа, тип со сходящимися к лезвию краями, плоские топоры, долотообразные, топоры уменьшенного размера (средние), малые топоры, уменьшенный (средний) топор с односторонним выпукло-дуговым лезвием, топор-колун.

Все без исключения топоры частично или полностью отшлифованы; проушин нет. Размеры колеблются по длине от 9 до 18,5 см, по ширине — от 3 до 7,5 см, причем самые маленькие топоры в этот размер не включены.

В количественном отношении наиболее богато представлены на селище грузила, резак, мотыги и топоры. Наряду с галькой кистряне широко пользовались в качестве материала и кремнем. Роль кремневых орудий в хозяйстве обитателей Кистрикского селища огромна, и наряду с орудиями из гальки они составляют очень характерную часть всего вещевого комплекса. Многочисленные кремневые отщепы, законченные орудия и микролиты рассеяны по всей территории селища. В кремневом материале Кистрика встречаются все разновидности кремня, известные в районе Гудаута. Изделия представлены в одинаковой мере как микролитами, так и микролитическими образцами.

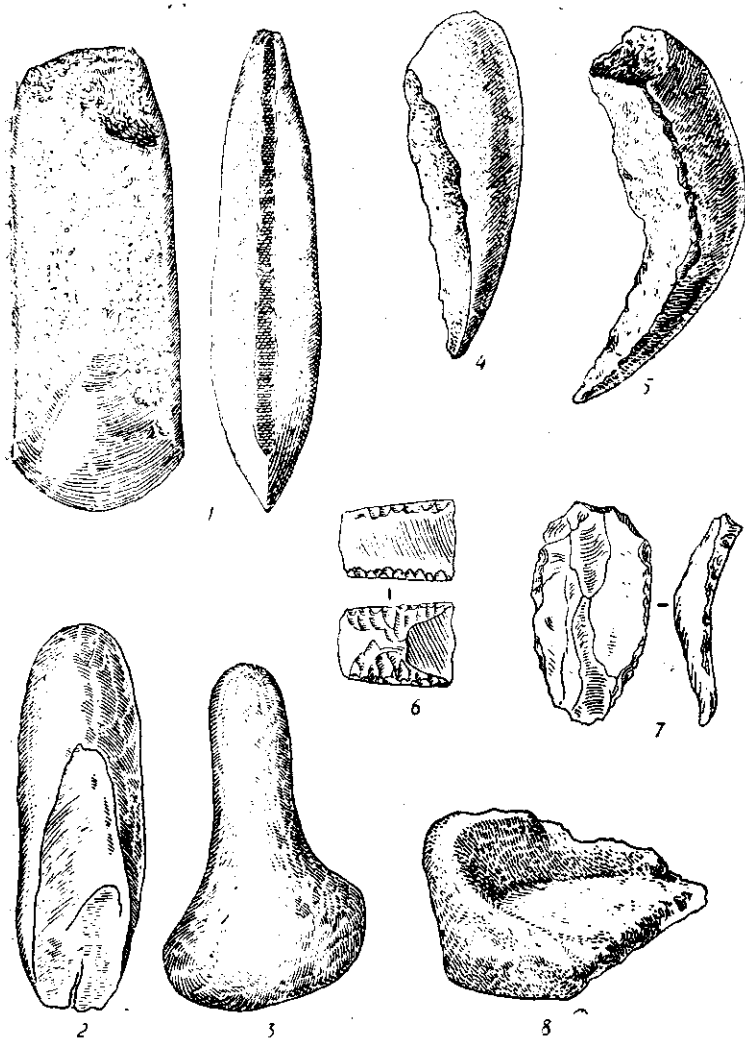

Рис. IV. Неолитические предметы из Кистрикского селища:

1 — топор; 2 — долото; 3 — пест; 4 — резак; 5 — мотыга; 6 — микролит;
7 — скребок; 8 — фрагмент донца глиняного сосуда.

Микролитический материал характеризуется нуклеусами конической, призматической, дисковидной и другими формами. Встречаются и нуклеусы миниатюрных размеров.

Из используемых кистрянами материалов следует отметить также и обсидиан, который представлен на селище небольшим количеством ножевидных пластинок и многими мелкими отщепами. Интерес обитателей Кистрика к обсидиану вызывался исключительной остротой лезвий у приготовленных из него пластинок.

Изделия из кости на селище встречаются редко, но некоторые данные позволяют считать, что в хозяйственной жизни кистрян костяные орудия должны были занимать видное место. Между тем в условиях влажных субтропиков кость не могла сохраниться в открытом грунте.

Широкое употребление получили, несомненно, деревянные орудия, но и они почти не сохранились по тем же причинам. Следы дерева на Кистрике обнаружены в виде одного полубуглившегося и полуокаменевшего куска и одной полностью окаменевшей палочки.

Исключительный интерес представляет факт обнаружения на территории селища 22 крупных свинцовых обоймиц, свидетельствующих о холодной обработке материала путем использования рудных самородков с близлежащей горы Дзышры. Эти обоймицы являлись, вероятнее всего, поясным набором.

Перечисленный инвентарь Кистрикского селища представляет типичную картину развитой неолитической культуры.

Обитатели селища основательно усвоили технику полировки орудий. Как уже отмечалось, все найденные здесь топоры полностью или частично отполированы.

На заключительном этапе существования Кистрикского неолитического поселка его население предприняло первые успешные опыты сверления камня. На это указывают обнаруженные здесь несколько образцов сверления: маленькая галька с начатым сверлением, точильный брусок со сквозным отверстием и др.

Большие успехи были достигнуты в технике обработки кремня. Обзор кремневого инвентаря показывает, что жители Кистрика пользовались всеми видами обработки кремня, кроме его шлифовки и сплошной отжимной рету-

ши. Найден, однако, фрагмент какого-то предмета, отретушированного с обеих сторон, свидетельствующий, что и этот прием начал осваиваться людьми селища.

Хозяйство Значительный шаг в неолитическую эпоху, в особенности на ее заключительном этапе, сделал в своем развитии земледелие. В поздненеолитических стоянках Кавказа наблюдается почти полное исчезновение микролитической техники обработки камня, однако широко распространены земледельческие орудия. На стоянках в районе Сочи—Адлера встречается очень много мотыг, изготовленных из расколотых вдоль галек. В западногрузинских стоянках того периода (Сатаплиа, Тетрамица и др.) найдены многочисленные плоские полированные топоры, двухстороннеобработанные вкладыши для серпов, зернотерки и т. д. Земледелие в тот период находилось в полном расцвете, что и могло вызвать исчезновение некоторых старых и появление новых орудий.

Земледелие занимало ведущее место и в хозяйственной жизни кистрикской неолитической общины. На это указывает обилие так называемых мотыг-горбушек, которые получались путем откалывания от длинного края овальных галек. Один из концов такого ошлепа отбивался поперек, в результате чего получалась пятка, упиравшаяся при креплении орудия в уступ рукоятки. Рабочий конец мотыги не подправлялся.

Из других орудий, связанных с земледелием, большой интерес представляют зернотерки, формой и размерами напоминающие удлиненные или округлые ковриги хлеба. С плоской стороны они были прямолинейно отесаны и подвергнуты точечной оббивке. При неподвижной установке одного такого камня плоскостью вверх и покрытии его вторым камнем плоскостью вниз получалась примитивная мельница двуручного действия, являющаяся, по мнению А. Л. Лукина, прототипом еще бытующей у коренного населения Абхазии ручной мельницы⁹⁸.

Другой важной отраслью хозяйства обитателей Абхазии рассматриваемого периода было рыболовство. Основным орудием рыбной ловли были костяные гарпуны. Эти плоские зубчатые остроконечники всаживались тыльной

⁹⁸ Там же, стр. 260

частью в расщепленное древко. Когда крупный лосось, пораженный гарпуном, уходил вглубь, бечева, привязанная к наконечнику, разматывалась и рыболову, в руках которого находилось древко с другим концом бечевки, оставалось только осторожно подтягивать к себе слабеющую рыбу⁹⁹.

В верхних слоях Хуынипшахва костей рыб встречается еще больше, чем в предшествующих, и, кроме того, наряду с крупными позвонками начинают встречаться и более мелкие, что можно объяснить применением гарпунов малого размера и, может быть, даже удочек. Их лезвиями могли служить миниатюрные орудия из кремня в виде сегмента или трапеции с шипообразными концами.

Большое место занимало рыболовство и в жизни обитателей Кистрикского селища. Здесь источником рыбных ресурсов служило море. При морском лове рыбы кистряне применяли, очевидно, те грузила, которые в значительном количестве были обнаружены на территории селища. Грузила представляли собой плоскоовальные, плоскоокруглые гальки с выбитыми на противоположных сторонах выемками для удержания обвязки. Численно преобладают грузила среднего размера (250—300 г)¹⁰⁰.

Значительную роль, особенно в предгорной полосе Абхазии, продолжала играть охота на диких зверей. Обилие разнообразных микролитических орудий в мезолитических слоях Хуынипшахва позволяет предположить, что некоторые из них употреблялись в качестве наконечников стрел. Лук и стрелы в тот период получили широкое распространение.

Как видно из костного материала, обнаруженного в пещере Ква-Чара, объектом охоты были тур, дикий баран, пещерный медведь и др. Изучивший этот материал палеонтолог Н. О. Бурчак-Абрамович высказывает предположение, что пещерный медведь в условиях Абхазии раннемезолитического периода нашел для себя наиболее благоприятные условия существования и мог здесь жить дольше, чем в других местах своей некогда обширной области распространения¹⁰¹.

⁹⁹ Соловьев, *Об итогах*, стр. 260.

¹⁰⁰ Лукин, *Неолитическое селище Кистрик*, стр. 256.

¹⁰¹ Бердзенишвили, *Новые данные*, стр. 168—169.

Следует, однако, отметить, что в эпоху развитого неолита, в связи с выдвиганием земледелия на первое место, значение охоты как хозяйственной отрасли систематически уменьшается. Одним из показателей этого является постепенное исчезновение в поздненеолитических кавказских стоянках микролитических наконечников стрел¹⁰². Это обстоятельство относится в первую очередь к хозяйственной структуре приморских неолитических селищ. Так, например, хотя члены кистрикской общины и занимались охотой (об этом свидетельствуют некоторые типы орудий), но она не играла в их жизни существенной роли.

На неолитической стадии развития общества из охотничьего промысла возникает первоначальное скотоводство. По некоторым данным можно предположить, что обитатели Кистрика уже освоили начатки животноводства, но оно еще не занимало значительного места в их экономике.

Определенное место в хозяйстве приморского неолита занимало по-прежнему собирательство растительной пищи. Некоторые клинообразные орудия, часто встречающиеся на Кистрике, могли применяться для выкапывания съедобных растений. База кормового собирательства кистрян значительно увеличилась наличием рядом с поселением большой отмели, на которой они систематически добывали устриц и мидий, о чем свидетельствуют обнаруженные в разных местах селища остатки раковин.

Жители Кистрикского селища были уже знакомы с гончарным производством. Древнейшие сосуды селища имели плоские массивные донья и почти вертикальные или с небольшим отвалом стенки. Общая их форма, вероятно, была близка к баночной, с прямыми округлыми или заостренными и слегка вогнутыми краями. Общие размеры сосудов были разнообразны, от миниатюрного, не более 5 см в диаметре, до сосуда, сохранившееся дно которого имеет в поперечнике почти 17 см. Высоту сосудов по характеру обломков определить нельзя.

Тесто этих сосудов грубого замеса на морском песке. Формовка осуществлялась вручную. Цвет черепков красный или бурый с темно-серым или беловатым налетом.

К древнейшему слою кистрикской керамики относится также один обломок с гладкой отвесной прямолиней-

¹⁰² Формозов, *Этнокультурные области*, стр. 86.

ной стенкой и плоским дном, принадлежащий, видимо, сосуду прямоугольной формы.

Остальная керамика селища представлена образцами хорошей сохранности. Черепки этой категории говорят о большом разнообразии сосудов селища по размерам, форме, сортам глины, примесям к формовочной массе, приемам обработки и т. д. Цвет черепков также разнообразен, но преобладает чернолощеная керамика. Многие сосуды украшены своеобразным орнаментом.

Говоря о кистрикской керамике, А. Л. Лукин заключает: «Пред нами следы развития гончарного дела от примитивного мастерства до выработки крупных сосудов... притом, судя по уверенности линий и равномерной толщине черепков, на заключительном этапе, быть может, уже сработанных на круге»¹⁰³.

На Кистрикском селище сохранились также следы текстильного производства. Находка пряслица, а также грузил, которые могли применяться при прядении, со всей очевидностью указывают на существование этого промысла. На территории селища были обнаружены, кроме того, остатки так называемой тканевой керамики, распространеннейшей в более позднее время, но, возможно, возникшей уже в поздненеолитическую эпоху.

Особо важное значение, как отмечалось выше, следует придать факту наличия в неолитическом комплексе Кистрика свинцовых обоймиц, покрытых глубокой патиной. Свинец, как видно, подвергался холодной обработке с приемами камнеобрабатывающей техники. По поводу этой находки А. Л. Лукин пишет: «Опираясь на прочную датировку селища, мы, возможно, должны будем несколько изменить свои представления о порядке зарождения примитивной металлургии Юго-Западного Кавказа, так как исключительная уникальность обоймиц, характер их обработки, древность, свидетельствуемая мощным слоем патины, наконец, невозможность связать их по Кистрику с каким-либо иным вещевым комплексом, утверждают их положение в перечне неолитического инвентаря. Вполне последовательно, что человек неолита начал свое знакомство с самого мягкого, самого ковкого и самого легкоплавкого из них, перейдя на следующей ступени к широкому освоению металла»¹⁰⁴. Насколько приведенное

¹⁰³ Лукин, *Неолитическое селище Кистрик*, стр. 281.

¹⁰⁴ Там же, стр. 283.

положение является правильным, это покажут будущие исследования.

В эпоху неолита поселения принимают уже характер относительно прочной оседлости. С развитием хозяйства численность обитателей стоянок систематически растет, что подтверждается материалами Кистрицкого селища. Судя по развитию ведущего орудия — шлифованного топора, можно говорить о длительном периоде существования неолитического поселения на берегах Кистрика, а по облику орудий и местам их залегания устанавливается, что вначале кистрикский поселок был невелик и разрастался постепенно, в связи с увеличением числа членов общины и усложнением ее хозяйственно-технической базы.

Описанная выше хозяйственная система преимущественно относится к так называемому «береговому неолиту». В свое время неолит, видимо, неплохо был выражен по всему черноморскому побережью Кавказа, но в силу тектонических смещений, при положительном движении береговой линии, большинство этих поселений снесено морем. Не исключено, однако, что в ту же эпоху неолитическая культура развивалась в предгорных и горных районах Абхазии, в частности на базе прежних верхнепалеолитических и мезолитических поселений. Как правильно замечает А. Лукин, не все родовые коллективы ушли к морю в результате улучшения общих хозяйственных условий. «Мы вправе ожидать, — пишет он, — выявления следов и пещерного неолита и следов открытых горных неолитических стоянок, население коих существовало, главным образом, охотой и собирательством»¹⁰⁵. Материалы соседних областей Западной Грузии и сочи-адлерского района, где памятники неолита обнаружены и вне береговой полосы, наглядно подтверждают такую возможность.

В качестве примера можно привести некоторые сведения о хозяйственной структуре «горного неолита» по данным грота Очажного Воронцовской пещеры (в верховьях р. Кудепсты). Обзор инвентаря Очажного грота убеждает, что основным занятием его обитателей была охота. Большинство кремневых и костяных орудий составляет всякого рода острия, проколки и скребки для обработки и сшивания шкур, дротики и стрелы для охоты, что особенно показательно, поскольку на морском по-

¹⁰⁵ Там же, стр. 284.

бережье этой части Кавказа находка наконечников стрел представляет большую редкость. Лесной топор, совершенно необходимый для охотника, служил также орудием собирательства; при помощи его можно было выкапывать корни растений, а также добираться до диких фруктов и орехов.

Круглый терочник с ямочкой посередине, небольшая зернотерка и две кремневые мотыжки говорят и о существовании здесь в небольших размерах земледелия.

Ткацкие пряслица указывают на обработку шерсти, являвшейся продуктом скотоводства. В тот период, как видно, стал уже практиковаться отгон скота на лето в горы, в чем проявлялись новые передовые тенденции хозяйства, чуждые еще обитателям побережья, имевшим только зачатки скотоводства¹⁰⁶.

О сравнительно высоком для того времени уровне развития скотоводства в условиях «горного неолита» свидетельствуют остеологические материалы грота Сагварджиле (Терджольский район Западной Грузии). Здесь были найдены кости быка, свиньи, овцы, а также собаки¹⁰⁷.

Таким образом, в эпоху неолита было заложено начало хозяйственной дифференциации родовых общин. В то же время между обитателями горных и прибрежных неолитических поселений устанавливается (сначала спорадически, а затем все более и более регулярно) обмен производимой ими продукции.

Развитию обмена и установлению более тесного контакта между береговыми поселениями способствовала открытая прибрежная полоса. В конце неолитической эпохи происходит заметная регрессия моря, бухты постепенно заполняются выносами рек и берег существенно выравнивается. Это способствует развитию сухопутного сообщения по единственно возможной в тех условиях естественной дороге побережья — морскому пляжу¹⁰⁸.

Значительная общность инвентаря неолитических селищ черноморского побережья Кавказа (Одиши, Кистрик, Нижняя Шиловка и др.) объясняется, надо полагать, не только сходством хозяйственно-географических условий быта, но и в известной степени наличием конкретных форм связей между обитателями этих селищ.

¹⁰⁶ Словьев, *Новый памятник*, стр. 144.

¹⁰⁷ Археология Грузии, стр. 63.

¹⁰⁸ Соловьев, *Новый памятник*, стр. 137.

Социальные отношения В мезолито-неолитическую эпоху произошли существенные изменения в социальной структуре общества. Матриархально-родовые отношения принимают форму вполне сложившегося, зрелого родового строя.

Особо важную роль в этом сыграло земледелие, возникшее, как указывалось, из собирательства. Естественно поэтому, что изобретательницей земледелия явилась женщина. Это обстоятельство привело к значительному повышению хозяйственной и социальной роли женщины в обществе.

Основную ячейку общества эпохи развитого матриархата представляла выделившаяся в составе рода материнская семья, состоящая из мужчин и женщин четырех-пяти поколений. Численность такой семьи могла достигать до 200 и более человек.

Во главе материнского рода стояла старшая женщина из старшей в роде семьи. Она возглавляла родовой совет, состоящий из старших женщин всего рода. Совокупность материнских родов, сохраняя деление на дуальные брачные группы (фратрии), образовывала племя, которое при развитом матриархате также нередко возглавлялось женщиной¹⁰⁹.

В ту эпоху фамильная принадлежность людей определялась по материнской линии. Этот так называемый матрилинейный счет родства нашел отражение в этнографических пережитках у абхазов, например в образовании фамильных имен — Анба, Нанба, Ануа, Инапха и некоторых других. В этих именах фигурирует элемент «ан», означающий «мать». Особо следует отметить фамилии Инапха, где окончание «пха» означает «дочь», и Ануа с окончанием «уа» — «люди». Надо полагать, что Инапха значит «дочь Ины», а Ануа — «люди матери». Кстати, род Ануа по некоторым абхазским преданиям считается самым древним в Абхазии.

К числу пережитков матриархальных отношений принадлежит также признание особо близкой связи между дядей со стороны матери и его племянниками по сестре. Эта связь известна в научной литературе под названием авункулат (лат. «авункулус» — дядя по матери). Авунку-

¹⁰⁹ Косвен, *Очерки*, стр. 125, 129.

лат является наследием эпохи развитого матриархата, когда значение кровных родственников женщины-матери особенно возвышается.

Пережитки авункулата получили заметное отражение и в абхазском этнографическом быту. По понятиям абхазов, из всех родственников самым почетным и близким является брат матери и другие представители ее рода, а для них — дети сестры.

К пережиткам матриархальных порядков относятся сохранившие определенный след в этнографическом быту абхазов такие явления, как сорорат — женитьба на младшей сестре умершей жены — и левират, т.е. брак с братом умершего мужа¹¹⁰.

Поселение супругов в эпоху матриархата носило матрилокальный характер, т.е. муж переходил на постоянное жительство в дом жены. Такое явление имело место при групповом браке и при так называемом парном браке, который был характерен для развитого матриархата. Первые семьи представляли собой более или менее временное сожительство супругов при отсутствии у такой семьи общей хозяйственной базы, поскольку в тот период орудия и средства производства составляли общую собственность всей матриархально-родовой общины, а не отдельной семьи.

В этнографическом быту абхазов сохранились некоторые указания на то, что в прошлом их предки прошли матрилокальный период брачного союза. По мнению Ш. Д. Инал-Ипа, амхара (специальный дом для новобрачных), которая возводилась в доме жениха, первоначально строилась на территории жительства невесты, что является подтверждением «бытования у абхазов матрилокального поселения, с одной стороны, и образования парного брака, с другой»¹¹¹.

Матриархальные отношения оставили особенно яркие следы в народных мифологических преданиях и религиозных воззрениях. Важное место в этом отношении занимает абхазский эпос о нартах. Одной из центральных фигур эпоса является образ родоначальницы нартов Сата-ней-Гуаши.

¹¹⁰ Инал-Ипа, *К вопросу о матриархально-родовом строе*, стр. 254—260.

¹¹¹ Там же, стр. 254.

Религиозные верования Как известно, характер социально-экономических отношений определяет идеологические представления общества. В частности, религиозные взгляды матриархальной эпохи представляли собой яркое отражение тогдашней общественной структуры. Не случайно поэтому, что одной из самых характерных черт древней абхазской религии было олицетворение многих явлений природы в образе божеств женского пола. Большинство из них генетически восходит к матриархату¹¹².

Прежде всего земля (по некоторым сведениям, и солнце) олицетворялась у многих абхазов в образе женщины. Самое слово «земля», «почва» («анышь») в основе своей имеет, можно полагать, понятие «мать» («ан»). Отсюда и богиня земли и плодородия мыслилась в образе женщины. В период созревания урожая абхазы проводили «нанхва», т.е. моление в честь великой матери плодородия земли.

Большинство покровителей отдельных отраслей земледелия также представлялось в виде божеств женского пола. Из них наибольшей популярностью пользовалась Джаджа — богиня полеводства, огородничества и виноградарства. Можно отметить еще богиню урожая Аныфа-нагу, богиню мукомолия Саунау, дух хлопка и льна Киквину и т. д.

С религиозными воззрениями эпохи матриархата в значительной степени связаны многие памятники искусства того периода. На территории Кистрика, например, был обнаружен интересный образчик примитивной глиптики — маленькая табличка с углубленным изображением раскрытой шестипалой руки, изображавшей, как видно, магический символ.

Большой интерес в этом отношении представляют обнаруженные здесь же различные фигурные камни — мелкие и очень твердые гальки в виде полулуний, полых цилиндров, столбиков, шариков, округленных по краю мелких пластинок, яйцевидных камней и чашечек, которые привлекали внимание человека не только в качестве материала для хозяйственных нужд, но и с целью удовлетворения эстетических и культовых потребностей (талismany, подвески и т. п.). Кистряне увлекались также соби-

¹¹² Там же, стр. 230—233.

ранием камней — «самоцветов», которые представлены мелкими гальками близкой к сердолику породы и окатанными небольшими кусками яшмы темно-красного цвета¹¹³.

Определенным свидетельством эстетических вкусов членов кистрикской общины является орнамент, который они наносили на керамические изделия. Несмотря на примитивный в целом характер, отделка поверхностей сосудов была разнообразной: имеются образцы отделки гребнем с обеих сторон, но иногда гребнем обработана только внутренняя поверхность, а наружная гладко заглажена; иногда же наоборот — внутренняя поверхность заглажена, а следы гребня несет только наружная. Имеется и разделка двусторонняя, сплошная, с использованием гребня для орнаментации путем заглаживания в елочку, в переплет и т. д.

Рассмотренное выше матриархальное общество представляло собой классическую форму родового строя. В эту эпоху основа первобытнообщинных отношений — общая собственность, коллективный труд и коллективное распределение — полностью сохраняла свою социальную значимость. Поэтому данный период и совпадает с расцветом первобытнообщинного строя вообще. На следующем, заключительном этапе своего развития материнский род начинает постепенно уступать место более высокой ступени первобытных общественных отношений — патриархальному (отцовскому) роду.

Начало упадка матриархально-родового строя

Энеолит Период разложения матриархально-родового строя и постепенного утверждения патриархата совпадает в основном с археологическим периодом энеолита (медно-каменного века). Этот переходный этап от каменного века к бронзовому был сравнительно непродолжительным — в Грузии он длился приблизительно с конца IV до середины III тысячелетия до н. э.¹¹⁴

Энеолитическая эпоха начинается с момента изготовления медных изделий путем холоднойковки и заканчи-

¹¹³ Лукин, *Неолитическое селище Кистрик*, стр. 285.

¹¹⁴ Археология Грузии, стр. 88.

вается изобретением горячего литья меди, а затем бронзы. Даже на ранней стадии введения в употребление металла (меди) наблюдается определенный прогресс почти во всех отраслях хозяйства. Достаточно сказать, к примеру, что медный топор был по меньшей мере вдвое производительнее, чем каменный. Однако основным материалом, из которого изготовлялись орудия, по-прежнему оставался камень, и по своему внешнему облику каменные изделия энеолитической эпохи мало чем отличались от неолитических орудий.

Энеолитические памятники Кавказа составляют своеобразную культурную область, заметно обособившуюся от соседних, в частности от Северного Причерноморья¹¹⁵. В территориальном отношении она охватывала все Закавказье и некоторые районы центрального Предкавказья и Дагестана. Однако внутри нее наметились узколокальные культуры, вероятно, племенного характера.

К числу таких вариантов принадлежали, как видно, и энеолитические памятники Западной Грузии, обнаруженные в Даблагоми, Сагварджиле и Очамчире, отличающиеся определенным своеобразием в сравнении с другими синхронными памятниками Закавказья¹¹⁶.

На территории Абхазии Очамчирское селище является пока единственным изученным памятником энеолитической культуры. Датируется оно приблизительно серединой III тысячелетия до н. э.¹¹⁷. Селище расположено в пяти км к северу от Очамчире, на левом берегу ручья Джикумура (Чанаквара), у места впадения его в море, и размещалось на трех небольших холмах. Жилищем, вероятно, служили шалаши с полом из обожженной глины. Следов землянок не найдено, по-видимому, их не сооружали вследствие того, что местность была заболочена.

Инвентарь Очамчирского селища представлен своеобразными каменными орудиями. Поделочным материалом служила преимущественно морская и речная галька различных пород, которая расщеплялась и оттесывалась для изготовления самых разнообразных орудий. В большинстве случаев гальку расщепляли сильным ударом или же, не разбивая ее, оттесывали края в лезвие прямо направленным ударом. Орудия, полученные таким образом,

¹¹⁵ Формозов, *Этнокультурные области*, стр. 105—106, 108.

¹¹⁶ Джапаридзе, *Ранний этап*, стр. 31.

¹¹⁷ Соловьев, *Энеолитическое селище*, стр. 6, 51.

легко подбирались в комплект, удовлетворяющий определенному назначению.

Галечный инвентарь селища представлен следующими орудиями: резак и различных форм — с тупой спинкой, овальные, обоюдоострые и др.; стамески — ножевидные, с изогнутым лезвием, желобчатые, долотообразные; рубанки — рубанки-скребки, «ломтики» и др.; остроконечники; топоры — подовальной, подтреугольной и округлой формы, удлиненные и др.; мотыги — одна из длинной и узкой гальки, расколота вдоль, другая из более тяжелой, расколота в длину гальки удлиненной формы; грузила для сетей и ткацкого станка; зернотерки; пест цилиндрической формы, отшлифованный с боковых сторон; пряслице для веретена, а также каменные шары и гальки неизвестного назначения.

Кремневые орудия представлены на селище значительно меньшим количеством. Кремнь преимущественно невысокого качества и, вероятно, был мало пригоден для изделий. Отщепы, найденные в культурном слое, неправильные и мелкие; орудия, за редким исключением, небольшого размера и неопределенной формы.

Нуклеусы встречаются редко и мало выразительны; некоторые из них приближаются к дисковидной форме, другие — призматические, небольшого размера (3—4 см). Отщепы от них отделялись, по-видимому, поочередно с обоих концов путем отжима. Они также употреблялись как орудия.

Инвентарь кремневых изделий состоит из следующих орудий: стамески и долота — короткие и широкие, удлиненной формы, вогнутые, с ножевидным лезвием и др.; отщепы со следами употребления; скобели с вогнутым лезвием; скребла круглые; резцы; резак; остроконечники; вкладыши для серпов; стрелы; пилки; проколки; наконечник дротика и пр.¹¹⁸ (рис. V).

На селище обнаружены также костяные орудия, изготовленные из длинных костей животных — проколки, долота и др.

Значительное развитие в энеолитическую эпоху получило гончарное производство.

¹¹⁸ Там же, стр. 24—39.

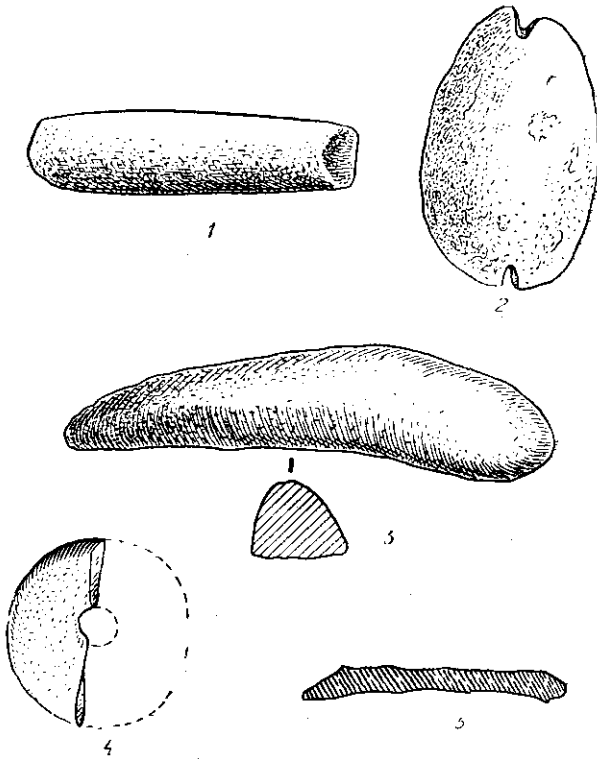

Рис. V. Энеолитические орудия из Очамчирского селища:

1 — долото; 2 — грузило для ткацкого станка; 3 — мотыга; 4 — пряслице для веретена; 5 — зернотерка доскообразная

На Очамчирском селище был собран богатый керамический материал, но ввиду того что он состоял главным образом из мелких фрагментов, трудно получить полное представление о форме сосудов и их назначении. По-видимому, наиболее обширную категорию сосудов составляли горшки баночной формы с шириной венчика, превосходящей ширину дна; края прямые или имеют слабо выраженное вздутие бочков и слабо отогнутый наружу венчик. Несколько реже встречались горшки с более выпуклыми стенками и слабо завернутым краем. Самые крупные сосуды имели, видимо, диаметр корпуса около

30 см, а диаметр дна — около 16 см. Значительно реже встречаются глубокие миски с прямыми или слабо вогнутыми стенками с диаметром края в 16—18 см и высотой предположительно в 6—7 см. Нередки большие кружки с прямым или слабо выпуклым краем, с ручкой или без ручки. Встречались обломки кувшинов. Найдены низкие сосуды формы срезанного конуса, с вогнутыми стенками, широким дном и несколько более узким горлом. Таким образом, керамике селища было свойственно некоторое разнообразие форм (рис. VI).

Материал для изготовления керамической посуды употреблялся неоднородный, но в основном это глина, залежавшая здесь же, на месте стоянки. К ней прибавлялась различная примесь — чешуйки белой слюды, песок и пр.

Формовка посуды ручная. Сначала изготовлялось плоское дно, затем «защипывался» его край на 1—1,5 см и после этого налеплялась стенка. В ряде случаев налепка производилась последовательным рядом жгутов. Для просыхания сосуды ставились на землю, а в некоторых случаях на грубую ткань или плетенку, следы которой иногда сохраняются на дне. Поверхность сосудов чаще всего шероховата, с выступающими из стенок песчинками и слюдой.

Лишь в редких случаях осуществлялось лощение поверхности, не достигавшее, впрочем, эффекта ввиду примеси к тесту песка.

Наряду с описанной керамикой обычного типа в культурном слое селища неоднократно встречались фрагменты лощеных сосудов неоднородной группы. Часть из них была изготовлена из хорошо отмученной глины другими, более совершенными техническими приемами. Стенки сосудов имеют равномерную толщину, формовка правильная, возможно на гончарном круге, обжиг хороший. В тесте иногда имеется значительная примесь песка, но зерна его не выступают на поверхности. Сосуды этого типа чаще всего представлены кувшинами, небольшими горшоч-

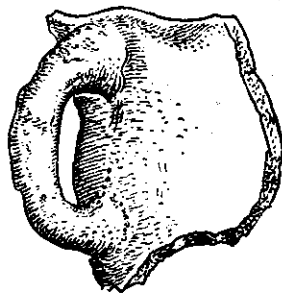

Рис. VI. Ручка глиняной кружки

ками и кружками. Возможно, что эти изделия были привозными.

Оценивая керамику Очамчирского селища, Л. Н. Соловьев указывает, что «характеризующее ее богатство форм, разнообразие приемов и некоторое совершенство ручной, жгутовой техники, ей свойственное, говорят за большой путь, пройденный гончарством до появления этих изделий, и за существование более примитивных форм в Абхазии. Вместе с тем эти особенности говорят за то, что мы здесь имеем передовую для своего времени технику гончарства, с приемами, еще не установившимися, но находящимися в стадии опыта и исканий»¹¹⁹. Вскоре после опубликования цитированной работы Л. Н. Соловьева в Абхазии было обнаружено Кистрикское неолитическое селище, в котором, как отмечалось, и оказались представлены более ранние и более примитивные формы гончарного производства.

Говоря об инвентаре Очамчирского селища, необходимо отметить, что металлических изделий здесь вовсе не было обнаружено (это, впрочем, характерно и для многих других энеолитических селищ). Л. Н. Соловьев пишет по этому поводу: «Отсутствие металлических изделий, при обилии каменных орудий в слоях стоянки, конечно, придает ей архаический облик, но было бы ошибочно делать из этого довод в пользу повышения возраста стоянки... Орудия из металла в быту должны были представлять большую редкость и даже позже... Большое количество плоских галек из песчаника, найденных на нашей стоянке и носящих следы употребления их в качестве точил, является, быть может, косвенным указанием на употребление металлических орудий». Далее автор указывает, что геологические условия залегания Очамчирской стоянки также позволяют датировать ее энеолитическим временем. «В этих датировках, — продолжает он, — мы получаем исходную точку для оценки обшества, оставившего следы своей деятельности на берегах р. Джикумура»¹²⁰.

Хозяйство Длительная и оседлая жизнь на Очамчирском селище была возможна только при наличии прочной базы воспроизводящего хозяйства. Такой базой являлись земледелие и скотоводство.

¹¹⁹ Там же, стр. 45.

¹²⁰ Там же, стр. 50—51.

О значительной роли земледелия в быту очамчирских насельников говорят найденные здесь многочисленные зернотерки, кремневые вкладыши для серпов, а также мотыги, которые, правда, были обнаружены только в двух экземплярах.

По мнению Л. Н. Соловьева, в данном случае можно говорить лишь о мотыжном земледелии на лесных полянах и прибрежных песках.

Вопрос о том, где находились пашни селища, решить не удалось. Л. Н. Соловьев предполагает, что в ту эпоху, отличавшуюся сухим и теплым климатом, по берегам моря уже начинают развиваться пески, на которых могли быть открытые пространства, служившие пастбищем для скота, а также пашней.

Вместе с тем, благодаря совершенству своих каменных орудий, а может быть, используя уже и металлические, человек той эпохи мог уже бороться с зарослями девственного леса, расчищая топором более удобные места для посева хлебов.

Сравнительно высокий уровень развития скотоводства подтверждается находками в культурном слое стоянки многочисленных костей, которые оказались, за редким исключением, принадлежавшими домашним животным, в основном корове, меньше — свинье и совсем немного — козе и овце. Поголовье скота в конце существования поселения увеличилось, поскольку органические остатки помета домашних животных были найдены главным образом в верхнем горизонте культурного слоя.

Определенную роль в жизни обитателей неолитического селища играла охота, но она занимала лишь подчиненное место. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что костей диких животных здесь оказалось очень мало.

Объектом охоты были преимущественно дикая коза и олень. Оружием для охотников служили лук, дротики и копья. Находка каменных шаров указывает на возможное употребление метательного оружия.

Не легко решить вопрос, почему при наличии девственных лесов охота у обитателей селища была мало развита. Очевидно, это объясняется тем, что сравнительно широкое развитие земледелия, скотоводства и рыболовства в достаточной степени удовлетворяли первейшие жизненные потребности населения.

Следов собирательства в селище не обнаружено, но вряд ли можно сомневаться, что дикорастущие плоды широко использовались. Каменные песты, найденные в культурном слое, могли употребляться для растирания съедобных корней и орехов.

Важное место в хозяйстве обитателей Очамчирского селища занимало рыболовство. Л. Н. Соловьев полагает, что в переходе к оседлости данного общества оно должно было сыграть определенную роль. Можно допустить, что при выборе места поселения на болотистой приморской низине, на берегу лимана, интересы рыболовства играли даже решающую роль. Не случайно, что в культурном слое селища тяжелые грузила для сетей встречались очень часто. В одном месте несколько галек лежало на ограниченном пространстве, и это позволяет предположить, что здесь, возможно, лежала сеть. Был найден также просверленный рог козы, который мог представлять собой иглу для вязания сетей.

Из морских промыслов можно отметить также охоту на дельфинов, что доказывается присутствием их костных остатков. Из крупных рыб объектом ловли была камбала.

В рассматриваемый период, возможно, были уже в употреблении лодки, на которых обитатели селища плавали в мелководном заливе и на небольших глубинах у морского берега. В распоряжении населения имелись достаточные средства для этого: целые серии долотообразных и стамескообразных орудий и примитивные топоры могли употребляться в качестве орудий для постройки лодок¹²¹.

Обитатели селища занимались ткачеством, на что указывают небольшие грузильца из гальки, которые, надо полагать, употреблялись для этой цели. Об этом же свидетельствует и найденное здесь одно каменное пряслице с отверстием. Прямым указанием на наличие ткачества или плетения являются соответствующие отпечатки на днище одного из глиняных сосудов.

Л. Н. Соловьев отмечает, что население стоянки было озабочено вопросом хранения запасов. Были найдены обломки довольно крупных сосудов, в которых могли храниться жидкости, зерно, мука, дикорастущие плоды и др.

¹²¹ Там же, стр. 52--54.

Сосуды хорошей выделки и разнообразной формы служили для приготовления пищи и питья. Все это говорит о развитии и хорошо обслуженном домашнем обиходе.

К сожалению, раскопки на селище дали очень мало материалов для реконструкции жилых помещений и хозяйственных сооружений. Этому не благоприятствовали условия залегания культурного слоя на уровне моря и связанная с этим близость почвенной воды. Единственно, что было обнаружено, это слегка обожженные уплотненные глиняные площадки и связанные с ними присыпки галек. Эти площадки диаметром около 3 м могли быть полом небольших шалашей. Под древнейшим курганом, насыпанным из синей глины, также были найдены, по видимому, следы шалаша — заостренные колышки, забитые почти вертикально; неоднократно встречались обожженные кусочки глины, вероятно, следы обмазки шалашей. Л. Н. Соловьев подкрепляет эти свои соображения указанием на то, что еще до недавнего времени жилищем многих абхазов являлась «пацха», представлявшая подобие шалаша. Это объясняется мягким климатом Абхазии, который в то время был, по всей вероятности, еще мягче.

Домашняя жизнь очамчирских аборигенов проходила, вероятно, на открытом воздухе, вокруг больших костров, следы которых в виде значительного количества угля и золы приурочены главным образом к нижней части культурного слоя. Позднее, как видно, лес был истреблен на большом расстоянии вокруг поселения и постоянные костры сделались роскошью. Для ночного освещения в помещениях могли употребляться глиняные светильники, которые также были найдены в культурных слоях селища.

Можно предполагать, что жилища распределялись по территории поселения неравномерно и возводились отдельными группами. Культурный слой прерывается и лежит как бы отдельными большими пятнами, причем эти пятна в некоторых случаях были довольно резко ограничены.

Определенного развития, надо полагать, достигает в тот период и межобщинный обмен. Жизнь на берегу моря, как отмечалось выше, открывала в этом направлении большие перспективы. Выйдя на берег моря, человек получил возможность легкого сообщения вдоль морского

побережья, по морскому пляжу или по береговому валу. С тех пор береговой вал сделался не только излюбленным местом поселения в продолжение ряда эпох, но и местом, где были проложены первые дороги.

Между тем, по мнению Л. Н. Соловьева, в рассматриваемую эпоху межплеменной обмен не был значительным. На селище почти не найдено предметов, которые бесспорно можно было бы признать за привозные. В повседневном обиходе очамчирских насельников потребности удовлетворялись почти исключительно местными орудиями. Предметом обмена могли быть некоторые группы керамических изделий.

Такова в общих чертах хозяйственная жизнь населения Абхазии в энеолитическую эпоху. К сожалению, ограниченность материала не позволяет более подробно осветить этот важный вопрос.

Социальные отношения Еще более недостаточны наши данные для характеристики социальных отношений, господствовавших в очамчирской энеолитической общине. С большой долей вероятности можно сказать, что это было родовое поселение, состоявшее, по-видимому, из ряда семейных жилищ. На основании того факта, что жилища в поселке распределялись не равномерно, а были расположены отдельными группами, можно допустить, что подобная группировка соответствовала каким-то внутривидовым делениям, возможно парным семьям.

Общий строй социальных отношений оставался по-прежнему матриархальным, хотя и вплотную подошедшим к завершающей стадии своего развития. На это указывают следующие обстоятельства: с одной стороны, определенно выраженный архаический облик Очамчирского селища, который свидетельствует, что его обитатели в своем социальном развитии вряд ли могли далеко уйти от предшествующей эпохи. В кремневом инвентаре стоянки еще чувствуются глубоко архаические верхнемезолитические традиции, а изделия из кости дают типы раннего неолита. Ясно, что в таких условиях не приходится ожидать существенных социальных изменений. Однако, с другой стороны, определенный прогресс в хозяйственной жизни общества все же наблюдается. Выше уже отмечались факты дальнейшего развития земледелия и особенно скотоводства. Как известно, скотоводство возникло

из охоты, и поэтому его изобретателем явился мужчина-охотник, что, несомненно, должно было значительно поднять его общественную роль. Это обстоятельство не могло не поколебать господствующего положения женщины.

Но тем не менее во главе земледелия, представлявшего основную отрасль хозяйства, по-прежнему оставалась женщина, и поэтому она сохраняла пока за собой руководящее место в родовой организации¹²². Как замечает Г. Ф. Гобеджишвили, в эпоху энеолита «матриархат не был еще окончательно изжит. Нужно думать, что этот строй получил лишь первую трещину, которая с течением времени становилась все более и более заметной»¹²³. В целом же родовой строй на данном этапе прочно сохранял свои позиции.

Религия и искусство Судить о религии и искусстве обитателей Очамчирского энеолитического селища также довольно трудно ввиду крайней фрагментарности соответствующих материалов. Можно лишь предположить, что религиозные представления эпохи развитого матриархата полностью сохраняли свою силу. Во всяком случае по-прежнему широкой популярностью пользовался культ богини-матери, с которым связывают характерные женские статуэтки, в значительном количестве обнаруживаемые в энеолитических селищах. В связи с развитием скотоводства несомненно должен был возникнуть культ домашних животных. Возможно, культовое назначение имела найденная в Очамчирском селище стилизованная глиняная скульптура головы какого-то животного, вероятно, барана. В этот период, как отмечалось, была уже одомашнена и коза. Культ этого животного, очевидно, появляется в ту же эпоху. Как видно из этнографических данных, культ козла занимал очень важное место в древнейших зооморфных представлениях абхазов.

Об эстетических вкусах обитателей Очамчирского селища некоторое представление дает орнамент, встречающийся на некоторых глиняных сосудах, хотя он применялся здесь сравнительно редко. По степени употребления мотивы орнамента распределяются следующим образом: выпуклые рантики с нарезками, имеющими вид зуб-

¹²² Джапаридзе, *Ранний этап*, стр. 46, 51.

¹²³ Гобеджишвили, *Археологические раскопки*, стр. 48.

чатых поясков, расположенных ниже края сосуда в один или два ряда; заштрихованные треугольники, образующие на стенках сосуда узор неясной композиции; ступенчатый орнамент из ряда наклепленных друг на друга валиков глины. Этот орнамент тесно связан с «жгутовой» техникой лепки сосудов.

На обнаруженных в селище обломках лощеной посуды сохранился линейный орнамент, который наносился на высыхающую поверхность сосуда. По большей части этот орнамент представлял собой заштрихованные треугольники или зигзагообразную линию.

Можно полагать также, что конкретными эстетическими соображениями объясняется в известной степени и разнообразие внешнего облика сосудов, употреблявшихся в энеолитическую эпоху. В этом отношении керамика того периода заметно отличается от глиняной посуды предшествующего неолитического времени.

Энеолитическая эпоха представляла собой определенный этап не только в социально-экономическом развитии общества, но и в области культурного творчества. Единичные орудия из меди, применявшиеся в ту эпоху, несмотря на свою важную техническую значимость, не могли еще существенно изменить хозяйственно-культурную и общественную структуру населения, но они в то же время знаменовали собой начало новой эпохи в развитии человечества, в которой ведущую роль играли уже не каменные, а металлические орудия.

ГЛАВА II

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ (ПАТРИАРХАЛЬНО-РОДОВАЯ ОБЩИНА)

Возникновение патриархально-родовых отношений

Во второй половине III тысячелетия до н. э. в Закавказье начинают входить в употребление орудия из бронзы, представляющей собой сплав меди с оловом. Иногда в бронзовом сплаве основным компонентом наряду с медью выступали другие металлы, например сурьма, мышьяк и др.

Бронзовые орудия были значительно тверже и острее медных; кроме того, бронза плавится при более низкой температуре (700—900°), чем медь (1083°), а это существенно облегчало литье бронзовых изделий.

Следует, однако, отметить, что бронзовые орудия не могли полностью вытеснить каменные. В ряде случаев рабочие свойства камня оказывались выше, чем бронзы, а главное — камень, пригодный для изготовления орудий, был почти всюду, между тем как источники сырья для бронзы, в особенности олово, встречаются редко.

Тем не менее ведущими орудиями отныне становятся все же бронзовые, и поэтому в истории человечества наступает новая археологическая эра — бронзовый век, пришедший на смену каменному.

Ранний бронзовый век Бронзовый век делится на три периода — ранний, средний и поздний. Ранняя ступень бронзовой культуры непосредственно следует за энеолитическим временем и начинается, как отмечалось, с момента изобретения горячего литья металлов, т. е. с появления металлургии.

На территории Закавказья, и в частности Грузии, имелись благоприятные условия для возникновения и развития металлургической техники. Этому способствовали, с одной стороны, наличие залежей цветных металлов на Кавказе, а с другой — оживленные связи со странами Ближнего Востока, на что указывают формы и стилистические особенности некоторых наиболее ранних медных и бронзовых изделий¹.

Памятники раннего бронзового века на территории Абхазии были обнаружены в дольменах. Дольмены — своеобразные погребальные сооружения, состоящие обычно из нескольких огромных каменных глыб, поставленных вертикально и перекрытых массивной горизонтальной плитой.

В период бронзового и раннежелезного веков дольмены были широко распространены в Азии, Африке и Европе. Весьма характерно тяготение всех районов распространения дольменов к приморским областям. Они обычно отсутствуют во внутренних частях материка, безразлично горных, предгорных или равнинных.

Не касаясь весьма сложного и еще не решенного в науке вопроса о происхождении дольменов вообще, перейдем к характеристике дольменов Кавказа и главным образом Абхазии.

До начала XX в. дольмены были известны лишь на территории Северного Кавказа². О наличии их в Западной Грузии большинство ученых высказывалось отрицательно на том основании, что местное население не имело о дольменах никакого представления³. Однако было высказано и другое предположение, что дольмены в Абхазии могут быть обнаружены⁴, что впоследствии и подтвердилось.

Первые дольмены в Абхазии были найдены в Сухумском районе, близ с. Азанта⁵. Затем они были обнаружены в селениях Эшера, Ачандара и Отхара, а позднее — на Псху, у перевала Доу, в с. Кульперхва, Шрома (Михайловское), Хоби и в других местах. Есть также сведе-

¹ Джапаридзе, *Ранний этап*, стр. 55—56; Куфтин, *Материалы*, стр. 264.

² Фелицын, *Западно-Кавказские дольмены*.

³ Уварова, *Несколько дополнительных сведений*, стр. 175.

⁴ Миллер, *Разведки*, стр. 83.

⁵ Стражев, *К Азантскому дольмену*.

ния о наличии их и в Очамчирском районе — близ Бедиа и Отара⁶.

Не все известные абхазские дольмены были подвергнуты систематическому исследованию. Более или менее обстоятельно изучена только эшерская группа, состоящая из 15 сооружений.

По своей конструкции исследованные абхазские дольмены принадлежат к наиболее распространенному на Западном Кавказе типу, представляющему собой четырехугольный каменный ящик трапециевидной формы, каждая сторона которого, а также крыша и часто дно составляют отдельную монолитную плиту, передняя вертикальная плита имеет небольшое круглое или овальное отверстие⁷.

Самым высоким в Абхазии является азантский дольмен № 1, достигающий 2,6 м высоты, а самым вытянутым — эшерский дольмен № 1, имеющий длину 3,64 м.

О массивности дольменных плит можно судить по тому, что некоторые из них достигали весьма значительного веса, превышающего 50 т. По своим размерам абхазские дольмены являются самыми крупными на Кавказе.

При общем типе эшерских дольменов в них тем не менее замечаются некоторые различия как в величине, так и в тщательности постройки. Кроме того, одно сооружение отличается от остальных по своей ориентировке. Оно обращено передней стороной, т. е. плитой с отверстием, на юго-запад, в то время как другие направлены фасадом почти точно на юго-восток.

По вопросу о времени постройки абхазских дольменов большинство исследователей сходится на том, что они возводились с конца III и в течение первой половины II тысячелетия до н. э. После этого такие погребальные сооружения больше не сооружались, но старые еще долго, вплоть до античного времени, употребляли для захоронения покойников.

По мнению О. М. Джапаридзе, время постройки дольменов было более продолжительным и, по-видимому, целиком охватывало периоды ранней и средней бронзы.

⁶ Соловьев, *Погребения*, стр. 71—72; см. также карту распространения дольменов на Северо-Западном Кавказе, составленную Л. И. Лавровым и дополненную Л. Н. Соловьевым (Труды АИЯЛИ, т. XXXI, стр. 110—111).

⁷ Лавров, *Дольмены*, стр. 102.

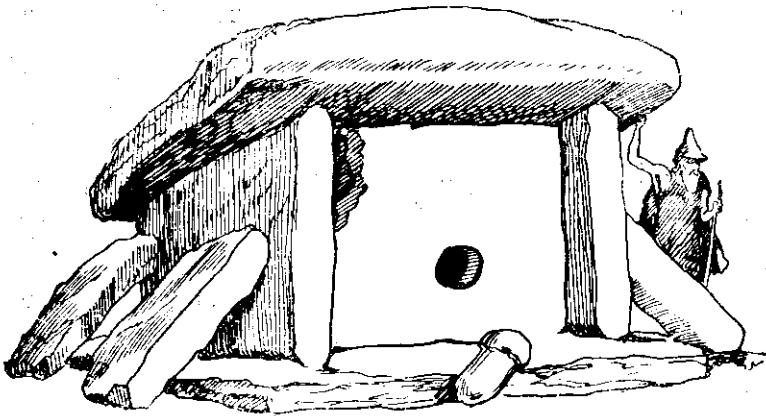

Рис. VII. Дольмен

Обследованные им два эшерских дольмена отличались более архаическим инвентарем, чем ранее известные. Эти дольмены О. Джапаридзе относит к начальной ступени раннебронзового периода и датирует 2400—2200 гг. до н. э. Дольмены, содержащие следующий слой, он относит к 2200—1800 гг. до н. э.—к поздней ступени раннебронзового периода. Наконец, третий строительный слой дольменов Абхазии—к среднебронзовому периоду, доходя хронологически до середины II тысячелетия до н. э.⁸

Вопрос о происхождении абхазских, как и вообще западнокавказских, дольменов не может считаться окончательно решенным. На этот счет в научной литературе высказывались различные предположения. А. С. Уваров считал, что дольмены были возведены на Западном Кавказе пришлым из Азии народом⁹. Л. Н. Соловьев полагает, что идея постройки их проникла на Северо-Западный Кавказ из Сирии и Палестины, минуя области, расположенные южнее, т. е. морским путем¹⁰. По мнению П. И. Лаврова, «появление дольменов на Кавказе нельзя объяснить иначе, как следствием дальних морских экспедиций кавказских народов на рубеже неолита и раннеметаллической эпохи»¹¹. Некоторые авторы настаи-

⁸ Джапаридзе, *К истории грузинских племен*, стр. 238—239.

⁹ Уваров, *Мегалитические памятники*, стр. 274.

¹⁰ Соловьев, *Новый памятник*, стр. 157.

¹¹ Лавров, *Дольмены*, стр. 107.

вают на местном происхождении кавказских дольменов. Так, чешский ученый Б. Грозный считал, что они возникли в Закавказье и отсюда распространились в Сирию и Палестину¹². Б. Б. Пиотровский, наоборот, допускает возможность заимствования дольменов как погребальных сооружений из соседних стран, но отвергает миграцию «культуры дольменов» на том основании, что «предметы, найденные в кавказских дольменах, отражают хорошо известную аборигенную культуру медного века Кавказа»¹³. Такой же в основном точки зрения придерживается О. М. Джапаридзе, который вместе с тем считает возможным, что родиной дольменов, имеющих в передней части отверстие, был именно Кавказ¹⁴.

Таким образом, взгляды исследователей по вопросу о происхождении этих погребальных сооружений различны, и лишь дальнейшее изучение может пролить на него определенный свет.

Эшерские дольмены начала раннебронзовой эпохи по технике строительства и погребальному инвентарю довольно близки друг к другу. Они отличаются от более поздних своими меньшими размерами, более примитивным характером построек и содержащихся в них предметов. Несмотря на то что в этих дольменах было похоронено довольно большое число покойников, погребальный инвентарь в них весьма беден и состоит в основном из глиняной посуды. Металлических изделий оказалось очень мало — кинжальный клинок, наконечник стрелы, овальные височные кольца и др. Интерес представляет также редкая находка кремневых наконечников стрел с выемчатым основанием¹⁵.

Металлические изделия из ранних дольменов сделаны преимущественно из меди. Б. А. Куфтин по этому поводу пишет: «Строители дольменов находились еще в самом начале бронзового периода и не только не знали железа, но и бронзовый сплав им не был еще знаком; так, по данным химического анализа, орудия, найденные в дольменах, сделаны из чистой меди и содержат олова лишь около полпроцента, что может объясниться скорее всего не

¹² Грозный, *Доисторические судьбы*, стр. 29.

¹³ Пиотровский, *Поселения*, стр. 182.

¹⁴ Джапаридзе, *К истории грузинских племен*, стр. 216.

¹⁵ Там же, стр. 221—224, 229.

сознательной присадкой, а просто составом медной руды»¹⁶.

Дольмены последующего периода крупнее, более тщательно построены, их погребальный инвентарь значительно богаче, чем в ранних дольменах.

В составе инвентаря обращают на себя внимание медные вислообушные топоры характерной формы, медные втульчатые крюки, один из которых трехзубый, треугольное копьевидное лезвие ножа, медный вислообушный топор, бронзовые бусы и др., но керамический инвентарь почти не меняется.

Социально-экономические отношения Социально-экономическая характеристика населения Абхазии раннебронзового периода не может быть всесторонней и детальной из-за отсутствия достаточного количества материалов, которые представлены главным образом небогатым погребальным инвентарем ранних дольменных захоронений.

О развитии земледелия и скотоводства в период ранней бронзы можно получить представление лишь на основе некоторых косвенных данных, позволяющих считать, что эти отрасли хозяйства в ту эпоху несомненно поднимаются на более высокую ступень¹⁷.

Возможно, что значительное распространение получила тогда подсечная система земледелия, практиковавшаяся на расчищенных от леса пашнях. При рубке леса главную роль играл труд мужчин, что способствовало выдвиганию его на руководящее место в земледельческом труде, в котором раньше безраздельно хозяйничала женщина. В тот период, по-видимому, уже стали применять примитивную соху. Была заложена основа плужного земледелия, в котором ведущая роль полностью перешла к мужчине.

Выдвиганию мужчины в общественной жизни способствовало и дальнейшее развитие скотоводства. Скот использовался теперь не только в качестве источника мясной и молочной пищи, но и в качестве тягловой силы в земледелии. Можно допустить, что в тот период уже практиковали унавоживание пашен с целью повышения плодородия. Таким образом, скотоводство тесно связывается с земледелием.

¹⁶ Куфтин, *Материалы*, стр. 312.

¹⁷ Джапаридзе, *К истории грузинских племен*, стр. 106.

В эту эпоху значительно повышается роль мелкого рогатого скота — развивается овцеводство и козоводство. Скотоводческое хозяйство постепенно начинает принимать отгонный характер, и в связи с этим начинают осваиваться высокогорные альпийские пастбища.

Можно полагать, что именно в тот период определенная часть населения отделилась от земледелия и стала заниматься преимущественно скотоводством, хотя пока полностью не оторвалась от земледельческой базы.

Дальнейшему повышению общественной роли мужчины содействовало также развитие металлургии. Техника обработки металлов достигла достаточно высокого уровня. Анализ обнаруженных в Абхазии изделий того периода показывает, что они изготовлялись из чистой меди, в которой содержалось от 2 до 5% мышьяка. Была создана довольно сложная техника литья. Вполне допустимо, что изготовление металлических изделий уже выделилось в самостоятельную ремесленную отрасль внутри общины.

По мнению О. Джапаридзе и др., в Западной Грузии в период ранней бронзы особого развития достигает металлургия. Надо полагать, что именно в это время складывается в верховьях р. Квирилы мощный очаг металлургического производства¹⁸. Строители абхазских дольменов несомненно были связаны с этим очагом, о чем свидетельствует, во-первых, большое сходство металлического инвентаря дольменов с изделиями из других раскопок этого района (Сачхерский курган и др.).

Отмеченные выше экономические моменты (появление плужного земледелия, развитие скотоводства, возникновение металлургии) окончательно привели к установлению руководящей роли мужчины в общественной жизни, обусловили переход к патриархальной стадии в развитии первобытнообщинного строя. Энгельс писал: «...«более кроткий» пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе»¹⁹.

Основной общественно-хозяйственной единицей становится большая патриархальная семейная община, пришедшая на смену матриархальной парной семье. Во гла-

¹⁸ Там же, стр. 262—266.

¹⁹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи*, стр. 162.

ве новой общественной организации становится родоначальник-патриарх.

Развитие первобытной техники привело к возникновению «парцеллярного труда как источника частного присвоения»²⁰. Поэтому с установлением патриархальных отношений в первобытнообщинном строе появляется первая брешь в виде элементов индивидуальной собственности и накопления богатств в руках верхушки патриархальной общины. Энгельс пишет по этому поводу: «...богатства, поскольку они однажды перешли в частное владение отдельных семей и быстро возрастали, нанесли сильный удар обществу, основанному на парном браке и на материнском роде»²¹. В результате «материнское право уступило место отцовскому; возникающее частное богатство пробило этим свою первую брешь в родовом строе»²². Следовательно, патриархальная родовая община в целом явилась социальной формой разложения первобытнообщинного строя.

На Кавказе эпоха патриархата начинается с конца III тысячелетия до н. э.²³ Установление этих отношений в Абхазии совпадает с периодом постройки ранних дольменов, о чем, в частности, свидетельствует наличие в их инвентаре чисто мужских орудий — топоров, наконечников копий и стрел, кинжальных клинков и др. Вместе с тем в социальных отношениях и в быту сохранялись еще сильные пережитки матриархата.

Характер дольменных погребений и их инвентаря позволяет в известной степени определить уровень развития социальных отношений того периода. По мнению первого исследователя эшерских дольменов М. М. Иващенко, «погребения в дольменах были коллективными, причем в дольмен погребались члены одного рода»²⁴. Б. А. Куфтин считал, что «каждый дольмен надо рассматривать как семейно-родовую гробницу, воздвигаемую представителями отдельных родовых единиц, входящих в состав более крупного объединения». Вместе с тем он подчеркивал, что «крупный размер и совершенство работы отдельных дольменов придется отнести за счет более бо-

²⁰ К. Маркс, *Черновые наброски*, стр. 695.

²¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи*, стр. 58.

²² Там же, стр. 100.

²³ Крупнов, *Древняя история и культура Кабарды*, стр. 74.

²⁴ Иващенко, *Исследование*, стр. 49.

гатого и влиятельного рода, может быть выделившегося уже в особую родовую аристократию»²⁵. Л. И. Лавров, исходя из того факта, что подавляющее большинство раскопанных дольменов содержало не более трех погребений, приходит к выводу, что «дольмены были не родовыми, а семейными усыпальницами»²⁶. Он высказывает предположение, что в эпоху строительства дольменов на Западном Кавказе род как хозяйственная единица уже уступил первенство семье, имевшей свой собственный дольмен. Однако связи между отдельными семьями, принадлежавшими к одному роду, оставались еще весьма крепкими. На это прежде всего указывают частые случаи преднамеренного расположения нескольких дольменов в одну ровную линию. Именно подобные группы дольменов (как это, например, имеет место в Эшера), а не отдельные сооружения следует рассматривать как родовые кладбища²⁷.

Несмотря на явно намечавшиеся зачатки имущественного расслоения, раннепатриархальное общество представляло собой пока еще сплоченную родовую организацию. Б. А. Куфтин справедливо указывал на то, что «количество труда для установки одного такого дольмена требовалось огромное, и поскольку общество в ту пору дольменных могил могло быть только бесклассовым, надо предполагать существование крепкой коллективной сплоченности, нисколько еще не поколебленной»²⁸. Л. И. Лавров также отмечает, что «постройка дольмена вряд ли была под силу отдельной семье. Для этого нужны были усилия большого коллектива, каким для того времени мог быть именно род»²⁹.

В рассматриваемый период значительно более широкий характер, чем в предшествующую эпоху, принимают межплеменные и межобщинные связи обитателей Абхазии. Памятники дольменной культуры Абхазии носят отпечаток несомненной общности с культурой соседних районов Закавказья и Северного Кавказа. «Весь наличный материал говорит о какой-то общности культурного развития древнейших насельников центральной зоны Север-

²⁵ Куфтин, *Материалы*, стр. 267.

²⁶ Лавров, *Дольмены*, стр. 108.

²⁷ Там же, стр. 105.

²⁸ Куфтин, *Материалы*, стр. 267.

²⁹ Лавров, *Дольмены*, стр. 105.

ного Кавказа и племен Предкавказья, Южного Кавказа и особенно Западной Грузии. Причем эта общность проявлялась еще с энеолита и эпохи ранней бронзы»³⁰.

В этой связи укажем в первую очередь на факт широкого распространения погребений дольменного типа на территории всего Северо-Западного Кавказа, причем из всех известных на Кавказе дольменов самыми древними считаются абхазские³¹. Отсюда делается вывод, что «обнаружение древнейшего слоя в дольменах Абхазии указывает не только на раннюю дату их сооружения, но и на основной район, из которого, очевидно, получила распространение дольменная культура на Кубани»³². Много общего наблюдается и в погребальном инвентаре дольменов Абхазии и соседних областей Северного Кавказа.

Конкретные связи строителей абхазских дольменов развиваются и в юго-восточном направлении, в частности с культурными очагами ближайших районов Западной Грузии. В этом отношении большой интерес представляют синхронные раннему слою абхазских дольменов курганные погребения Сачхерского района. Памятники, обнаруженные в этих курганах, близко соответствуют дольменному инвентарю, хотя само строительство дольменов туда не заходит³³. Характерными в этом отношении являются серповидные вислообушные топоры с круглым отверстием для рукоятки. По типу они вполне совпадают с топорами из Сачхере. Характерно и полное совпадение копьевидных кованых клинков с плоским, слегка расширяющимся к концу стержнем для рукоятки. Укажем также на сходство таких предметов, как трапециевидное и плоское тесло, полукруглое долото и др. Все это явно указывает на определенное культурное единство между населением Абхазии и Сачхерского района в раннебронзовую эпоху.

Такое же совпадение можно констатировать и с синхронными материалами некоторых центральных районов Северного Кавказа. Так, упомянутые выше серповидные вислообушные топоры находят значительную аналогию

³⁰ Крупнов, *Материалы*, стр. 70.

³¹ Джапаридзе, *К истории грузинских племен*, стр. 239.

³² Крупнов, *Древняя история и культура Кабарды*, стр. 74.

³³ Кувшин, *Материалы*, стр. 316.

среди топоров Северной Осетии из могильников Фаскау и Кумбулты³⁴.

Указанное выше сходство культурных форм свидетельствует, возможно, и об этническом родстве населения этих районов Кавказа.

Культура Переходя к вопросу о культуре раннепатриархального общества на территории Абхазии, остановимся прежде всего на способе постройки и архитектуре местных дольменов. Как указывает Л. Н. Соловьев, «в строительстве дольменов, в выработке их формы и деталей должны были найти свое отражение и общая идея культа, и содержание похоронного обряда, и уровень производительных сил, в какой-то мере и социальная культура исчезнувшего общества»³⁵.

Выбрав подходящий исходный материал, древние каменотесы наносили на нем контур будущей плиты и по этой линии зубилом делали ряд ямок, в которые забивали деревянные клинья. Затем мастер брал молот и по очереди наносил быстрые удары по всем клиньям, добиваясь этим отделения плиты. Далее, пользуясь долотами и другими инструментами, плите придавали нужную форму и, наконец, стачивали при помощи крупнозернистых брусков из песчаника. Таким же образом выбивались и обрабатывались отверстия в передней стенке. Не отличался от этого и способ выделывания больших тяжелых пробок для затыкания отверстий. К сожалению, орудия постройки дольменов, медные или каменные, до сих пор не обнаружены.

К месту постройки вырубленные плиты доставлялись волоком большим числом людей с помощью рабочего скота, а также примитивных технических приспособлений — катков, рычагов и т. п.

Дольмены обычно устанавливались на склонах горы, причем фасадная часть с круглым отверстием была обращена вниз по склону к реке или морю. Одной из причин этого, возможно, было стремление оградить отверстие дольмена от деллювиальных наносов, наступающих с поверхности горы. На расчищенной земляной площадке вырывали канавки, а в других случаях на поверхности специально положенной большой плиты, иногда со-

³⁴ Там же, стр. 279.

³⁵ Соловьев, *Погребения*, стр. 72.

ставной, вырубали плоские желоба — пазы для установки стенок дольмена, представлявших собой всегда цельные плиты. Сначала ставили боковые стенки, которые временно укрепляли каменными подпорками или земляной насыпью. После этого переднюю и заднюю стенки вставляли в пазы, сделанные в нижней полой плите и в боковых стенках. Затем у задней части дольмена делали насыпь, по которой втаскивали на место тяжелую крышу. Заранее вырубленные на крыше пазы позволяли ей плотно сесть на тщательно обработанные верхние ребра плит-стенок. Эта была труднейшая операция, так как покровная плита была самой тяжелой.

Крыша дольмена всегда поката от фасада вниз. Боковые стены и крыша выступают вперед, образуя как бы козырек над фасадной стенкой. Возможно, это вызывалось соображениями культа, но не исключено, что такая деталь также имела целью оградить отверстие дольмена от наносов с горы. Боковые стенки некоторых дольменов для большей устойчивости сооружения подпирались каменными монолитами.

Переходя к характеристике инвентаря дольменов, остановимся прежде всего на металлических изделиях. Два топора, извлеченных из IV эшерского дольмена, принадлежат к одному типу узких вислообушных топоров, имеющих вытянутую, несколько серповидно изогнутую форму с узким поперечным лезвием и сильно опущенной вниз обушной частью с круглым отверстием для рукоятки; длина одного топора 18 см, ширина лезвия 4,5 см, длина другого топора 16 см и ширина лезвия 4 см³⁶.

Здесь же найдены медные кинжальные клинки. Самый крупный из них имеет длину 20 см (со стержнем) и наибольшую ширину 6 см. Клинок имеет плоское листовидное лезвие с характерным утолщением по средней оси, подчеркнутым двумя продольными легкими желобами по его сторонам. Последняя особенность заметно выражена на двух других клинках меньшего размера, возможно наконечниках копий, в 13,5 см и 12,5 см длины, где ясно видно, что эти желобки являются результатом специальной проковки.

Наиболее характерными предметами погребального инвентаря ранних дольменов можно считать медные

³⁶ Куфтин, *Материалы*, стр. 278.

крючья с полыми втулками для насадки их на древко. Назначение их не вполне ясно. По мнению Б. А. Куфтина, эти крючья по своей форме напоминают до сих пор бытующие у абхазов железные крючки для вынимания горячего мяса из котла, употребляемые особенно во время общественных праздников³⁷.

Наиболее простым из этих крючков является найденный в дольмене II. Он имеет кованый четырехгранный заостренный стержень и прокованную, свернутую в трубку втулку, в которой пробиты два отверстия для закрепления втулки на рукоятке. Длина всего крюка в выпрямленном виде — около 18 см, а в согнутом — 13 см. Близок к нему по форме крюк из IV дольмена, но отличается совершенно иным изготовлением втулки, которая сделана не ковкой, а путем отливки по утрачиваемой восковой модели в глиняной форме. Поверхность втулки по краю и вдоль четырех ее сторон украшена шнурованными рельефными кантами, между которыми размещены зигзаги в форме змеек. Длина крюка в изогнутом виде 18 см, в выпрямленном — около 23 см, длина втулки — 10 см. Наиболее интересен третий блок. Он представляет собой большую трехзубую крючкообразную вилку на полой втулке, украшенной шнуровым орнаментом, который наложен сплошными продольными рядами. Отливка и здесь, как видно, осуществлялась по утрачиваемой форме. Восковая модель с обеих сторон украшалась, по-видимому, натуральным плетеным шнурком, который сгорал при первом обжиге глиняной формы.

Определенного интереса заслуживает дольменная керамическая посуда. Она представлена в основном миниатюрными сосудиками, имевшими, как полагает Б. А. Куфтин, погребально-культовое назначение. По-видимому, эта керамика должна была имитировать образцы крупных сосудов, которые по каким-то соображениям избегали класть в дольмены³⁸.

Поэтому на основании погребальных сосудиков трудно судить о характере бытовой керамики того периода. Как показывает анализ дольменной посуды, она изготовлялась примитивным ручным способом наlepки глиняных жгутов на первоначально вылепленное доньшко в

³⁷ Там же, стр. 280.

³⁸ Там же, стр. 295.

виде диска. После этого стенки слегка выравнивались и зачищались горизонтально и вкось деревянной лопаточкой с рубчиками на конце. Видимо, ребром этой лопатки наносился примитивный орнамент в форме косых зубчиков по самому краю сосуда. Б. А. Куфтин, несомненно, прав, когда он считает возможным «выделить эту керамику в особый тип, являющийся не столько архаическим по существу, сколько технически примитивным, что отчасти может объясниться особым не бытовым, а погребальным характером этой посуды»³⁹.

Из употреблявшихся в ту эпоху украшений следует отметить бусы, найденные в дольменах ранней группы. В дольмене II оказались бусы очень небольших размеров, обычно укороченной, реже удлиненной цилиндрической формы, принадлежащие трем различным видам: короткоцилиндрические бусы из глиняной желтовато-кирпичной пасты, узкоцилиндрические бусы из голубоватой пасты и цилиндрические, наиболее крупные, из голубовато-серого твердого минерала. Сердоликовых и бронзовых бус в этом дольмене не найдено, но в дольмене IV было обнаружено несколько металлических бусинок. В одном из дольменов той эпохи найдены медные височные кольца овальной формы⁴⁰.

Археологические материалы дают нам ценные сведения о религиозных верованиях той эпохи. Укажем прежде всего на широкое распространение культа мертвых, в основе которого лежали те же анимистические представления. Сами дольменные сооружения представляли собой, по мысли строителей, жилище умершего. Материал и размеры были рассчитаны на вечность. «Тщательная выработка пазов для пригонки стенок дольмена, притертые пробки, употребление для стенок целых плит, все это обеспечивало герметичность сооружения. Едва ли можно сомневаться, что летучим, трудно уловимым содержимым дольменов, по понятиям их строителей, были души погребенных в них покойников. Огромные затраты физического труда, изобретательности и накопление технических знаний в глазах современников этого строительства получали свое оправдание, если цель была достигнута: души умерших членов семьи и ее прародителей оставались под опекой живущих и в свою оче-

³⁹ Там же, стр. 296.

⁴⁰ Джапаридзе, *К истории грузинских племен*, стр. 229.

редь должны были оказывать покровительство этим живущим во всех предприятиях. В этом суть первобытной религии анимизма, которая и породила на высоких стадиях своего развития эти удивительные памятники»⁴¹.

Однако не совсем ясен вопрос об обряде захоронения покойников и о способе их помещения в дольмен. Так, М. М. Иващенко предполагал, что покойников помещали по углам дольмена в сидячем или полулежачем положении, с ногами, вытянутыми по диагонали к середине дольмена⁴². Такого же мнения придерживается и Л. И. Лавров. Он считает, что покойников протаскивали через отверстие и прислоняли спиной к стене, придавая им сидячее положение⁴³. Б. А. Куфтин предложил два варианта: или дольмены представляли собой так называемые оссуарии, куда помещались только декарнированные (освобожденные от мяса) кости покойников (для вторичных погребений), или «при постройке дольмена могли быть захороненными один или несколько покойников в сидячем положении. В дальнейшем же новыми вкладами разрушалось расположение костей первых погребений». Однако Б. Куфтин констатирует, что подтвердить это предположение раскопками не удалось. «Единственное, что можно было видеть, — это сосредоточение погребального инвентаря главным образом по углам дольменов, хотя отдельные предметы заходили и в центральные части камер»⁴⁴.

Некоторые исследователи (Л. Соловьев, О. Джапаридзе) обратили внимание на то обстоятельство, что в дольмен попадали не все кости человеческого скелета. В них находят обычно лишь черепа и длинные кости конечностей. Отсюда Л. Н. Соловьев делает вывод, что «предположения о наличии в абхазских дольменах погребений в сидячем положении ничем не обосновывается... Через круглые отверстия эшерских дольменов вносился не труп покойника, а лишь разрозненные его кости, только в редких случаях сохранившие анатомическую связь по причине неполного разложения трупа. Первичные погребения совершались где-то в другом месте и являлись только подготовкой к окончательному захоронению. Та-

⁴¹ Соловьев, *Погребения*, стр. 74.

⁴² Иващенко, *Исследование*, стр. 29.

⁴³ Лавров, *Дольмены*, стр. 106—107.

⁴⁴ Куфтин, *Материалы*, стр. 274—275.

ким образом, из двух вариантов, предложенных Б. А. Куфтиным, надо принять второй, признающий в абхазских дольменах подобие оссуария»⁴⁵.

Однако захоронения в дольменах не были единственным погребальным обрядом на территории Абхазии того периода. В 1933 г. в Гагре была обнаружена небольшая карстовая пещера, в которой были найдены стоявшие на полу горшки баночной формы, содержащие отдельные человеческие кости, причем каждый горшок был прикрыт человеческим черепом. По характеру изготовления сосудов их можно отнести к началу бронзовой эпохи. К этому же периоду относятся захоронения в некоторых других пещерах. Так, в Каманском гроте, в слое Д, обнаружено вторичное захоронение костей, с которыми найдены также различные мелкие предметы — медные, бронзовые, сердоликовые бусинки и пр., типичные для эпохи ранней бронзы Абхазии.

Таким образом, в погребальных обрядах, применявшихся на территории Абхазии с конца III тысячелетия до н. э., полного тождества не было; здесь различаются три основных варианта погребения: дольменные, пещерные и кувшинные. Но все эти способы захоронения были вариантами одного погребального обряда, обусловленного единым религиозным мировоззрением этого общества. Наиболее важной, общей чертой этого обряда было применение вторичного, окончательного захоронения, которому подвергались очищенные от мяса кости умершего.

Особый интерес представляет вопрос о причинах повторных захоронений после декарнации костей. Такой обычай был известен у многих народов. Например, по понятиям древнеиранской религии (маздеизма) земля считалась священной и захоронение в ней покойника должно было вызвать ее «осквернение». Возможно, какое-либо аналогичное представление лежало и в основе заупокойного культа строителей дольменов. Однако, по более поздним данным, относящимся к античному времени, вторичному погребению подвергали только мужчин, в то время как женщин хоронили в грунтовых ямах. Так, очевидно, обстояло дело и в дольменную эпоху, когда, судя по инвентарю, в дольмены помещали только мужчин (остеологические остатки в этом аспекте, к сожалению, не

⁴⁵ Соловьев, *Погребения*, стр. 79—90.

изучены). Надо полагать, что подобный обычай возникает в патриархальную эпоху как одно из проявлений особого положения в обществе мужчины-родоначальника. Более точный ответ на поставленный вопрос могут дать лишь дальнейшие изыскания.

Важной составной частью погребального обряда было помещение рядом с костями покойника погребального инвентаря. Л. И. Лавров полагает, что покойников хоронили в дольмене в одежде, от которой сохранились только металлические и каменные украшения. Вместе с ними погребали их оружие (стрелы, копья, ножи, топоры и др.), некоторые орудия труда и глиняные сосуды с пищей⁴⁶. Однако если признать правильным, что в дольменах, как и оссуариях, хоронили лишь кости умерших, то одежда, украшения, предметы вооружения, составлявшие принадлежность одежды, помещались туда в качестве сопроводительного погребального инвентаря. Этот инвентарь дополнялся позднейшими приношениями, которые просовывали через отверстие.

Помимо обычных бытовых предметов, которые, по представлениям того времени, должны были служить умершему в «потусторонней жизни», в дольмен помещались предметы, имевшие специально культовое назначение. К таковым, в частности, относится дольменная керамика, которая имитировала подлинные предметы. Б. А. Куфтин считает возможным поставить это явление в связь со вторичным обрядом погребения, «когда в дольмены клались только освобожденные от мяса кости покойника, уже настолько оторванные от окружающей жизни, что для них казалось достаточным оставлять питание в этой полусимволической форме, особенно при нередко наблюдаемом у первобытных племен представлении об очень малых размерах главной души»⁴⁷.

К числу культовых предметов Б. А. Куфтин относит и обнаруженные в дольменах втульчатые крючья. Возможно, пишет он, что помещение их в могилу связано с каким-либо представлением о странствованиях души покойника, которая, нуждаясь в пище, могла достать ее только при помощи подобной вилки⁴⁸.

⁴⁶ Лавров, *Дольмены*, стр. 106.

⁴⁷ Куфтин, *Материалы*, стр. 295.

⁴⁸ Там же, стр. 281.

Культовое назначение, по-видимому, имели и миниатюрные клиночки в виде совершенно тонких и плоских медных пластинок, которые имитировали ножи.

Таким образом, раннебронзовая эпоха представляет собой важную веху в истории первобытного общества. Вместе с нею первобытнообщинный строй вступает в заключительную стадию своего развития. В этот период были заложены основы тех социально-экономических явлений, которые затем привели к окончательному разложению общественного строя, основанного на общинной собственности на орудия и средства производства. Данный процесс происходил на следующем этапе развития патриархально-родового строя.

Расцвет патриархально-родовых отношений

Средняя бронза Период средней бронзы на территории Грузии падает приблизительно на XVII—XIII вв. до н. э. Он характеризуется сравнительно быстрым развитием общества и многими новыми явлениями в технике, хозяйстве и социальных отношениях.

Именно в этот период на территории Кавказа отчетливо начинают намечаться отдельные локальные варианты культурных общностей. В частности, на территории Грузии складываются два родственных друг другу культурных очага — западногрузинский и восточногрузинский⁴⁹.

Территория современной Абхазии по культурному облику памятников той эпохи полностью должна быть включена в западногрузинский культурный очаг, к которому примыкают также некоторые смежные районы Северного Кавказа.

Следует отметить, что материальная культура Западной Грузии, в частности Абхазии, эпохи средней бронзы изучена пока недостаточно. Одним из основных памятников данной эпохи в Абхазии является тот погребальный инвентарь эшерских дольменов, который относится к среднебронзовому веку. Этот инвентарь во многом перекликается с памятниками могильника той же эпохи, обнаруженного близ с. Брили в Раче. Таковыми, например,

⁴⁹ Археология Грузии, стр. 107—108, 156.

являются листовидные кинжальные клинки, некоторые трубчатообушные топоры, ряд скульптурных произведений (бараньи головки, «рогатые» птички) и пр.⁵⁰.

Поздняя бронза Гораздо богаче представлен в Абхазии следующий этап развития бронзовой металлургии — памятники поздней бронзы. Эта своеобразная и яркая археологическая культура известна в научной литературе под названием «колхидской», или, в более широком смысле, «колхидско-кобанской» культуры. Эта культура была распространена в основном на территории Западной Грузии и нагорных районов центральной части Северного Кавказа. Датируется она концом II тысячелетия — VII в. до н. э.

По побережью Черного моря памятники этой культуры (в частности бронзовые топоры) распространены от Сочи на севере до г. Орду (Турция) на Юге⁵¹. Отдельные памятники колхидской культуры обнаружены и в Восточной Грузии, вплоть до Мцхета, а также в районе Военно-Грузинской дороги (Казбеги и др.).

Впервые памятники этой культуры, в частности оригинальные секирообразные топоры, были обнаружены в 1869 г. в Северной Осетии, близ аула Кобан. Поэтому данная культура в течение длительного времени именовалась «кобанской» культурой. Однако впоследствии, когда большое количество ее памятников и, что особенно важно, формы для изготовления ее важнейших предметов (например, топоры) были найдены в различных пунктах Западной Грузии, то многие ученые (М. М. Иващенко, С. Н. Джанашиа, И. И. Мещанинов, Б. А. Куфтин, А. Л. Лукин и др.) стали придерживаться того взгляда, что эта культура как по месту своего первоначального возникновения, так и по основному территориальному распространению является западногрузинской, или колхидской (от географического названия Колхида, как именовали Западную Грузию древние авторы).

Однако дальнейшее изучение памятников этой культуры как на территории Западной Грузии, так и на Северном Кавказе показало, что при наличии ряда общих черт кобанская и колхидская культуры все-таки отличаются

⁵⁰ Там же, стр. 116.

⁵¹ Там же, стр. 133.

друг от друга. В частности, среди памятников колхидской культуры встречаются и такие предметы, которые совершенно чужды кобанской культуре. К таковым в первую очередь относятся земледельческие орудия: мотыги, серпы, топоры-далды и др. Специфические орудия встречаются и среди памятников кобанской культуры, которые не характерны для Колхиды. Различия отмечаются в керамике, в некоторых украшениях, способах погребения покойников и пр.⁵²

В силу указанных обстоятельств ряд современных исследователей (Е. И. Крупнов, О. М. Джапаридзе и др.) полагает, что несмотря на общие черты и несомненное родство колхидских и кобанских памятников, они тем не менее представляют собой две самостоятельные культуры, хотя и тесно связанные друг с другом. В то же время сторонники культурного единства колхидского и кобанского комплексов считают, что имеющееся несходство между ними может указывать лишь «на крупные территориальные расхождения хозяйственных типов в разных географических районах»⁵³.

Однако, по мнению некоторых исследователей, этот важный вопрос пока не может быть решен окончательно. Так, Г. Ф. Гобеджишвили пишет: «Вопрос о взаимоотношении колхидской и кобанской культур еще подлежит исследованию, и сказать что-либо определенное пока что не удастся. Но совершенно ясно, что в позднебронзовую эпоху между культурами, распространенными в Западном Закавказье и Центральном Кавказе, с самого начала существовали очень тесные взаимоотношения, которые сыграли весьма важную роль в их становлении»⁵⁴.

Следует отметить, что в тот период на территории Северо-Западного Кавказа была распространена так называемая прикубанская культура, очень близкая смежным колхидской и кобанской культурам.

Весьма важным моментом является то обстоятельство, что рассматриваемые культурные очаги на обоих склонах Кавказа в известной степени генетически восходят к местным культурам среднебронзовой эпохи. В частности, прототипами некоторых колхидско-кобанских топоров

⁵² Там же, стр. 130; Крупнов, *Древняя история Сев. Кавказа*, стр. 80.

⁵³ Куфтин, *Материалы*, стр. 212.

⁵⁴ Археология Грузии, стр. 130.

могут быть признаны архаичные топоры, обнаруженные в 1935 г. в с. Пиленково (ныне Гантиади) в Абхазии⁵⁵.

После первоначального открытия памятников кобанской культуры многие исследователи полагали, что подобные памятники не имели распространения на черноморском побережье Кавказа и, в частности, в Абхазии. Так, в 1889 г. В. Сизов утверждал, что «характерные формы бронзовой культуры Осетии кобанского типа не проникли в приморскую область»⁵⁶. Однако уже в дореволюционное время в научной литературе (Н. Альбов, П. Уварова) появились сообщения о находках на территории Абхазии отдельных бронзовых предметов, а этнограф А. Миллер, побывавший здесь в 1907 г., опубликовал в своем отчете снимок бронзового топорика, виденного им в сел. Ачандара (Гудаутский район), который, по определению М. Иващенко, несомненно принадлежал к кобанскому типу.

Начиная с конца 20-х годов раскопки памятников бронзового века на территории Абхазии стали принимать систематический характер. Первым важным открытием такого рода явились материалы, обнаруженные в с. Приморское (ныне Санапиро) в 1925 г. и опубликованные В. И. Стражевым⁵⁷. Эти предметы имели большое сходство с памятниками кобанского могильника и являлись «первым несомненным свидетельством широкого распространения и развития этой культуры по Восточному Причерноморью»⁵⁸.

В 1929 г. в пос. Аагста (Гудаутский район) во время земляных работ было обнаружено погребение бронзовой эпохи, которое явилось «первым случаем нахождения в Абхазии комплекса могильного инвентаря, существовавшего бесспорно о наличии древних могильников в крае»⁵⁹. Аагстинское погребение было обследовано А. Л. Лукиным и опубликовано в одной из его работ⁶⁰.

В 1930 г. М. М. Иващенко обследовал несколько погребений, случайно обнаруженных в с. Нижняя Эшера⁶¹.

⁵⁵ Куфтин, *Материалы*, стр. 220.

⁵⁶ Сизов, *Восточное побережье*, стр. 173.

⁵⁷ Стражев, *Бронзовая культура*.

⁵⁸ Куфтин, *Материалы*, стр. 133.

⁵⁹ Трапш, *Памятники*, стр. 8.

⁶⁰ Лукин, *Материалы*.

⁶¹ Иващенко, *Исследования*.

В 1935 г. были обнаружены ценные клады с инвентарем колхидско-кобанского типа в Пицунде и Гагре. Богатый клад был обнаружен также в с. Бомборы Гудаутского района⁶².

Весьма ценные находки памятников бронзовой культуры колхидского типа в Абхазии сделаны в 40—50-х годах в с. Куланурхва Гудаутского района (М. М. Трапш) и в окрестностях Сухуми (М. М. Трапш, А. Н. Калададзе) — на горе Гуад-иху, пос. Красный Маяк, на Сухумской горе. Планомерные археологические раскопки, проведенные в этих районах, значительно обогатили наши представления о развитом бронзовом веке на территории Абхазии.

Памятники колхидской культуры, обнаруженные в Абхазии, представлены главным образомкладами и могильниками. Следов поселений той эпохи пока не обнаружено. Из абхазских кладов наиболее крупными являются: гагрский, пицундский, сухумский и лыхнинский. Во всех этих кладах представлены почти одни топоры, преимущественно хозяйственного назначения. Могильники бронзового периода обнаружены в селениях Эшера, Санапиро, Мгудзырхва, Бомбора, Куланурхва и т. д. В этих могильниках раскопано большое количество разнообразных бронзовых изделий — преимущественно оружия и украшений⁶³.

Наиболее характерными памятниками колхидско-кобанского культурного круга являются продолговатый секирообразный боевой и рабочий топоры (рис. VIII). Древнейшие прототипы этого топора обнаружены в Западной Грузии, главным образом в Абхазии — в Пицунде, Гагре, Гантиади и т. д.⁶⁴ Здесь же, в с. Тагелони, были найдены древние формы для изготовления их. Это говорит о том, что территория Абхазии является одним из районов, в которых несомненно происходило формирование рассматриваемой культуры.

Колхидские топоры при всем своем единообразии подразделяются на отдельные типовые варианты. П. Уварова различала шесть типов. В последнее время О. М. Джапаридзе предложил новую классификацию, положив в ее основу богатейшие коллекции бронзовых

⁶² Лукин, *Материалы*.

⁶³ Очерки, стр. 12—13.

⁶⁴ Археология Грузии, стр. 133.

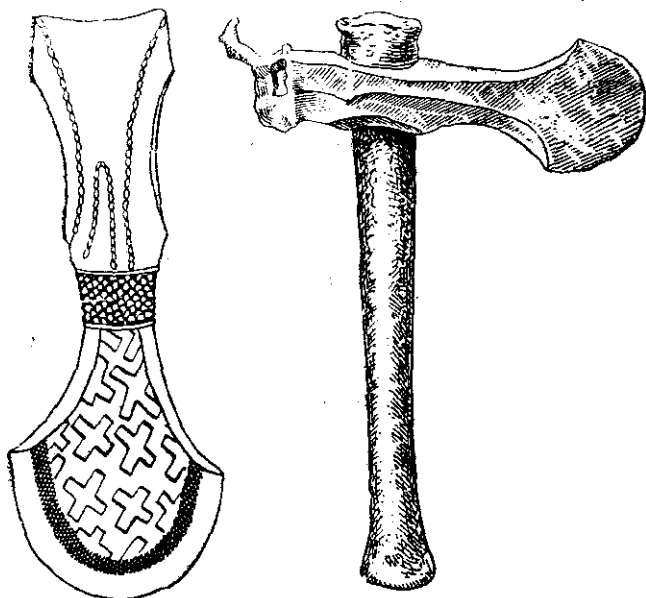

Рис. VIII. Топоры Колхидского типа (Гудаутский район)

топоров как Северного Кавказа, так и Закавказья. Вместо ранее принятых шести типов О. Джапаридзе выделил три и два подтипа. Он же попытался определить районы наибольшего распространения каждого типа.

Касаясь вопроса о назначении колхидско-кобанских топоров, О. М. Джапаридзе пишет: «В основном колхидский топор являлся боевым оружием, хотя встречаются и такие экземпляры, у которых лезвие не отточено и вообще нет следов употребления. Возможно, они употреблялись не для практических целей. Примечательно, что эти экземпляры особенно богато орнаментированы, и, быть может, мы не ошибемся, если сочтем их парадными или ритуальными предметами. Обязательно надо отметить, что во всех типах колхидского топора, кроме III типа, встречаются более грубые массивные экземпляры, на которых особенно заметны следы употребления. Такие топоры, очевидно, употреблялись в домашнем обиходе, а не в качестве боевых»⁶⁵.

⁶⁵ Джапаридзе, *Бронзовые топоры*, стр. 289.

Рукоятки топоров делались обычно из дерева, но в Абхазии обнаружены отдельные топоры, которые были насажены на бронзовую ручку (например, в Эшера). Некоторые экземпляры имели деревянные ручки, но они были обвиты бронзовой спиралью (с. Куланурхва).

Большинство топоров, обнаруженных в Абхазии, относятся к типу «б» и «г» узаровской классификации (например, в Куланурхвинском могильнике). По классификации О. Джанаридзе эти топоры относятся к типам I и II⁶⁶.

Одним из характерных предметов колхидского инвентаря являются бронзовые кинжальчики разнообразных типов. В Абхазии чаще всего встречаются узкоушковые равномерноуточенные желобистые клинки⁶⁷. Весьма характерен бронзовый кинжал с «антенной» рукоятью⁶⁸. К предметам вооружения следует отнести также наконечники копий. Из них в Абхазии наибольшее распространение получили копья с коротким и широкоперым наконечником и длинными втулками⁶⁹.

Из других бронзовых предметов, относящихся к колхидской культуре, следует указать на пояса, пряжки, фибулы (дугообразные булавки), прямые булавки, различные браслеты, кольца и др.

В большом количестве в погребальном инвентаре колхидско-кобанского периода представлены также фрагменты керамической посуды.

В колхидской культуре рассматриваемого периода намечается несколько локальных вариантов. Наиболее характерными являются чорохский, рача-лечхумский и абхазский. Каждый из них имел, по-видимому, свой производственный очаг⁷⁰.

Из перечисленных вариантов сравнительно лучше исследован пока абхазский. В результате его изучения устанавливается, что в Абхазии эпохи поздней бронзы «существовал своеобразный локальный вариант колхидской культуры. Наряду с общими характерными чертами колхидской культуры здесь выделяется также целый ряд

⁶⁶ Трапш, *Памятники*, стр. 29 и сл.

⁶⁷ Археология Грузии, стр. 134.

⁶⁸ Куфтин, *Материалы*, стр. 148, 158.

⁶⁹ Археология Грузии, стр. 135.

⁷⁰ Там же, стр. 142.

специфических форм как в оружии, так и, преимущественно, в украшениях»⁷¹.

Одной из характерных особенностей бронзовой культуры в Абхазии является полное отсутствие здесь таких земледельческих орудий, как мотыги, серпы, цалди⁷² и др., которые в большом количестве встречаются на территории Мегрелии и особенно в Чорохском районе. Почти не встречаются в Абхазии бронзовые топоры III типа. Характерны для края некоторые типы наконечников копий. Большими особенностями отличаются найденные в Абхазии различные предметы украшения — узкие пояса с изображением животных на пряжках, биконические бусы, полые налокотные кольца, конические колоколообразные бляхи и др.⁷³.

Начало железного века В период расцвета колхидской бронзы в Западной Грузии происходит быстрое проникновение в местное хозяйство разного рода изделий из железа. Колхидская культура, так же как и кобанская, «характеризует собой закат бронзового века... и зарю новой великой эпохи железа»⁷⁴.

Первыми памятниками этой эпохи в Абхазии и на Северном Кавказе являются некоторые бронзовые изделия (в частности, поясные бляхи), инкрустированные железом, которое, следовательно, появляется вначале в качестве драгоценного металла. Эти изделия хронологически относятся к рубежу XIV — XIII вв. до н. э.

Однако начало непрерывного развития железной металлургии, которое знаменует собой зарю железного века на данной территории, относится к XI столетию до н. э.⁷⁵ Это происходит после того, как становится известным способ получения губчатого железа в открытых горнах из железной руды, добытой в залежах.

Эпоха широкого освоения железа на территории Грузии хронологически подразделяется на три ступени: первая ступень датируется концом II тысячелетия — IX в. до н. э. К этому времени, в частности, относятся железные изделия (наконечники копий и др.), обнаруженные в одном из кувшинных погребений в Эшера. На

⁷¹ Там же, стр. 144.

⁷² Удлиненный топор с крюком в конце лезвия.

⁷³ Археология Грузии, стр. 144—146.

⁷⁴ Крупнов, Древняя история и культура Кабарды, стр. 112.

⁷⁵ Абрамишвили, К вопросу об освоении железа, стр. 375.

этой ступени уже широко известна термическая обработка железа и его закалка. На данном этапе железные орудия часто повторяли формы предшествующих бронзовых орудий. Вторая ступень относится к VIII — первой половине VII в. до н. э. На этой ступени значительно улучшается качество железных изделий, и повторение форм бронзовых прототипов имеет место уже редко. Этим периодом датируются различные железные изделия из ряда погребений позднекохридского времени в Абхазии (Куланурхва, Красный Маяк, Сухумская гора, Гуад-иху и др.). Третья ступень датируется VII—VI вв. до н. э. На этой ступени железо уже окончательно вытесняет из употребления бронзу. В VI в. до н. э. в Грузии происходит полное освоение железа ⁷⁶.

Металлургия железа на Кавказе, и в частности в Абхазии, имеет глубокие местные корни, о чем в первую очередь свидетельствует воспроизводство в железе ряда бронзовых орудий предшествующего времени. А. Л. Лукин по этому поводу пишет: «Преимущество металлургических производственных традиций III этапа (позднекохридского. — З. А.), сказывающегося в ранних железных изделиях Абхазии, свидетельствует об автохтонности освоения железа мастерами местных общин, носителями названных традиций, непрерывно вырабатывавшихся в течение длительного предшествующего времени» ⁷⁷.

Указывая на местные корни металлургии железа, нельзя вместе с тем отрицать проникновение на Кавказ железных изделий и соответствующих производственных навыков из культурных центров Передней Азии, «более правильно будет допустить сосуществование обоих явлений: занос некоторых типов железных изделий извне и воспроизводство в железе местных типов бронзовых изделий предшествующей эпохи» ⁷⁸. Однако превалировал, по-видимому, автохтонный процесс, как это видно хотя бы по материалам брильского могильника ⁷⁹.

⁷⁶ Там же, стр. 378—379. Следует, однако, отметить, что в Западной Грузии, как видно, культура железа утвердилась несколько позднее, чем в Восточной Грузии (см. Археология Грузии, стр. 212—213).

⁷⁷ Лукин, *Эшерская находка*, стр. 94.

⁷⁸ Крупнов, *Древняя история Сев. Кавказа*, стр. 325.

⁷⁹ Археология Грузии, стр. 192.

В VIII—VII вв железные изделия получают в Абхазии широкое применение (рис. IX). Уже в куланурхвинском могильнике позднеколхидского времени было обнаружено немало железных предметов. Среди них железные топоры типа секиры-молотка с проушиной овальной формы, которые по некоторым характерным чертам могут быть отнесены к колхидскому типу «б» по уваровской классификации. Такого же типа железный топор был обнаружен при раскопках красномаякского могильника в Сухуми⁸⁰. Топоры типа цалди, которые также берут начало от бронзовых прообразов, были найдены при раскопках на Сухумской горе⁸¹. Ножи различных форм (серповидные, с прямой или изогнутой спинкой) в значительном количестве были обнаружены и в некрополях Сухуми. Кинжал с заостренным концом, наконечники копий с листовидным пером и другие предметы встречаются при раскопках как в Абхазии, так и в других районах Западной Грузии⁸² (рис. X).

Таким образом, к концу первой половины I тысячелетия до н. э. железная металлургия прочно входит в

Рис. IX. Железный инвентарь из погребения на горе Гуад-иху (Сухуми):

1 — топор-молоток; 2 — втульчатый наконечник копья

⁸⁰ Трапш, *Памятники*, стр. 40—41.

⁸¹ Каландадзе, *Археологические памятники*, стр. 42—44.

⁸² Трапш, *Памятники*, стр. 43—47.

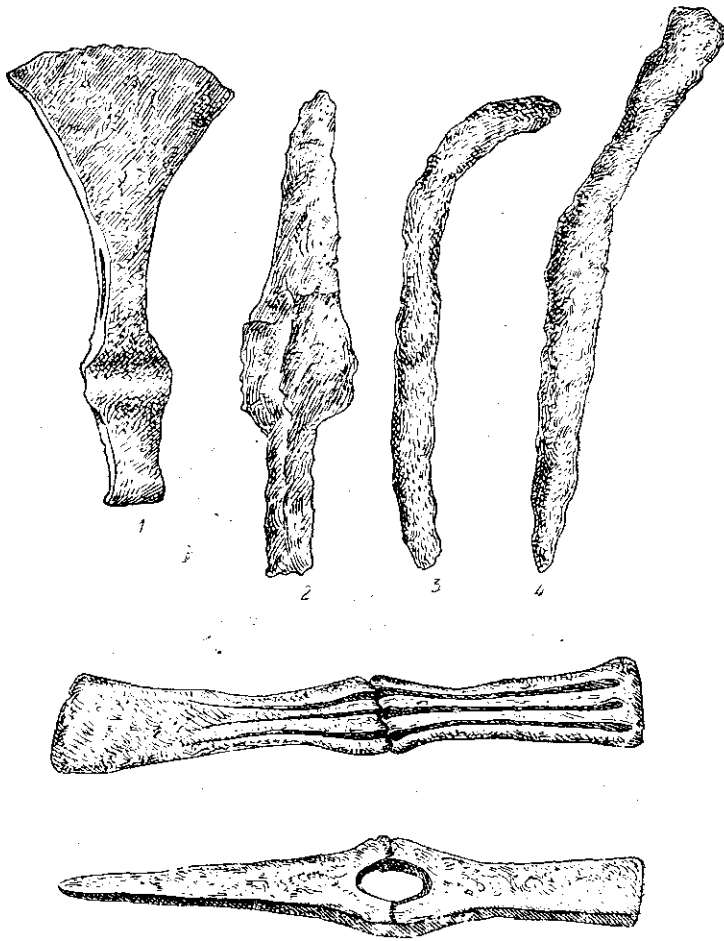

Рис. X. Железный инвентарь из раскопок в окрестностях Сухуми:
 1 — топор; 2 — наконечник копья; 3 — серповидный нож; 4 — нож-«кинжал»; 5 — топор с четырехгранным молотковидным обухом

материальный быт обитателей Абхазии. Это обстоятельство имело огромное значение для дальнейшего исторического развития местного населения. Как указывал Ф. Энгельс, железо—«важнейший из всех видов сырья,

игравших революционную роль в истории... Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях... Дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других, известных тогда металлов»⁸³.

Хозяйство В рассматриваемый период ведущую роль в хозяйственной жизни населения Абхазии играло скотоводство. Среди абхазских бронзовых памятников совершенно не встречаются земледельческие орудия (мотыга, серп и др.), которые были характерны для центральных и южных районов Колхиды. «Трудно пока сказать, чем было вызвано это обстоятельство, но возможно, что одну из причин составляла известная особенность хозяйства. Как видно, в этом районе основной отраслью хозяйства было пока еще скотоводство. Основанием для этого может послужить и то обстоятельство, что здесь сравнительно часто встречаются изображения животных и порой преимущественно на таких вещах, которые характерны для собственно абхазского варианта колхидской культуры (например, конусовидные украшения)»⁸⁴.

Вместе с тем обнаруженные в некоторых поселениях Абхазии времени колхидской бронзы (Красный Маяк, древние слои Гуад-иху и др.) каменные мотыги указывают на наличие земледелия. Но примитивный характер этих орудий сам по себе свидетельствует о второстепенной его роли на данной территории.

Уже во II тысячелетии до н. э. на Кавказе постепенно складывается тот тип скотоводства, который известен под названием отгонного, «кошевого» или «яйлажного», в основных чертах сохранившегося до наших дней⁸⁵. Он возник из простого пастушеского занятия скотоводством в результате значительного увеличения количества мелкого рогатого скота (в основном овец), для которого уже не хватало пастбищ вблизи основных поселений.

Характеризуя систему яйлажного скотоводства, Е. И. Крупнов пишет: «Отгон стад на пастбищные участки (летом в горы на альпийские луга, а зимой в степи) носит

⁸³ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи*, стр. 163.

⁸⁴ Археология Грузии, стр. 145.

⁸⁵ Крупнов, *Древняя история Сев. Кавказа*, стр. 307.

исключительно сезонный характер, осуществляется сравнительно небольшим числом пастухов (чабанов) и совершенно не вовлекает всю массу населения, которое живет оседло в горах или на равнине в определенных и постоянных пунктах»⁸⁶.

Этнографические данные свидетельствуют, что такой же характер издревле носило отгонное скотоводство и в Абхазии. Перегон скота с равнины на горные пастбища начинался тогда, когда весенние травы уже достаточно были потравлены или уже высохли, а в горах, на альпийских лугах, освобожденных от снежного покрова, появилась трава. По прибытии на место пастухи объединялись и составляли один коллектив под названием «агуп», во главе которого ставили самого опытного и авторитетного пастуха. После этого возводили хозяйственные постройки (шалаша, загоны для скота, хранилища молочной продукции и др.). Коллектив распался с наступлением холодной поры, когда пастухи направляли свои стада к зимникам⁸⁷.

Агуп обычно составлялся из близких родственников или односельчан, что несомненно являлось пережитком родового строя. Таким образом, агуп носил «некоторые черты общинных отношений..., которые в старое время еще более рельефно были выражены»⁸⁸.

В системе яйлажного скотоводства большую роль играла собака. Об этом свидетельствуют многочисленные ее изображения на бронзовых предметах. Этнографические данные также указывают на исключительную роль собаки в этом деле. Абхазы издревле вывели особую породу, которая известна под названием Ахьчала («пастушеская собака»).

Первые три века I тысячелетия до н. э.—один из важнейших периодов в истории Закавказья. «Это был период интенсивного развития территориально ограниченных культур горных племен, использовавших рудные богатства и горные пастбища»⁸⁹. В этот период на базе пастбищного скотоводства и металлургии горные районы значительно опережают в своем развитии равнинные и приморские области.

⁸⁶ Там же, стр. 304.

⁸⁷ Бжания, *Скотоводческое хозяйство*, стр. 113—116.

⁸⁸ Там же, стр. 119.

⁸⁹ Пиотровский, *Развитие скотоводства*, стр. 8.

Однако во второй четверти I тысячелетия до н. э. яйлажное скотоводство становится недостаточным. Для дальнейшего развития скотоводства необходимо было вновь перебазировать его на земледельческую базу равнины. Горные районы затухают и перестают быть ведущими. Наступает период вторичного подъема земледелия, которое постепенно вновь оттесняет скотоводство на второе место. Однако в тех районах Закавказья, где не было больших равнин и степей (например, в Абхазии), отгонное скотоводство сохраняет значительное место в хозяйственном быту местного населения⁹⁰.

С увеличением роли земледелия в рассматриваемый период возрастает значение лошади и быка как тягловой силы. Лошадь в Закавказье была приручена в конце II тысячелетия до н. э., а в I тысячелетии уже использовалась в качестве тягловой силы⁹¹. В Абхазии в этот период лошадь получает широкое распространение, о чем свидетельствуют обнаруженные здесь в значительном количестве бронзовые скульптурки этого животного. В это же время, надо полагать, вырабатывается древнеабхазский деревянный плуг с металлическим лемехом, вначале, очевидно, бронзовым, а затем железным⁹².

В хозяйственной жизни обитателей Абхазии рассматриваемого периода определенное место занимала охота. Об этом свидетельствуют, в частности, скульптурки различных диких зверей, также нередко встречающиеся среди бронзовых изделий. Но охота уже далеко не играла такой роли, как в предшествующую эпоху.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди бронзовых находок того времени чрезвычайно редко встречаются металлические наконечники стрел. Б. А. Куфтин по этому поводу пишет: «Мы встречаемся здесь... с чрезвычайно малым употреблением боевого лука, даже в горных частях центрального хребта при развитом охотничьем хозяйстве, очевидно осуществляемом путем ловчих приспособлений, организованных облав, собачьей травли»⁹³.

В прибрежных районах Абхазии рассматриваемой эпохи определенное место продолжало занимать и рыбо-

⁹⁰ Там же, стр. 15.

⁹¹ Крупнов, *Древняя история Сев. Кавказа*, стр. 309—310.

⁹² Читая, *К вопросу о происхождении*.

⁹³ Куфтин, *Материалы*, стр. 136.

ловство. На это указывает, например, факт обнаружения каменных грузил для сетей, а также скульптурные и графические изображения рыбы на некоторых бронзовых изделиях.

В эпоху колхидской бронзы важное значение в хозяйстве местного приморского населения имела добыча соли из морской воды. В ряде пунктов абхазского побережья (Очамчире, Сухуми, Нижняя Эшера, Новый Афон и др.) были обнаружены своеобразные следы соляного промысла⁹⁴.

Способ добывания соли заключался в следующем. Рассол морской воды наливался в небольшие четырехугольные глиняные сосуды, которые лепились в какой-то жесткой форме, а оттуда вынимались при помощи предварительно положенной туда ткани. Формой могла служить яма в земле или углубление в дереве. Соль вываривалась в этих сосудах сначала естественным путем, на солнце, а затем и искусственно (на огне). В последнем случае сосуды ставились на специально приготовленные столбики около 0,5 м длиной и до 3 см в диаметре. Несомненным отражением древнего способа добывания соли из морской воды является сохранившаяся в абхазском фольклоре старинная загадка — «рожденная водой, воспитанная солнцем; увидя свою мать, умирает» (соль).

Огромную роль в хозяйственной жизни населения играла металлургия, сначала бронзы, а затем железа.

Как отмечалось выше, металлургия меди и бронзы в Абхазии имеет, несомненно, местные корни. На территории Абхазии отмечено около 40 местонахождений медной руды и медного колчедана⁹⁵.

В этой связи большой интерес представляют обнаруженные на Сухумской горе остатки медеплавильного производства. Здесь во время раскопок были найдены прожженные комки глины и другие материалы, дающие возможность предполагать, что эти комки представляют собой остатки глиняной обмазки, покрывавшей небольшое сооружение в виде каменной выкладки, внутри которой постоянно горел сильный огонь. Обнаруженные же здесь крупные молоты, употреблявшиеся для раздробления руды, ступки и терки для размельчения руды или толчения приплавов, а также клады бронзовых вещей навели

⁹⁴ Соловьев, *Селища*.

⁹⁵ Семенов, *Полезные ископаемые*.

на мысль о существовании в данном месте медеплавильни
уже на рубеже II — I тысячелетия до н. э.⁹⁶.

По вопросу о характере медеплавильного производст-
ва на Сухумской горе А. Н. Каландадзе высказывает
предположение, что здесь сначала изготавливали медь
в слитках, а затем отливали из нее отдельные пред-
меты (топоры, долота, заступообразный инструмент
и др.)⁹⁷.

Интересно отметить, что в народной памяти сохрани-
лись предания о существовании в этих местах в далеком
прошлом кузнечного и вообще металлургического произ-
водства. Предание отмечает, что недалеко от Сухумской
горы, на правом берегу р. Баслы, была расположена свя-
щенная кузница — «аныха-паара».

Несомненный интерес представляет техника изготовле-
ния бронзовых изделий в специальных формах.
Е. И. Крупнов следующим образом описывает этот спо-
соб: «Формы были глиняные. Сама модель отливаемого
предмета делалась из воска. Модели не только украше-
ний, но иногда даже топоров украшали рельефным орна-
ментом из проволочных нитей или шнура; затем их обма-
зывали толстым слоем глины и обжигали. Воск вытекал
через оставленные отверстия, а шнурки, наложенные на
восковые модели, сгорали. Образовавшуюся в формах
пустоту заполняли расплавленным в глиняных же тиглях
металлом, который и принимал форму восковых изделий.
По изготовлении вещь отделяли дополнительно»⁹⁸.

В рассматриваемое время металлургия бронзы прини-
мает столь сложный характер, что это не могло не вы-
звать широкую производственную специализацию ме-
таллургов. Добыча руды, ее обработка, изготовление
форм, разнообразных топоров, мечей, кинжалов, наконеч-
ников копий, литые скульптурки и украшений и т. д. было,
несомненно, делом различных ремесленников-спе-
циалистов.

Значительный путь развития в период поздней брон-
зы прошло и керамическое производство.

Если в период средней бронзы глиняные изделия во
многом носят еще черты, унаследованные от энеолитиче-
ского времени (в частности, жгутовой способ изготовле-

⁹⁶ Каландадзе, *Археологические памятники*, стр. 58—67, 89—90.

⁹⁷ Там же, стр. 64—91

⁹⁸ Крупнов, *Древняя история и культура Кабарды*, стр. 85.

ния), то в дальнейшем, особенно в течение первой половины I тысячелетия, они становятся совершеннее, лучше сглажены, четче, к тесту иногда примешивается песок, изредка слюда. Сосуды приобретают более разнообразные формы — большие кувшины, миски, горшки для хранения пищи и т. д.

Характерная черта развития местной керамики заключалась в том, что она не знает резких смен керамических типов и дает пример последовательного местного развития, принимающего извне лишь отдельные детали и технические приемы⁹⁹.

Керамика, найденная в могильных комплексах позд-неколхидской бронзы, относится в основном к местному производству. Все обломки принадлежат сосудам, изготовленным из теста глины темновато-серого цвета с большой примесью песка. Обжиг их средний; как видно, он производился на открытых кострах и очагах. Слабый обжиг и небрежная отделка этой посуды объясняется, по-видимому, ее ритуальным назначением.

К концу рассматриваемого периода, приблизительно в VII—VI вв. до н. э., формовка посуды широко производилась уже на гончарном круге, что приводит к резкому повышению ее качества и увеличению разнообразия ее форм.

Описанные выше селища со своеобразной «текстильной» керамикой знакомят нас и с другим промыслом — ткачеством, игравшим большую роль в жизни местного населения. Отпечатки тканей хорошо видны на стенках сосудов, так как ее употребляли для формовки.

Наиболее древним селищем, в котором обнаружены остатки тканевой керамики, является Маджарское (близ Сухуми); оно относится к X—IX вв. до н. э. Более поздние селища (Очамчирское, Моквское и др.), датируемые VIII—VI вв., могут быть охарактеризованы как явные «промысловые» селища.

Л. Н. Соловьев, специально изучавший эти селища, приходит к следующему заключению: «Можно сказать, что ткачество у племен побережья достигло высокого совершенства еще ранее появления здесь эллинов, а также перешагнуло домашние рамки промысла. Судя

⁹⁹ Трапш, *Памятники*, стр. 272.

по отпечаткам, в богатом ассортименте гениохских тканей были изделия из шерсти и из льняной пряжи от грубого рядна до самого тонкого льняного «полотна»¹⁰⁰.

Систематический характер в рассматриваемую эпоху получил обмен, особенно между населением горных районов, с одной стороны, и равнинных и приморских районов — с другой. Это приводит к тому, что грани между локальными культурными областями все более и более стираются, постепенно происходит их нивелировка и уже более или менее однородная культура распространяется на достаточно широкой территории.

В этой связи надо напомнить, что памятники культуры на территории Абхазии, несмотря на своеобразие, входят в сферу колхидской (западногрузинской) культуры. Еще в 1934 г. М. Иващенко указывал, что абхазские бронзовые изделия стоят ближе к Западной Грузии, чем к Кобану¹⁰¹. Последующие открытия подтвердили данное положение. Это обстоятельство, несомненно, указывает также на главное направление исторических связей обитателей Абхазии.

Можно полагать, что Абхазия являлась одним из очагов, откуда бронзовые изделия вывозились в другие районы Западной Грузии. В частности, известное распространение получила, как видно, металлическая продукция, изготовлявшаяся в районе Сухуми¹⁰².

Вместе с тем памятники материальной культуры свидетельствуют об интенсивных связях Абхазии с центральной и северо-западной частями Северного Кавказа. А. Л. Лукин указывал, что «насыщенность территории Абхазии остатками материальной культуры говорит о длительном положении северо-западного клина Закавказья в роли непосредственного звена между Северным Кавказом и Западным Закавказьем»¹⁰³.

На основании инвентаря скифского типа, представленного в некоторых погребениях куланурхвиинского могильника, устанавливается, что население Абха-

¹⁰⁰ Соловьев, *Селища*, стр. 284—285.

¹⁰¹ Иващенко, *Исследование*, стр. 5.

¹⁰² Инадзе, *К вопросу о торговле*, стр. 86.

¹⁰³ Лукин, *Эшерская находка*, стр. 92.

зии имело реальные связи со скифами Кубани и Приднепровья¹⁰⁴.

Обитатели Абхазии той эпохи поддерживали торговые связи и с более отдаленными странами, особенно со странами Передней Азии. Обнаружение янтарных и сердоликовых бус в с. Куланурхва, оригинального бронзового щита-нагрудника в пос. Красный Маяк и пр. является красноречивым тому свидетельством.

Следует отметить, что обмен между отдельными племенами и общинами не всегда носил мирный характер. Нередко имело место насильственное изъятие ценностей в результате разбойничьих нападений. Как указывал Ф. Энгельс, «у варварского народа-завоевателя сама война еще является... формой сношений, которою занимаются тем усерднее, чем более прирост населения, при единственно возможном для них традиционном способе производства»¹⁰⁵.

К концу рассматриваемого периода торговля на территории Западной Грузии настолько усиливается, что, по мнению некоторых исследователей, здесь начинают входить в употребление отдельные предметы, которые играли роль всеобщего эквивалента при обмене. К таковым, возможно, относятся бронзовые сегментовидные орудия, приблизительно одинакового размера и веса, находящиеся в виде кладов в разных местах Западной Грузии. Подобный предмет был обнаружен и в районе Сухуми.

Позднее ту же функцию выполняли, по-видимому, стандартизированные слитки из золота и серебра. Эти слитки найдены, например, в Южной Абхазии (с. Чубу-рисхинджи)¹⁰⁶.

Таким образом, в позднебронзовую эпоху развитие внутренней и внешней торговли Западной Грузии достигло достаточно высокого для того времени уровня. Возникают даже условия для постепенного утверждения монетной системы и товарного производства¹⁰⁷. В этом отношении не составляла исключения и Абхазия.

¹⁰⁴ Трапш, *Памятники*, стр. 80—81.

¹⁰⁵ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, стр. 247.

¹⁰⁶ Инадзе, *К вопросу о торговле*, стр. 87.

¹⁰⁷ Там же, стр. 91

**Социальные
отношения**

Как было отмечено выше, со вступлением родового общества в патриархальную стадию начинается процесс разложения первобытнообщинного строя. Прогресс хозяйственной техники (плужное земледелие, успехи металлургии и пр.) приводит к тому, что совместный труд всех членов родового коллектива перестает быть необходимостью и постепенно создаются условия для перехода к индивидуальному хозяйству. Тем самым возникают условия для утверждения частной собственности на орудия и средства труда. Решающее значение в этом процессе имело превращение в объект частного владения земли, этого основного средства производства. «Частная земельная собственность уже вторгалась в нее (в родовую общину.— З. А.) в виде дома с его сельским двором, который может превратиться в крепость, откуда подготавливается наступление на общую землю»¹⁰⁸.

С течением времени отдельные патриархальные семьи, сохраняя пока еще немало социальных уз родового единства, все более и более объединяются не по родственному признаку, а по принципу территориально-соседства. Поэтому такое объединение называется территориальной, или соседской, общиной. Она, по словам К. Маркса, «будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой к вторичной формации, то есть переходной от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»¹⁰⁹.

Соседская община состоит преимущественно из отдельных семей и групп ближайше родственных семей, считающих себя представителями общего рода, но свою основную хозяйственную деятельность каждая семья осуществляет самостоятельно. Она же является собственником не только своей усадьбы, но и определенной части пахотных земель. В общинной собственности остаются пастбищные, сенокосные и лесные угодья. Поэтому соседская община носит двойственный характер; она как бы покоится на двух формах собственности: старой — общинной и новой — частной. В этом и выражается ее переходный характер от докалассового к классовому обществу, на который указывает К. Маркс.

¹⁰⁸ К. Маркс, *Черновые наброски*, стр. 695.

¹⁰⁹ Там же.

В эпоху патриархата структура рода в значительной степени усложняется. Из монолитного нерасчлененного коллектива, каким был род при матриархате, он превращается в сложный организм, состоящий прежде всего из различных родственных групп и ячеек.

Основной социальной единицей общества, как указывалось, становится патриархальная семейная община, в которой частнособственническое начало все более и более растет и укрепляется. Родственные семейные общины по-прежнему сохраняют между собой связи, образуя так называемую патронимию¹¹⁰. Родственные патронимии объединяются в более крупные единицы, среди которых важнейшей является патриархальный род. Объединения родов составляют племя.

Подобная структура патриархального рода хорошо отражена в этнографических пережитках абхазов, сохранявшихся до недавнего прошлого. Элементарную клетку общества составляла отдельная семья («атаацшва»); ближайшие родственные семьи объединялись в своеобразные патронимии, которые назывались «аби-пара» (досл. «сынство по отцу»); объединение патронимий составляло «братство» («аешьара»). Совокупность последних составляла патриархальный род в собственном смысле, именовавшийся «ажьвла» (букв. семья)¹¹¹. «Как общественная единица, ажьвла характеризовалась предполагаемым или реальным единством происхождения, экзогамностью, известной общностью территории, некоторых хозяйственных интересов и религиозной жизни, иногда наличием общесемейной тамги для клеймения своих животных, законом родовой мести, тостеприимства и взаимопомощи. Все члены ажьвла считались братьями»¹¹². Совокупность родственных и соседних патриархальных родов — ажьвла составляла племя, «народ» — «ажьвлар» (множ. число от «ажьвла» — букв. семена)¹¹³.

При сохранении на рассматриваемом этапе социального развития пережитков матриархата общество в целом носит ярко выраженные патриархальные черты: поселение супругов строго патрилокально, т. е. жена посе-

¹¹⁰ Косвен, *Очерки*, стр. 188.

¹¹¹ Инал-Ипа, *Абхазы*, стр. 267.

¹¹² Там же, стр. 268.

¹¹³ Там же, стр. 265.

ляется в доме мужа; устанавливается патрилинейный счет родства — дети принимают имя своих отцов. Изменяет форму и атальчество; теперь детей отдают на воспитание не в род матери, как это было на начальной стадии патриархата, а в чужие семьи.

Сложность социальной структуры патриархального общества на высшей стадии его развития находит свое выражение в том, что в нем постепенно складываются самостоятельные социальные группы, которые являются зародышами будущих общественных классов.

Прежде всего общество начинает распадаться на свободных и несвободных. Рабов, преимущественно из пленных, вначале немного, их труд и условия жизни носят пока патриархальный характер, являясь как бы дополнением к труду семьи. Но с течением времени рабовладельческий уклад растет и развивается, занимая все большее и большее место в общественном производстве.

Постепенно имущественное и социальное расслоение происходит и среди свободного населения. Из него выделяется родо-племенная верхушка в лице племенных старейшин, военных вождей и жрецов, которые подчиняют себе родовых общинников.

Обнаруженные во время раскопок в Абхазии богато орнаментированные бронзовые топоры, как полагают, представляли собой «регалии, символизирующие власть старейшин (племенного вождя)»¹¹⁴.

В этой связи представляет интерес одно погребение, раскопанное в Эшера. Судя по богатому и своеобразному инвентарю, «мы имеем дело с останками почетного старика, причем наличный состав символически осмысленных украшений, наряду с (парадным) кинжалом, позволяет считать погребенного лицом жречеству-ющим»¹¹⁵.

В отдельную производственную группу постепенно складываются и ремесленники, в первую очередь металлурги. Сложный процесс металлургического производства и большое разнообразие изготавливаемых предметов обусловили далеко зашедший процесс специализации в среде производителей-ремесленников¹¹⁶.

¹¹⁴ Фадеев, *К вопросу о генезисе*, стр. 73.

¹¹⁵ Лукин, *Эшерская находка*, стр. 159.

¹¹⁶ *Археология Грузии*, стр. 221.

Весь облик позднебронзового и раннежелезного инвентаря, обнаруженного на территории Абхазии, свидетельствует о далеко зашедшем процессе разложения патриархального рода. Так, например, Б. А. Куфтин следующим образом характеризует социальную значимость бомборского клада: «Самый состав предметов Бомборского клада, включающего в себя изображение мужского божества плодоносящей силы (которое оказывается здесь в сочетании с богиней-матерью), ритуальные фигурные подвески и золотые изделия, дает указание на определенные социальные черты: на господствующий в это время институт патриархальной семьи, жречество с богатым ритуальным инвентарем, на имущественное расслоение при возрастающей роли золота, на основе широких торговых сношений прибрежного населения»¹¹⁷.

К аналогичным выводам пришел исследователь куланурхвинского могильника М. М. Трапш. Он пишет: «...Этот некрополь принадлежал сравнительно небольшому поселку, где скорее всего могли проживать представители одного рода. Вскрытые погребения в могильнике говорят о том, что в интересующее нас время среди древнейшего населения этого района уже наблюдается заметное имущественное расслоение. Отдельные погребения отличаются значительным богатством своего инвентаря, говорящим о той ступени общественного развития, когда в родовом строе давали себя знать зародыши будущего социального неравенства (выделение родовой или племенной знати). Об этом свидетельствуют главным образом изящные бронзовые орнаментированные топоры и ряд других уникальных вещей из первого погребения куланурхвинского могильника, которые, по всей вероятности, были своего рода знаками отличия и символизировали власть старейшины рода или достойного жреца.

Возможно, что эти представители, так сказать, родовой «аристократии» хоронились вместе с их женами. Это наше предположение основывается на втором (женском) погребении, которое обнаружено непосредственно по соседству с первым.

О процессе выделения экономически господствующего слоя населения говорит, по-видимому, также и синхронное, по нашему мнению, с первым погребением куланур-

¹¹⁷ Куфтин, *Материалы*, стр. 253.

хвинского могильника августинское погребение из того же Гудаутского района»¹¹⁸.

Если экономическим базисом первобытного общества рассматриваемого периода были разлагающиеся патриархально-общинные отношения, то его основной политической надстройкой являлась так называемая «военная демократия». Это была наиболее развитая «организация управления» (Энгельс), на которую был способен патриархально-общинный строй. Характеризуя институт военной демократии, Ф. Энгельс пишет: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»¹¹⁹.

Именно в этот период стали принимать систематический характер военные столкновения между отдельными родами и племенами, а позднее и между большими союзами племен. Причиной этих войн явились богатства, накапливаемые отдельными племенами, вернее их верхушкой, на которые зарились соседние племена.

Нередко рост производительных сил отставал от прироста населения. «Излишнее» население либо изгонялось, либо само становилось на путь захватов и насилий.

В новых условиях быстрое развитие боевого оружия и вооружения всех боеспособных мужчин становится характерной чертой общественной жизни. Не случайно, что почти во всех мужских погребениях, раскопанных на территории Абхазии, находят боевое оружие — бронзовое или железное.

Пережитки типичной военной демократии сохранялись в общественном быту абхазов долгое время, вплоть до позднего средневековья. Важнейшие дела племени разрешались на общем «народном собрании» (ажьвлар-реизара—букв. собрание родов), в котором принимали участие все взрослые мужчины¹²⁰. На время военных походов община или племя выбирали себе военных вожаков — «апыза»; все мужчины были вооружены и обуча-

¹¹⁸ Трапш, *Памятники*, стр. 80.

¹¹⁹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи*, стр. 164.

¹²⁰ Инал-Ипа, *Абхазы*, стр. 271—275. Следует отметить, что в условиях классового общества институты «военно-демократического строя», разумеется, существенно меняют свое социальное содержание.

лись владению боевым оружием с отроческих лет; военная повинность лежала на каждом взрослом мужчине.

Приведенный материал свидетельствует, что на позднем этапе развития колхидской бронзовой культуры и в условиях утверждения металлургии железа значительная часть населения Абхазии стояла на той ступени общественного развития, которая явилась кануном образования классового общества. Вместе с тем необходимо отметить, что этот процесс развивался главным образом в приморской и предгорной частях страны, откуда и происходят в основном археологические материалы, рисующие нам описанную выше картину. Что касается горных районов края, то здесь родовые отношения еще в значительной степени сохраняли свою силу.

Культура Культура населения Абхазии в эпоху бронзового века достигла весьма высокого для того времени уровня. Об этом свидетельствуют разнообразные предметы украшения и одежда, в большом количестве обнаруженные во время археологических раскопок и разведок. В состав этого инвентаря входят скульптурные фигурки животных, браслеты, пронизи, бусы, фибулы, цепочки, серьги, привески, поясные пряжки, булавки и др.

Весьма интересные памятники искусства были обнаружены в кладе бронзовых изделий, найденном в Бомборах (Гудаутский район)¹²¹. Преобладающая часть бомборского комплекса состоит из разнообразных фигурок людей и животных (лошадей, собак, барана, козленка и пеликана).

Прежде всего обращает на себя внимание фигурка «винопийцы». Она представляет собой скульптурное изображение нагого мужчины, сидящего, спустив ноги, в особом кресле и обнявшего руками огромный ритон (питьевой рог), приложенный верхним краем к лицу. Тело человека трактовано примитивно: ноги беспомощно свисают с кресла, голова конусообразная, лицо вытянутое без дальнейшей моделировки носа, глаз и рта. Высота фигурки около 5,5 см¹²² (рис. XI).

Большой интерес представляет также «фигурка матери» — грубое изображение обнаженной женщины, в стоячей позе, с расставленными ногами и держащей на

¹²¹ Лукин, *Материалы*.

¹²² Куфтин, *Материалы*, стр. 238.

левой руке ребенка. Лицо совсем не вылеплено. Высота фигурки около 9 см¹²³.

Оригинальные скульптурные произведения были обнаружены во время раскопок куланурхвинского могильника. В одном из погребений найдена фигурка фантастического животного с открытой пастью и вытянутым языком. Животное изображено в сидячем положении с упором на левый бок и с поворотом головы вправо. Одна сторона фигурки плоская, а другая — кругло-моделированная. Животное имеет длинный хвост, изображенный в три изгиба. Изделие покрыто гравированным орнаментом (треугольный, елочный, насечки и пр.)¹²⁴.

О большом мастерстве говорит фигурка собаки, выполненная на обухе легкого бронзового топора. Животное изображено с опущенным хвостом, открытой пастью и направленными немного вперед стоячими ушами. Все части фигурки отличаются тщательным исполнением¹²⁵.

Классическим образчиком ювелирного искусства того времени является найденное в Эшера навершие в виде пластической протомы с изображением фантастического животного, олицетворявшего грозное божество. По словам А. Л. Лукина, «если бы потребовалось изобразить в форме животного грозную, громоподобно рычащую и беспощадную силу, то в данной скульптуре, являющейся в то же время ювелирным изделием, эта задача осуществлена»¹²⁶.

Яркое представление о художественном вкусе и мастерстве обитателей Абхазии рассматриваемого периода

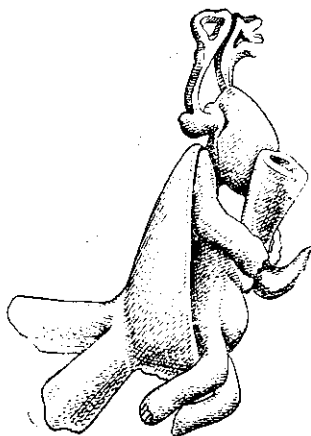

Рис. XI. Статуэтка «винопийцы» из Бомбор (первая половина I тысячелетия до н. э.)

¹²³ Там же, стр. 237, 240.

¹²⁴ Трапш, *Памятники*, стр. 58—59.

¹²⁵ Там же, стр. 29—30.

¹²⁶ Лукин, *Эшерская находка*, стр. 157.

могут дать образцы орнаментировки на некоторых бронзовых предметах.

В этой связи прежде всего обращает на себя внимание упомянутая выше скульптурная фигура фантастического животного, обнаруженная в куланурхвинском могильнике. В нижней части туловища, у основания хвоста, тонкой иглой изображен неправильной формы маленький круг, от которого отходят косые штрихи, ограниченные окружностью. Посередине туловища нанесены три пояса, из которых два украшены треугольниками, заполненными косою штриховкой, а третий — елочной дорожкой. Хвост, задняя нога и нижняя часть шеи также покрыты елочным орнаментом. На правом бедре парой врезных линий, помещенных вокруг выпуклости бедра, хорошо выражены мышцы. Вокруг носа сделаны насечки¹²⁷.

Интересен один топор колхидского типа, найденный в кувшинном погребении из Эшера¹²⁸. Он украшен гравированным орнаментом из широкого пояса, охватывающего наиболее суженную часть топора. Поясок состоит из двух пар сетчато заштрихованных лент, идущих по его краям, и средней полосы, заполненной кружковым узором. На каждой стороне лопасти топора дано изображение фантастического собаковидного существа, а на двух боковых гранях обуха изображены рыбы.

Об искусстве орнаментации, распространенном в ту эпоху, дают представление украшения глиняных сосудов. При раскопках куланурхвинского могильника установлено три вида орнаментации керамических изделий: геометрический, состоящий из ломаных врезных линий, ямочный — с коническим углублением и врезной — в виде елочки¹²⁹. Употреблялся в то время способ украшения сосудов штамповкой ряда треугольников¹³⁰.

Уникальным памятником искусства является оригинальный предмет, обнаруженный в виде фрагментов в кувшинном погребении из Эшера. Данный предмет представлял собой, по-видимому, часть культового облачения

¹²⁷ Трапш, *Памятники*, стр. 58—59.

¹²⁸ Куфтин, *Материалы*, стр. 192—193.

¹²⁹ Трапш, *Памятники*, стр. 28—29.

¹³⁰ Соловьев, *Селища*, стр. 272.

в виде нагрудника, воротника или наплечника, выкроенного из бронзового листа в форме соединенных вместе двух змеиных протомов, как бы вырастающих из общего тела. Эти симметрично расположенные змеевидные выступы ограничивают полукруглое пространство около 19 см в диаметре. Края предмета орнаментированы со всех сторон пунктирной линией из выбитых точек. В средней части его размещены три крупные выпуклости, выдавленные четырьмя концентрическими уступами. Вдоль каждого змеевидного выступа выбито с изнанки толстой пунктирной линией и очерчено с лица тонким пунктиром извивающееся тело змеи, с типичной стреловидной или копьевидной головкой¹³¹.

Замечательной находкой является металлический щит-нагрудник иноземного происхождения, обнаруженный в одном из погребений пос. Красный Маяк на западной окраине Сухуми¹³². Щит представляет собой бронзовую пластину тончайшей работы, на которой изображен гриф с распростертыми крыльями и распушенным хвостом. Художественный стиль, в котором выполнен гриф, относится к древнеассирийскому искусству, что, очевидно, указывает на его происхождение.

К произведениям искусства следует отнести также своеобразные бронзовые пряжки, обнаруженные в разных пунктах Абхазии (Куланурхва, Эшера, Мгудзырхва). Они изготовлены из литой бронзы и украшены скульптурной головкой животного (овцы, быка и др.) с острыми поднятыми вверх ушами и на длинной крючковидной шее. Эти головки имеют большое сходство с головками животных на ручках лечхумских бронзовых сосудов из Западной Грузии¹³³.

Интерес представляют также литые поясные пряжки, принадлежащие узкому бронзовому поясу, который вставлялся концом в продольный расщеп пряжки и прочно заклепывался к ней. Подобные пряжки, представляющие собой местную особенность абхазской бронзы, были найдены в Эшера (в могильнике и дольменах) и в Агстинском погребении¹³⁴.

¹³¹ Куфтин, *Материалы*, стр. 164—166.

¹³² Трапш, *Археологические раскопки*, стр. 198—199.

¹³³ Трапш, *Памятники*, стр. 74—75.

¹³⁴ Куфтин, *Материалы*, стр. 229.

Следует отметить и оригинальные очкообразные поясные пряжки, обнаруженные в Приморском, Яштухе и Эшера ¹³⁵.

Весьма распространенным и разнообразным по своему типу украшением были браслеты. Например, в Куланурхвинском могильнике они найдены семи различных типов ¹³⁶: широкие пластинчатые браслеты цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами. По мнению М. Трапша, их можно рассматривать не только как украшения, но и как оборонительное оружие, служившее для защиты рук от удара боевого топора. Браслет аналогичной формы имеется и среди бронзовых предметов Эшерского могильника, но в других пунктах Кавказа они до сих пор неизвестны. Поэтому данные браслеты можно отнести к местной особенности позднейшего периода колхидской бронзы на территории Абхазии ¹³⁷; короткие желобчатые браслеты с двухскатной наружной поверхностью; фигурный браслет, состоящий из центральной двухлопастной широкой пластинки, от средней части которой в противоположные стороны отходят два желобчатых ребра, которые, сходясь между собой, образуют расширенные концы. Аналогии этому типу в собраниях колхидско-кобанской бронзы неизвестны; массивный бронзовый браслет с глубокими наружными разрезами, концы браслета у переднего разреза заканчиваются маленькими выступами, сходящимися своими концами. Такие браслеты обнаружены в различных пунктах Закавказья и в кобанском могильнике на Северном Кавказе; замкнутый браслет с восьмью наружными выступами. Аналогии ему имеются в некоторых могильниках Армении; браслет, состоящий из круглого прута, с широко разведенными, овально расплюснутыми концами; пластинчатый браслет с суженными и свернутыми в спираль концами, типичный для кобанского варианта колхидско-кобанской бронзы. Сильно суживаясь с обоих концов, пластинка переходит в спиральные линейные насечки. Слегка выделяющиеся ребра браслета делят пластинку по длине на два равных продольных желобка. Внутренняя поверхность браслета гладкая, с очень легкой

¹³⁵ Там же, стр. 75.

¹³⁶ Трапш, *Памятники*, стр. 62—65.

¹³⁷ Там же, стр. 62.

общей выпуклостью, предотвращающей врезание его краев при ношении. Такие же браслеты были найдены в Бомборах и в могильнике Брили (Западная Грузия).

Другую группу предметов украшения из куланурхвинского могильника составляли бронзовые конические пронизи¹³⁸ (высотой от 1,2 до 2,4 см и в диаметре от 1,9 до 2,4 см у основания) с крепкой дугообразной петлей внутри. Подобные пронизи были обнаружены и в других местах Абхазии (Мгудзырхва, Эшера), а также в Армении, близ горы Арарат.

Фибулы (застежки) в куланурхвинском могильнике представлены бронзовыми и железными экземплярами¹³⁹. Бронзовые дугообразные фибулы, с цепочками из того же металла, однотипны, без орнамента, с пластинчатой крытой дужкой. Аналогичные по форме дуги фибулы известны в других пунктах Абхазии (Абгархук) и на Северном Кавказе. Дугообразные фибулы весьма характерны для северной части Колхиды¹⁴⁰.

Железные фибулы — круглопроволочные; одна из них миниатюрная, с плавно опускающейся дужкой, имеет бронзовую цепочку. Вторая — с уширенным пластинчатым концом. Эта фибула по сравнению с предыдущими отличается менее крутой дужкой.

Бронзовые цепочки из Куланурхвы сделаны из круглой и желобчатой кантованной проволоки¹⁴¹. Одна из них состоит из овальных звеньев, сделанных из круглой проволоки диаметром 1 мм. Другая цепочка с овальными звеньями из желобчатой пластинки имеет на обоих концах характерные очкообразные привески, получившие широкое распространение на Кавказе.

Весьма многочисленную часть инвентаря погребений той эпохи составляют бусы. Так, в куланурхвинском могильнике обнаружены в большом количестве бусы из бронзы, стекла и пасты. Найдены также сердоликовые бусы и в небольшом числе бусы из янтаря¹⁴².

Сердоликовые бусы имеют обычно шаровидную форму с двухсторонне сверленным цилиндрическим кана-

¹³⁸ Там же, стр. 65—66.

¹³⁹ Там же, стр. 66—67.

¹⁴⁰ Куфтин, *Материалы*, стр. 136.

¹⁴¹ Трапш, *Памятники*, стр. 67—68.

¹⁴² Там же, стр. 69—74.

лом. Все они красно-бурого цвета и хорошо отполированы.

Стеклянные бусы также имеют шаровидную форму и характеризуются двумя цветами — золотистым и мутно-зеленоватым. Следует отметить, что на территории Грузии стеклянные бусы в погребальном инвентаре колхидско-кобанской бронзы встречаются редко. В Абхазии они найдены лишь в Бомборах.

Пастовые бусы имеют биконическую форму, изготовлены на основе желтой или сероватой глины. На территории Закавказья эти бусы характерны для эпохи интенсивного освоения железа (VII—VI вв. до н. э.).

Бронзовые бусы, найденные в куланурхвинском могильнике, по своей форме принадлежат к двум типам — биконическому и в виде колечек. Биконические бусы типологически близки к крупным бронзовым биконическим бусам, обнаруженным в аагстинском погребении и эшерском могильнике.

Б. А. Куфтин отмечает, что биконические бронзовые бусы чаще всего встречаются в Абхазии, где они «достигают особенно развитых форм и имеют глубокую местную традицию»¹⁴³.

Большой интерес представляют также колоколообразные конические украшения с петлей внутри и фигуркой животного на вершине (в одном случае баран, в другом — собака, птица и т. д.). Иногда на верхушку украшения насажена не целая фигурка животного, а отдельные головки, причем парные, как бы вырастающие из вершины конусов.

Условно такие украшения называют поясными бляхами, но подлинная функция их пока не установлена¹⁴⁴. Возможно, что они тоже представляли собой ритуальные принадлежности. Встречаются только в Абхазии (Аагста, Эшера).

Характерным украшением были нашейные гривны, представляющие собой литую, круглую в сечении, бронзовую дугу 12—13 мм в диаметре. Концы гривны расплющены путем ковки и симметрично закручены наружу в двойные цилиндрические завитки¹⁴⁵. Кроме Абхазии

¹⁴³ Куфтин, *Урартский «колумбарий»*, стр. 49.

¹⁴⁴ Лукин, *Эшерская находка*, стр. 144.

¹⁴⁵ Лукин, *Материалы*, стр. 51.

(Приморское, Эшера и др.) они известны также на Северном Кавказе.

Оригинальны массивные бронзовые кольца — полые, литые, гладкие, без рисунка. Это женские ножные браслеты, которые надевались попарно на каждую ногу; они также являются местной особенностью абхазской бронзы¹⁴⁶.

Следует отметить также найденное в Эшера весьма своеобразное украшение, представленное двумя сложными четырехърусными привесками, состоящими из девяти звеньев. Одна привеска заканчивалась перевернутыми головчатыми конусами, другая — миниатюрными птичками с распростертыми крыльями¹⁴⁷.

В эпоху разложения первобытнообщинного строя на новую ступень поднимается также духовная культура и идеология общества. В частности, в этот период возникают своеобразные героические сказания и легенды, в которых получает яркое отражение борьба народных масс за дальнейшее покорение сил природы, против внешних врагов, зарождающегося социального неравенства и т. д.

В этой связи исключительный интерес представляет собой легенда о великом герое Абрскиле (абхазском Прометее), распространенная в народе в нескольких вариантах. В них Абрскил фигурирует как борец за родную Абхазию, носитель добра и справедливости, непримиримый богоборец¹⁴⁸.

Абрскил не ладил с угнетателями и злыми людьми, не хотел покоряться даже богу. За это он навлек на себя его гнев и был заточен в глубокую Члоускую пещеру, где его приковали к железному столбу. Как повествует легенда, Абрскил непрерывно раскачивает столб и уже готов вытащить его, но в этот момент какая-то неведомая птичка садится на столб; Абрскил гневно замахиивается на нее тяжелым молотом, но птичка улетает, а от удара молотом столб еще глубже входит в землю. И это повторяется всякий раз... Тем не менее Абрскил не сдавался и навсегда сохранил неприязнь к богам, ненависть к угнетателям и великую любовь к народу.

Легенды о прикованном к скале или заключенном в пещеру герое в различных вариантах широко распростра-

¹⁴⁶ Куфтин, *Материалы*, стр. 151.

¹⁴⁷ Лукин, *Эшерская находка*, стр. 154—155, 175—176.

¹⁴⁸ Бгажба, *Об абхазском героическом эпосе*, стр. 234—236.

нены на Кавказе. У грузин — это Амиран, у армян — Мхер, у кабардинцев — Насрен, прикованный к вершине горы Ошхомах (Эльбрус).

Академик Н. Я. Марр относил легенду об Амيرانе-Абрскиле к древнейшим кавказским сказаниям о «солнце-герое» и считал возможным сопоставить имя Амირани с абхазским словом «амра», или «амыр», — «солнце»¹⁴⁹. Имя Абрскил, может быть, означает «сын солнца» (от абх. «амра» и мегр. «скили-скуа» — «сын»). Несомненно, однако, что эта легенда отражает упорную борьбу людей с мощными силами природы, а в своих более поздних наслоениях — и борьбу против социального неравенства¹⁵⁰.

Выдающееся место в абхазском фольклоре занимают предания о нартах — богатырях-героях. Эти сказания бытуют среди многих народов Кавказа, но особенно широко распространены у адыгейцев, кабардинцев, осетин и абхазов. При наличии ряда общих мотивов и персонажей нартовый эпос каждой кавказской народности имеет свои порой весьма существенные особенности. В частности, абхазский вариант, являясь органической частью общекавказского эпоса о нартах, отличается вместе с тем большим своеобразием и имеет поэтому вполне самостоятельное значение¹⁵¹.

Исторический анализ нартовых сказаний приводит к несомненному заключению, что в нем наиболее полно и ярко отражена эпоха разложения патриархально-общинных отношений и расцвета «военной демократии», т. е. период, который в культурном отношении характеризуется завершением бронзового века и утверждением металлургии железа¹⁵².

На Кавказе, и в частности в Абхазии, этот период датируется приблизительно VIII—VI вв. до н. э. Образ Сатаней-Гуаши, одной из главных героинь эпоса, наделенный яркими патриархальными чертами, отражает лишь пережиточные явления, бытовавшие в позднепатриархальном обществе. Наслоения более поздних времен, которых, кстати, в абхазских сказаниях, отличающихся особенной архаичностью, не так уж много, не могут поколе-

¹⁴⁹ Марр, *Кавказоведение*, стр. 22.

¹⁵⁰ Инал-Ипа, *Абхазы*, стр. 269.

¹⁵¹ Инал-Ипа, *Доклад*, стр. 91.

¹⁵² Крупнов, *Древняя история Сев. Кавказа*, стр. 373.

бать вывода о появлении основной части эпоса в эпоху «военной демократии». Не случайно, что война играет огромную роль в жизни нартов.

В абхазском нартском эпосе весьма примечательны рассказы о Сатаней-Гуаше — родоначальнице нартов, ее сыне Сасрыкве, Гунде Прекрасной — сестре нартов, Цвицве — младшем брате нартов, Уахсите — сыне Нарт-Сита и др.

Особенно много преданий о победоносном богатыре Сасрыкве, который борется с чудовищами и совершает ряд других подвигов. Сасрыква наделен чертами так называемого «культурного героя»: согласно эпосу, он дал людям огонь, полезные растения, приручил животных и т. п.¹⁵³

Большое место в эпосе занимают легенды о чудесном кузнеце Айнар-Ижий.

Интерес представляет также героическая песня о Пшкяч-ипа Манче и Баалоу-пха Мадине, которая рисует борьбу народов с иноземными завоевателями, называемыми в песне «апстыр»¹⁵⁴. В основе ее лежит какое-то историческое событие, глубоко запечатлевшееся в народной памяти, хотя и затушеванное с течением времени позднейшими наслоениями.

Сражаясь с напавшими на его страну врагами, Манча, не жалея жизни, самоотверженно защищает родину. После того как он героически погибает в этой борьбе, его возлюбленная — красавица Мадина, переодевшись в мужское платье, появляется на поле битвы. Появление Мадины вливает новые силы в ее соотечественников, и разбитый враг отступает.

Абхазские героические сказания, как и легенда об Абрскиле, бытуют в народе в прозаической форме, но некоторые сказания встречаются и в виде эпических песен.

О религиозных верованиях рассматриваемой эпохи конкретное представление дают разнообразные бронзовые предметы ритуального назначения и графические изображения культового характера. Весь этот материал «до известной степени позволяет проникнуть в древнее мировоззрение, отголоски которого сохраняются в ска-

¹⁵³ Инал-Ипа, *Абхазы*, стр. 379.

¹⁵⁴ Бгажба, *Об абхазском героическом эпосе*, стр. 241—242.

зочных мотивах и обрядовых пережитках у мегрелов, сванов и абхазов»¹⁵⁵.

Прежде всего обращает на себя внимание описанная выше женская скульптурка с ребенком на левой руке, обнаруженная среди предметов бомборского клада. Как видно, статуэтка символизирует великую богиню-мать, олицетворяющую плодородие. Культ богини-матери сохранялся в патриархальном обществе в виде пережитка религиозных верований эпохи матриархата. По словам Б. А. Куфтина, «мотив богини-матери вовсе не был чужд родовым обществам горного Кавказа даже в эпоху их значительного разложения, хотя мужской аспект божества плодородия и кажется здесь более обычным»¹⁵⁶. Фигурка нагого «винопийцы», обнаруженная в том же клада, представляет собой, как полагают, символическое изображение божества луны, покровителя мужчин¹⁵⁷.

По-прежнему широкое распространение имели тотемические воззрения, выражавшиеся в поклонении различным домашним и диким животным. В этой связи следует вспомнить бронзовую скульптурную фигуру фантастического животного из куланурхвинского могильника. По некоторым характерным деталям (открытая пасть, голова с толстой мордой, длинный хвост, ноги и т. д.) эта фигура имеет близкое сходство с образом описанного выше фантастического хищника, часто встречающегося в орнаментах и рисунках на топорах, пряжках и других предметах колхидско-кобанской бронзы. По мнению М. М. Трапша, данная фигура имела не чисто декоративное, а тотемическое значение¹⁵⁸.

Интерес представляет собой также зооморфное изображение на пластической протоме эшерского навершия. А. Л. Лукин считает, что это «изображение зооморфного божества грома, могущественнейшего и виднейшего божества в пантеоне племен, населявших центральный и юго-западный Кавказ в медно-бронзовый период, в том числе и у абхазов, у которых это божество не забыто и поныне»¹⁵⁹.

¹⁵⁵ Куфтин, *Материалы*, стр. 192.

¹⁵⁶ Там же, стр. 253.

¹⁵⁷ Лукин, *Материалы*, стр. 68.

¹⁵⁸ Трапш, *Памятники*, стр. 59.

¹⁵⁹ Лукин, *Эшерская находка*, стр. 156.

Религиозные мотивы отражены и на ритуальных бронзовых топорах. Например, изображение собаководного фантастического существа («драконо-волк») и рыбы на топоре из эшерского кувшинного оссуария. Это изображение, как видно, олицетворяет «нижнее небо», преисподнюю, увязываемую, по религиозным представлениям того времени, с водной стихией. В данном случае принадлежность изображенного существа к нижнему небу подчеркивается помещенными на обушной части топора изображениями рыб, являющимися показателем природной стихии, к которой относится главное изображение. При этом последнее приобретает черты, подчеркивающие его водную природу: лапки трактованы как плавники, совершенно подобные хвосту изображенных здесь рыб¹⁶⁰.

Обнаружение большого количества бронзовых фигурок овцы и козы в виде привесок свидетельствует о существовании в то время культа барана. Такая связь барана с культом обычно наблюдается у народов, занимающихся исключительно или по преимуществу овцеводством¹⁶¹. Большой интерес в этой связи представляет найденный в Абгархуке особый предмет ритуального назначения, представляющий собой длинную (ок. 11 см), слегка изогнутую, с крючком для подвешивания бронзовую фигурную лопаточку, со стоящей на ней фигуркой всадника (размером 6×3 см), украшенную по боковым краям шестью бараньими головками с кольцевыми ошейниками, к которым подвешены на петлях бронзовые колокольчики¹⁶². Этот уникальный предмет, несомненно, имеет прямую связь с культом барана.

С овцеводческим культом связан и комплекс предметов знаменитого бомборского клада. По мнению Б. А. Куфтина, «своим составом (собака, вероятно, пастушеская и мелкий рогатый скот) этот комплекс имеет отношение к овцеводческому хозяйству и к соответствующему производственному культу, пережиточно живущему и до сих пор у абхазов в почитании Алышкинтра — собачьего божества и Джабран — богини (прародительницы) коз и овец, главнейших домовых представителей

¹⁶⁰ Куфтин, *Материалы*, стр. 193.

¹⁶¹ Крупнов, *Древняя история и культура Кабарды*, стр. 103.

¹⁶² Куфтин, *Материалы*, стр. 243—245.

«великого бога обновления природы, размножения и, особенно, скотоводства», именно Айтара»¹⁶³.

Культовое назначение, по всей вероятности, имели и скульптурные изображения лошади, которые также встречаются в значительном количестве. Характерно, что среди бронзовых фигурок бомборского клада, общее число которых превышает 25, изображение лошади составляет более половины (15 фигурок)¹⁶⁴.

Религиозную значимость имели также часто встречающиеся изображения птиц. Эти изображения в изделиях колхидско-кобанской культуры символизируют спутников божеств, порученцев, крылатых существ, которые осуществляют связь богов с людьми¹⁶⁵. Характерна в этом отношении упомянутая выше четырехъярусная привеска с миниатюрными птичками, найденная в Эшера.

Широкое распространение в ту эпоху имел культ змеи, изображение которой часто встречается на ритуальных предметах. Так, примечательны две змеи на описанном выше бронзовом культовом облачении из Эшера. В данной связи следует отметить, что еще в недавнем прошлом змея занимала важное место в системе пережитков древних языческих культов в религиозных воззрениях абхазов¹⁶⁶.

Большое значение обитатели Абхазии той эпохи придавали всевозможным амулетам и талисманам, которые, по их представлениям, должны были обеспечить успех в жизни и оградить от всяких несчастий. Именно таковую роль, надо полагать, играли многочисленные ритуальные привески и некоторые другие предметы, обнаруженные среди памятников той эпохи. Обычай использования различных талисманов пережиточно сохранялся у абхазов вплоть до недавнего времени¹⁶⁷.

Наличие сложной системы высокоразвитого для того времени религиозного культа обусловило появление особой касты отправителей этого культа — жрецов. О наличии этой прослойки свидетельствует раскопанное в Эшера погребение жреца, относящееся к той эпохе. Среди богатого культового инвентаря могилы обращает на себя

¹⁶³ Там же, стр. 237—238.

¹⁶⁴ Лукин, *Материалы*, стр. 62—63.

¹⁶⁵ Лукин, *Эшерская находка*, стр. 160.

¹⁶⁶ Чурсин, *Материалы*, стр. 146—147.

¹⁶⁷ Там же, стр. 117—118.

внимание наверхие булавы из литой бронзы, служившее, по-видимому, символическим знаком общественного положения погребенного¹⁶⁸.

Основы патриархальных религиозных воззрений местного общества, заложенные в рассматриваемую эпоху, нежиточно бытовали у абхазского народа в течение длительного времени.

Происхождение древнеабхазских племен

Проблема этногенеза является одним из самых сложных вопросов исторической науки. К решению этой проблемы должны быть привлечены разнообразные материалы, добытые специалистами ряда научных дисциплин — историками, языковедами, этнографами, археологами, антропологами, фольклористами и др.

Вопрос о раннем этногенезе абхазского народа не раз ставился в специальной литературе. Одной из распространенных в прошлом теорий, происхождения абхазов являлась так называемая эфиопско-египетская теория, по которой древние колхи и вместе с ними предки абхазов переселились на Кавказ из Северо-Восточной Африки (Нибур, П. Услар, Д. Гулиа и др.).

Другая теория выводит абхазов с Северного Кавказа. Причем, по мнению одних авторов, это якобы произошло еще в античную эпоху (А. Сванидзе и др.), а по мнению других — лишь в период позднего средневековья (А. Дьячков-Тарасов, П. Ингорква и др.).

Третья миграционная теория происхождения абхазов выводит их предков из Малой Азии и непосредственно прилегающих к ней районов Юго-Западного Закавказья (А. Глейе, Н. Я. Марр и др.).

Своеобразную гипотезу о происхождении абхазов выдвинул И. А. Джавахишвили. Он считал, что в далеком прошлом абхазы вместе с адыгами пришли с юга (в частности из Малой Азии) в Западное Закавказье, а оттуда переселились на Северный Кавказ. Лишь в первых веках н. э. предки абхазов снова вернулись в Закавказье и заняли территорию современной Абхазии.

¹⁶⁸ Лукин, *Эшеоская находка*, стр. 152.

В изложенных выше теориях конкретно-исторический вопрос о происхождении абхазского народа по сути дела подменялся поисками его прародины и почти не ставился вопрос о причинах его выселения оттуда. Не решался также вопрос об этническом слиянии пришельцев с аборигенным населением Западного Закавказья. Однако следует отметить, что малоазийская теория происхождения абхазов, как будет показано ниже, имеет определенные рациональные элементы¹⁶⁹.

Против теории миграции высказался ряд ученых, которые настаивали на автохтонности абхазского народа (А. В. Фадеев, Б. А. Куфтин, Л. И. Лавров и др.). Однако, правильно выступая против преувеличения миграционного фактора, эти исследователи сами допустили недооценку данного фактора в вопросе происхождения абхазов.

Касаясь конкретно вопроса о происхождении древнеабхазских племен, надо с самого же начала подчеркнуть, что пока мы еще не располагаем источниками, необходимыми для всестороннего и окончательного разрешения этой сложной проблемы. Тем не менее уже собранные на сегодняшний день материалы позволяют, как нам кажется, наметить основные направления, которые в дальнейшем должны будут привести к его разрешению.

Главные положения изложенной ниже гипотезы о происхождении древнеабхазской этнической общности сводятся к следующему.

Абхазский этнос сложился на черноморском побережье Кавказа (в том числе и на территории нынешней Абхазии) в результате длительного процесса этнической консолидации древнего аборигенного населения края с пришлыми из северо-восточных районов Малой Азии племенами, явившимися носителями «языка-победителя». Ведущая роль пришлых элементов в процессе этногенеза древних абхазов была обусловлена их большей этнической устойчивостью и, в частности, более высокой культурой.

¹⁶⁹ В последнее время Л. Н. Соловьев попытался подкрепить теорию малоазийского происхождения основного компонента абхазо-адыгского этнического массива археологическим материалом (Соловьев, *Новый памятник*).

По времени начало этого процесса следует отнести не позднее конца III тысячелетия до н. э., а завершение — к векам, непосредственно предшествующим античной эпохе. В это время складываются в основном устойчивые древнеабхазские племена, последующая консолидация которых привела (уже в раннефеодальную эпоху) к образованию единой абхазской народности.

Критикуя зарубежные буржуазные теории происхождения кавказских народов, Г. С. Читая справедливо указывал, что эти теории «подменяют вопрос о происхождении вопросом о прародине, причем, если найдено место переселения, вопрос считается исчерпанным, а вопрос об автохтонности любого из этих народов заранее исключается»¹⁷⁰.

В противовес таким теориям, рассматривающим этнос как исторически неизменяемую категорию, советская этногенетическая наука при решении вопроса о происхождении того или иного народа строго придерживается принципов научного историзма. Исходя из этих принципов, мы должны в первую очередь искать этнические корни данного народа именно на той территории, которую он занимает (не упуская при этом и возможность наличия миграционных процессов).

В этом отношении археологические изыскания на территории Абхазии дали уже значительные результаты. Как известно, Абхазия принадлежит к тем частям нашей страны, где ранее всего появляется человеческое общество.

Приведенные в предшествующих главах сведения об археологических памятниках Абхазии, начиная от нижнего палеолита до энеолита включительно (т. е. до того времени, когда вероятнее всего могло произойти переселение на Западный Кавказ индоевропейской массы из Малой Азии), со всей очевидностью свидетельствуют, что Абхазия была непрерывно заселена человеком в течение всего этого времени. Потомки аборигенного населения, создавшего эти памятники на протяжении длительных исторических эпох, являлись одним из составных этнических компонентов впоследствии сложившегося абхазского этноса, в силу чего они также должны быть

¹⁷⁰ Читая, *О задачах*, стр. 376—377.

отнесены к числу далеких предков абхазского народа. Этническая принадлежность древних аборигенов не поддается определению, но не исключено, что они были родственны пришельцам.

Другое важное обстоятельство, которое необходимо учитывать при решении вопроса о происхождении абхазов, является их генетическое родство с иберо-кавказской («яфетической») этнической семьей, подразделяющейся на четыре ветви — картвелы, или трузины (народ, состоящий из трех этнических групп: карты, мегрело-чаны и сваны), вейнахи (чеченцы, ингуши, кистины, бацбийцы), дагестанцы (аварцы, лезгинцы, даргинцы, лаки, табасаранцы и др.) и абхазо-адыги (абхазы, абазинцы, кабардинцы, адыгейцы, черкесы, убыхи). Представители этой этнической семьи являются древнейшими обитателями Кавказа и связаны друг с другом общностью происхождения. Поэтому этногенез абхазского народа нельзя рассматривать вне связи с общей проблемой происхождения иберо-кавказского этнического мира, как это до сих пор делали многие исследователи.

С одной стороны, ученые давно уже установили факт генетического родства кавказских языков («кавказские языки — это понятие генеалогическое». — Арн. Чикобава), что указывает на несомненные этнические связи их носителей. И. А. Джавахишвили в работе «Первоначальный строй и родство грузинского и кавказского языков» показал, что чем в более древние периоды истории коренных языков Кавказа нам удается заглянуть, тем более явственно выступает родство между ними как в лексике, так и в грамматическом строе. Он подчеркивает, что взаимное родство кавказских языков свидетельствует о родстве племен и народностей, которые говорят на этих языках, причем это родство подтверждается не только лингвистическими, но и разнообразными историческими материалами¹⁷¹.

С другой стороны в науке установлены также несомненные черты родства кавказских языков с некоторыми ныне мертвыми языками Передней Азии, в частности с протохеттским языком. Этот последний, как выясняется, особенно близок к абхазо-адыгским языкам, в частности к убыхскому¹⁷². Говоря о родстве протохет-

¹⁷¹ Джавахишвили, *Первоначальный строй*, стр. 622.

¹⁷² Мессарош, *Язык пёкхи*.

тского языка с абхазо-адыгскими языками, Г. А. Меликишвили пишет: «Употребление префиксов в качестве морфологических элементов, а также многие другие явления морфологической структуры языка на самом деле сближают его (протохеттский язык.— З. А.)... с горскими кавказскими языками (убыхским, черкесским, абхазским и др.)»¹⁷³.

Таким образом, лингвистические данные ставят нас перед необходимостью искать один из генетических компонентов абхазо-адыгского этнического массива в протохеттской среде, которая с древнейших времен бытовала в центральных и северо-восточных районах Малой Азии.

По мнению ряда ученых, к протохеттам следует отнести, в частности, и малоазийских кашков¹⁷⁴, название которых, как уже отмечалось, увязывается с одним из наименований адыгов — «кашаги». Другим названием кашков, по данным ассирийских источников, было «абешла», которое Г. А. Меликишвили увязывает с именем древнеабхазского племени «апсиллов» и заключает: «Анализ племенного названия дает нам как будто основание утверждать, что народ кашков (или во всяком случае какая-то часть его) этнически должен быть северокавказского (абхазо-черкесского) происхождения»¹⁷⁵. С. Т. Еремян также причисляет древние абхазо-адыгские племена к протохеттскому этническому миру¹⁷⁶.

Факт бытования определенной части этнических предков абхазо-адыгских народов в северо-восточной части Малой Азии и в юго-западной части Закавказья подтверждается прежде всего топонимическими материалами, на которые указывали многие авторы (П. Услар, А. Глейе, Н. Марр, А. Грен, П. Ушаков, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, Д. Гулиа и др.). Укажем лишь на некоторые (древние и современные) топонимические реалии на данной территории — Синопэ, Акамписис, Арипса, Апсареа, Дуабзу, Супса, Фазис и др. Все эти названия, встречающиеся главным образом в приморских частях указанной выше территории, с несомненной очевидностью

¹⁷³ Меликишвили, *Наири-Урарту*, стр. 400.

¹⁷⁴ Там же, стр. 401.

¹⁷⁵ Меликишвили, *К вопросу об этнической принадлежности*, стр. 204.

¹⁷⁶ Народы Кавказа, стр. 443.

свидетельствуют, что данная область в далеком прошлом была населена предками абхазо-адыгов¹⁷⁷.

Об этнических связях абхазо-адыгов с переднеазиатским миром свидетельствуют и этнографические параллели, в частности древнейшие религиозные верования. Интересные данные о несомненных связях абхазского пантеона с хетто-митанийским религиозным миром приводит Д. И. Гулиа¹⁷⁸. Это подтверждают также и абхазо-адыгские этногонические предания, по которым далекие предки народов Западного Кавказа переселились из Малой Азии.

К такому же выводу приводят и антропологические материалы. Б. В. Бунак считает, что древнейшее население Западного Кавказа и Малой Азии принадлежало к одному антропологическому типу, который он называет «понтийской расой». По его мнению, представители ее появились на Кавказе вследствие передвижения малоазийских племен по черноморскому побережью¹⁷⁹. Эта раса сформировалась, по Бунаку, в междуречье Чороха и Аракса¹⁸⁰.

О продвижении малоазийских племен (по всей вероятности, «кашковых») на Кавказ свидетельствуют также и данные археологии. По этому поводу Л. Н. Соловьев пишет: «Около рубежа III и II тысячелетий в Колхидской низменности происходит смена населения, о чем свидетельствует появление совершенно иных керамических форм, обнаруживающих, с одной стороны, равно как и в сопутствующем инвентаре, близость в общих чертах с Очамчирским населением, с другой стороны, носящих следы тесной связи с культурными центрами Малой Азии... С большой долей вероятности можно рассматривать эту смену населения в Колхидской низменности как первый этап продвижения на Кавказ малоазийских кашков, принесших сюда не только своеобразный малоазийский тип глиняной посуды, но и собственную металлургию»¹⁸¹.

Как замечает Е. И. Крупнов, «вывод о тесных древнейших взаимосвязях Кавказа и Малой Азии и даже

¹⁷⁷ Джавахишвили, *История грузинского народа*, стр. 428—429.

¹⁷⁸ Гулиа, *История Абхазии*, стр. 223—228.

¹⁷⁹ Бунак, *Антропологический состав*.

¹⁸⁰ Читая, *Акад. С. Н. Джанашиа*, стр. 9.

¹⁸¹ Соловьев, *Новый памятник*, стр. 163.

о прошлом культурном единстве этих областей популярны и в СССР, и среди зарубежных ученых (Гюбер, Мелларт, К. Шеффер, М. Дюнан и др.). Для этого имеются серьезные основания; они заключаются как в общих чертах «энеолитической» культуры Кавказа и анатолийского «халколита» (энеолита.— З. А.), так и в фактах широкого обмена между Кавказом и странами Ближнего Востока»¹⁸².

Что касается причин, вызвавших переселение определенной части малоазийских племен на Кавказ, то Л. Н. Соловьев правильно указывает на то обстоятельство, что на рубеже III—II тысячелетий в Малой Азии происходило сложение классового общества, которое вызвало относительное перенаселение, создавшее предпосылки для передвижения части населения в другие области. Толчок к этому движению на северо-восток могли дать происходившие в конце III тысячелетия вторжения с запада хеттов-неситов¹⁸³.

Возможно, что именно с переселением «кашков» на территорию Западного Кавказа следует увязать появление здесь памятников дольменной культуры.

Эпоху процветания дольменной культуры в Абхазии, т. е. период с начала ранней бронзы и вплоть до конца средней бронзы, следует рассматривать как начальную стадию формирования древнеабхазского этноса, когда происходил интенсивный процесс этнического слияния пришлых малоазийских племен с местным энеолитическим населением края. В этом процессе ассимиляторскую роль сыграли, несомненно, пришлые элементы, поскольку их язык оказался победителем, на что указывает отмеченное выше родство абхазо-адыгских языков с древнейшими языками Малой Азии, в частности с протохеттским. Переселенцы на территории Абхазии утверждали не только свой язык, но и специфические формы материальной и духовной культуры, которые постепенно органически сливались с аборигенными формами культурного творчества. Результатом процесса этнической консолидации пришлых и местных элементов и явился древнеабхазский этнос — непосредственный предок единой абхазской на-

¹⁸² Крупнов, *Древнейшее культурное единство Кавказа*, стр. 5.

¹⁸³ Соловьев, *Новый памятник*, стр. 161. (Переселились, разумеется, не все кашки. Какая-то их часть бытовала на территории Малой Азии и значительно позднее).

родности. В данном аспекте мы и рассматриваем процесс автохтонности в формировании древнеабхазского этноса, поскольку он не в готовом уже виде явился на территорию Абхазии откуда-то извне, а исторически сформировался именно на данной территории.

Установленная тесная историческая преемственность культурных форм начиная от дольменной эпохи до последующих времен, в частности до периода позднекопидской бронзы, со всей очевидностью указывает на непрерывные этнические связи между создателями разновременных культурных памятников.

Отметим, к примеру, следующий факт. Как известно, дольмены использовались в качестве могильных склепов не только в период их строительства, но и в последующие эпохи, вплоть до первых веков н. э., когда на территории распространения дольменов обитали уже бесспорно абхазо-адыгские племена¹⁸⁴. Не случайно поэтому, что вплоть до недавнего времени абхазы и адыги с благоговением относились к дольменам, считая их «могилами предков», и не разрешали их раскапывать. Совершенно иным было отношение к дольменам со стороны поздних пришельцев, которые, в частности, использовали дольменные камни в качестве строительного материала¹⁸⁵.

В этой связи можно привести следующее заключение Л. Н. Соловьева: «Анализ погребального обряда дольменной культуры и сравнение с существовавшими еще недавно религиозными представлениями и обычаями абхазского народа привели нас к выводу о том, что между ними нет существенных, принципиальных различий. На протяжении около 4000 лет прослеживаются с чрезвычайной стойкостью одни традиции погребального культа...

Отсюда можно сделать вывод, что в этническом составе населения, занимающего эту территорию с конца III тысячелетия, когда здесь появился данный культ, и до современной эпохи не происходило коренных изменений... С этим придется считаться при выдвигании различных гипотез о каких-то сравнительно недавних значительных изменениях в составе населения территории Абхазии»¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Смирнов, *К вопросу о формировании*, стр. 66—67.

¹⁸⁵ См. Сысоев, *Археологические экскурсии*, стр. 139.

¹⁸⁶ Соловьев, *Погребения*, стр. 94.

Таким образом, начиная приблизительно с рубежа III — II тысячелетия до н. э., когда, по-видимому, имело место переселение на Западный Кавказ малоазиатских «кашков», в составе древнего населения Абхазии не произошло больше существенных изменений. На это указывает, в частности, анализ памятников культуры более поздних эпох.

Последующая стадия культурного развития общества на побережье Абхазии, тесно связанная с предшествующей, представлена значительным комплексом памятников, известных под названием «колхидской культуры».

Б. А. Куфтин, говоря об инвентаре абхазских дольменов, пишет: «Все эти предметы, являясь прототипом кобанских (колхидских. — З. А.), указывают на несомненную тесную преемственную связь между строителями дольменов и тем населением, которое позднее развило кобанскую культуру»¹⁸⁷.

Колхидская культура развивалась в тесном культурно-экономическом контакте с соседними синхронными ей кобанской и прикубанской культурами. Между носителями этих культур существовали, несомненно, и этнические связи. «Следует иметь в виду, — пишет Е. И. Крупнов, — что некоторая общность материальной культуры на всей территории соответствовала в прошлом и языковой общности, так как все древние племена по Тереку, Кубани и Риону до середины I тысячелетия до н. э. составляли одну иберо-кавказскую семью»¹⁸⁸. Эту языковую общность, разумеется, следует понимать в том смысле, что на всей этой большой территории господствовал не один язык, а группа родственных языков, причем не только в зоне распространения трех близких друг другу культур, но и на территории каждой из них в отдельности. Нельзя поэтому приписывать, скажем, колхидскую культуру какому-либо одному народу. В создании этой культуры участвовали предки картвелов, абхазов, а также, возможно, и некоторых других народов.

В этой связи необходимо напомнить, что в системе единой колхидской (западногрузинской) культуры исто-

¹⁸⁷ Куфтин, *Материалы*, стр. 271.

¹⁸⁸ Крупнов, *О происхождении*, стр. 62.

рические памятники на территории Абхазии отмечались своими особенностями. Б. А. Куфтин выделил ряд культурных форм, которые являлись «местной особенностью, присущей абхазской бронзе»¹⁸⁹. О. М. Джапаридзе также высказывается за наличие на территории Абхазии эпохи поздней бронзы «своеобразного, локального варианта» колхидской культуры¹⁹⁰. Выше приводилось и мнение Г. Ф. Гобеджишвили, который говорит о «весьма своеобразном, локальном варианте колхидской культуры» на территории Абхазии¹⁹¹.

Вполне возможно, что это своеобразие отличалось не только особенностями хозяйственной жизни местного населения, но и его этническими особенностями. В частности, оно являлось, надо полагать, одним из показателей этнической индивидуальности (в целом) населения Абхазии рассматриваемой эпохи.

Однако в условиях еще существовавшего первобытнообщинного строя на территории Абхазии должны были проживать племена, которые отличались друг от друга как по языку, так и по элементам культуры, представляя по сути дела самостоятельные этнические единицы. На это обстоятельство указывают, в частности, весьма конкретные различия в способах захоронения покойников.

Погребальные обряды принадлежат к числу важнейших этнографических признаков, отличавшихся в древности особенной устойчивостью, и поэтому имеют большое значение для решения этногенетических проблем. Наличие сходства или преемственности в погребальных обычаях может свидетельствовать об этническом единстве, и, наоборот, отсутствие такого сходства нередко указывает на этнические различия¹⁹².

Говоря о погребальных обрядах куланурхвинского могильника, М. М. Трапш пишет следующее: «Захоронение покойников в простом грунте в вытянутом положении на спине с инвентарем колхидского и скифского типов... в Абхазии впервые обнаружено в сел. Куланурхва. При-

¹⁸⁹ Куфтин, *Материалы*, стр. 214.

¹⁹⁰ Джапаридзе, *Дольменная культура*, стр. 88.

¹⁹¹ Археология Грузии, стр. 146.

¹⁹² Крчпнов, *Древняя история Сев. Кавказа*, стр. 91.

нимая во внимание, с другой стороны, способ погребения покойников в глиняных сосудах с инвентарем колхидской бронзы, известный ранее из селений Эшера (Сухумского района) и Приморского (Гудаутского района), а также погребения в скорченном положении на боку и захоронения через кремацию, выявленные в некрополях Сухуми за последние годы, следует признать, что в Абхазии в эпоху куланурхвинского могильника существовали четыре типа погребального обряда: через простое захоронение покойников в вытянутом положении на спине или в скорченном положении на боку, через кремацию и, наконец, в глиняных урнах.

Это обстоятельство указывает, по-видимому, на некоторые различия этнического состава населения, жившего на территории Абхазии в интересующее нас время, в VIII—VI вв. до н. э. В этот период весь Кавказ, в том числе и современная Абхазия, был ареной бурных исторических событий и передвижений древних этнических групп, от которых могли сохраниться следы в традиции и культуре»¹⁹³.

Вместе с тем М. М. Трапш делает заключение, что «основная часть населения современной Абхазии несомненно принадлежала к одной этнической группе»¹⁹⁴. Подобное заключение может быть принято с той оговоркой, что данная «этническая группа» представляла собой не единую народность, а родственные между собой племена, связанные общностью происхождения. Тем не менее между ними порой могли быть существенные различия в культуре и быту, что, очевидно, и находило свое выражение в различии погребальных обрядов.

В период расцвета колхидской культуры, как было показано выше, на побережье Кавказа происходило интенсивное разложение первобытнообщинных отношений и зарождение классовой организации общества. Именно в этих условиях, как известно, складываются более или менее устойчивые союзы соседних (и в значительной части родственных) племен. Одним из таких крупных племенных объединений на территории Северо-Западного Кавказа был киммерийский союз.

¹⁹³ Трапш, *Памятники*, стр. 81.

¹⁹⁴ Там же, стр. 82.

Несколько позднее на территорию Абхазии проникают «скифо-сарматские» этнические элементы, о чем свидетельствуют памятники «скифского типа», обнаруженные здесь во время археологических раскопок ¹⁹⁵.

Однако эти северные элементы не оказали существенного влияния на этнический облик древних абхазов, которые в дальнейшем все теснее и теснее связывались со своими южными соседями — родственными западнокартвельскими племенами.

¹⁹⁵ Трапш, *Грунтовые погребения*.

ГЛАВА III

АБХАЗИЯ В ЭПОХУ КОЛХИДСКОГО ЦАРСТВА

(VI—II вв. до н. э.)

Этнический состав населения раннеантичной Абхазии

О терминах
«Колхида»
и «колхи»

Исследование вопроса об этнической принадлежности и расселении отдельных племен на территории Абхазии в античную эпоху представляет собой весьма сложную задачу. Многие этнические названия, зафиксированные в сочинениях античных (греческих и римских) писателей, исчезают уже в древности или в раннефеодальный период, в силу чего порой совершенно не представляется возможным установить этнический облик их носителей и, в частности, более или менее убедительно обосновать их генетическую связь с какой-либо конкретной современной кавказской народностью¹.

Территория Абхазии в античную эпоху входила в состав большой политико-географической единицы, которую античные авторы называли «Колхидой», а все ее население обозначали нередко общим именем «колхи». В научной литературе давно уже установлено, что термины «Колхида» и «колхи» употреблялись античными авторами в двух смыслах — в широком (собирательном) и узком (этническом).

¹ В подобных случаях гораздо разумнее воздерживаться от каких-либо категорических утверждений и, следовательно, надо отказаться от попыток во что бы то ни стало увязать такие «племена» с теми или иными этническими общностями, как это делают некоторые авторы в отношении кораксов, гениохов, санигов и ряда других этнических образований, локализуемых античными авторами на территории исторической Абхазии. В этих случаях следует ограничиться более или менее правдоподобной гипотезой об этнической принадлежности того или иного «племени».

«Колхида» в широком смысле охватывала территорию всей современной Западной Грузии и северо-восточные районы Малой Азии, не исключая г. Трапезунта². Это обстоятельство, как отмечает Г. Меликишвили, «вовсе не значит, что мы здесь имеем дело с распространением одной и той же этнической группы (в данном случае колхов.—З. А.). В частности,—продолжает он,— в том случае, когда в качестве северной границы Колхиды указывается Главный Кавказский хребет или район Птиунта-Диоскурии, термин «Колхида» употребляется, несомненно, в его широком (географическом), а не в узком (этническом) значении»³.

Что касается узкого, этнического значения термина «колхи», то под ним в античных источниках подразумевались эгры (или эгрисцы) — предки современных мегрелов, которые, начиная с позднеантичной эпохи, выступают под именем «лазов». Анонимный автор V в. н. э. (Псевдо-Арриан) под собственно «колхами» («лазами») подразумевал коренное население области, расположенной к югу от Диоскурии (совр. Сухуми) до р. Апсара (совр. Чорохи). Он пишет: «От Диоскуриады... до р. Апсара прежде жил народ, называемый колхами и переименованный в лазов»⁴.

Хотя некоторые античные авторы крайним северным пунктом расселения колхов (в этническом смысле) считают Диоскурию, но тем не менее «рассматривают ее как пункт, находящийся на территории неколхских племен (гениохов, санигов). Так как в более позднюю эпоху название «колхи» органически связалось с названием «лазы», то следует припомнить, что византийские источники северный предел распространения лазов видели где-то между Фазисом (совр. Поти) и Диоскурией»⁵.

В качестве одного из примеров употребления термина «колхи» в узкоэтническом смысле приведем весьма интересное в этом отношении сообщение Дионисия Египетского (II в. н. э.). Перечисляя обитателей Кавказского Причерноморья, Дионисий целую группу «племен»,

² Джавахяшвили, *Историко-этнологические проблемы*, стр. 13; Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 62—63.

³ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 62—63.

⁴ SC, т. I, стр. 275.

⁵ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 64.

а именно: синдов, киммерийцев, керкетов, торетов, ахейцев, гениохов и захов — называет «чадами земли Пеласгийской» (τέ πελασγίδος ἔχγονοι) в то время как совершенно четко отделяет их от колхов, живущих «за страной тиндаридов» и являющихся якобы «выходцами из Египта» (Μετῆλυδες Αἰγύπτου)⁶.

Приведенные выписки из научной литературы и источников свидетельствуют, что при выяснении этнической принадлежности того или иного «племени» никогда не следует упускать из виду двоякого смысла термина «колхи» и безоговорочно зачислять в ряд собственно колхов всякую этническую единицу, о которой какой-либо античный писатель сказал, что она является «колхским племенем».

Перейдем теперь к анализу сведений древних авторов об отдельных «племенах», локализуемых на территории исторической Абхазии в раннеантичную эпоху.

Кораксы, колы Эти «племена» впервые упоминаются в сочинении Гекатея Милетского (VI в. до н. э.). О кораксах Гекатей сообщает следующее: «Кораксы, племя колхов (Κορξοί, ἔθνος Κολχῶν), вблизи колов... Кораксийская крепость (τείχος) и Кораксийская страна (Κορξική χώρα)»⁷.

По соседству с кораксами (к югу от них) Гекатей помещает «племя» (ἔθνος) колов. Он пишет: «Колы (Κῶλοι), народ у Кавказа... Предгорья Кавказа называются Колскими горами (Κωλικὰ ὄρη)»⁸.

Исходя из сведений Гекатея, нельзя сказать ничего определенного об этнической принадлежности кораксов и колов или дать их точную локализацию. Единственное, в чем можно не сомневаться, так это, во-первых, в том, что они жили на территории исторической Колхиды, и, во-вторых, что племя колов занимало, по-видимому, не прибрежную, а нагорную часть страны.

Более определенные сведения о кораксах и колах дает анонимный автор IV в. до н. э. (Псевдо-Скилак Кариандский). Перечисляя «племена» кавказского Причерноморья с севера на юг, он называет их в следующей последовательности: синды, керкеты, тореты, ахеи, гениохи,

⁶ SC, т. I, стр. 184—185.

⁷ Там же, стр. 2.

⁸ Там же.

кораксы, колы, меланхлены, гелоны и колхи. С последними (т. е. с колхами) Псевдо-Скилак увязывает города Диоскурию и Гюэнос⁹. Из этого можно сделать вывод, что кораксы и колы локализируются к северу от Диоскурии и в этническом отношении они не колхи, поскольку Псевдо-Скилак называет их отдельно от колхов.

Далее, римский автор I в. н. э. Плиний Секунд помещает кораксов вблизи «колхского города Диоскуриады» (...*Coraxi urbe Colchorum Dioscuriadae*), а затем дает следующую картину расселения племен близ Диоскурии: «...Племя абсилы, крепость Себастиополис (Диоскурия.— З. А.), ...племя саников»¹⁰. Таким образом, близ Себастиополиса, по Плинию, живут, с одной стороны, апсилы, с другой — саниги. По-видимому, кораксы могут быть отождествлены с одним из этих племен. В частности, Томашев считал допустимым увязать кораксов с апсилами, полагая, что у древних авторов эти названия выступают как синонимы¹¹. Во всяком случае на основании данных Гекатея и Псевдо-Скилака считать кораксов и колхов мегрело-лазскими племенами нет достаточных оснований.

Гениохи Вопрос о гениохах является одним из самых сложных в этнонимике Кавказского Причерноморья античной эпохи. В научной литературе высказывались самые различные точки зрения по этому вопросу. Одни считали их сванами (И. Орбели и др.), другие принимали гениохов за прямых предков абхазов (Д. Гулиа), третьи объявляют их мегрело-лазами (С. Джанашиа, М. Инадзе и др.), четвертые же считают невозможным отождествить гениохов с какой-либо определенной народностью Кавказа и полагают, что это собирательный термин, объединяющий группу мелких народов и племен черноморского побережья Кавказа (Л. Лавров и др.); высказывалось, наконец, и такое предположение, что «гениохи» — это вовсе не этнический термин, а название профессиональных возчиков, обслуживавших торговлю на перевальных дорогах между Северным Кавказом и Причерноморьем (Н. Квезерели-Копадзе).

⁹ Там же, стр. 84—85.

¹⁰ Там же, т. II, стр. 179.

¹¹ Цит. по Джавахишвили, *Историко-этнологические проблемы*, стр. 120.

Что же в действительности подразумевали древние авторы под термином «гениохи» применительно к северо-западному побережью Кавказа¹²?

Прежде всего следует подчеркнуть, что источники совершенно четко отличают гениохов от собственно колхских племен. Ряд античных авторов, говоря о гениохах, упоминают их отдельно от колхов. Так, Псевдо-Скилак в перечислении «племен» помещает между гениохами и колхами кораксов, колов, меланхленов и гелонов¹³. Страбон указывает, что колхи обитают за гениохами (Μετὰ τοὺς Ἠλιόχους ἢ Κολχίς)¹⁴. Географ Птолемей (II в. н. э.) пишет: «Вдоль Понта [обитают] ахеи, керкеты, иниохи и свано-колхи»¹⁵. Интересно в этом отношении и указание Псевдо-Орфея (IV в. н. э.) о том, что вдоль побережья Кавказа живут «славные племена колхов, гениохов и абасков»¹⁶.

Таким образом, по данным античных источников, «гениохи» представляли собой «племя» (или группу племен), которые этнически не были колхами. Вместе с тем гениохи, как видно по тем же материалам, этнически отличались и от сванов, абазгов, апсиллов, зихов и ахейцев. В частности, из приведенного выше сообщения Псевдо-Орфея можно заключить, что гениохи не тождественны не только колхам, но и абазгам; Страбон отделяет гениохов от ахейцев и зихов, а Псевдо-Скилак говорит, что ахеи и гениохи были соседями.

Подобного рода показания источников можно было бы умножить, но и приведенных достаточно для обоснования вывода о том, что под названием «гениохи» античные авторы подразумевали определенную этническую общность, отличающуюся в той или иной мере от ее соседей — зихов, абазгов, колхов и др.

Вместе с тем, ряд античных авторов определенно указывает на то, что термин «гениохи» представлял собой

¹² В данном случае мы не касаемся тех «гениохов», которые локализируются некоторыми античными авторами в северо-восточном секторе Малой Азии. Г. Меликишвили считает возможным, что «в этом случае мы имеем дело с проникшим с севера элементом. Или же... название гениохи всплыло здесь вследствие ассоциации с названием живших в этом районе с древнейшего времени племен Иганиехи» (Меликишвили. *К истории древней Грузии*, стр. 93).

¹³ SC, т. I, стр. 84—85.

¹⁴ Там же, стр. 130.

¹⁵ Там же, стр. 239.

¹⁶ См. ВДИ, 1948, № 3, стр. 268

собирабельное понятие для обозначения группы племен. Так, например, Плиний Секунд говорит о «многоименных племенах гениохов» (*multis nominibus Heniochorum gentes*)¹⁷, а Псевдо-Скилак называет гениохов народом «разнородным» (*Μίξογενής*)¹⁸.

Однако, следует отметить, что даже в широком собирабельном смысле термин «гениохи» обычно не охватывал племена, проживавшие южнее Питиунта (Питунда)¹⁹. Плиний Секунд, описывая абхазское побережье с юга на север, отмечает сначала племя апсиллов, затем город Себастополис, город Кигн, реку и город Пенини (очевидно Питиунт, от лат. *pinus*—«сосна»—З. А.) и, наконец, «многоименные» племена гениохов²⁰. Страбон, ссылаясь на Артемидора, помещает «побережье гениохов в 1000 стадий» к северу от «великого Питиунта»²¹.

Следовательно, гениохи занимали в основном ту же территорию, на которой впоследствии локализуются саниги, о расселении которых Псевдо-Арриан писал: «От реки Ахэунта (Шахэ?) до реки Абаска (Бзыбь?) живут саниги»²². Арриан также включает этот район в область расселения санигов.

На возможность отождествления санигов и гениохов указывает еще одно обстоятельство: Плиний Секунд помещает «племя саников» в районе Себастополиса²³, а Арриан прямо заявляет, что Себастополис лежит «на земле санигов»²⁴. В то же время Помпоний Мела (I в. н. э.) утверждает, что «Диоскуриада основана на земле гениохов» (*in Heniochorum finibus Dioscurias*)²⁵.

Все это дает основание признать правильным положение, выдвинутое И. А. Орбели, что в названии санигов

¹⁷ SC, т. II, стр. 179.

¹⁸ SC, т. I, стр. 276.

¹⁹ Исключение составляет указание Помпония Мела, по которому «Диоскуриа основана на земле гениохов», а также сообщение Гераклида Понтийского о гениохах в районе Фазиса (Риони).

²⁰ SC, т. II, стр. 179.

²¹ SC, т. I, стр. 175.

²² Там же, стр. 278.

²³ SC, т. II, стр. 179.

²⁴ SC, т. I, стр. 222.

²⁵ SC, т. II, стр. 218. В данном случае, несомненно, имеется в виду одна и та же этническая среда: «гениохи» Помпония и «саниги» Арриана — это одно и то же. Однако здесь, нам кажется, термин «гениохи» и его синоним «саниги» употреблены не в этническом смысле, а в широком собирабельном значении (см. ниже).

«мы имеем... точную параллель названия генихов»²⁶. Поддерживая это положение, Г. А. Меликишвили указывает, что «название санигов, возможно, является вариантом названия «генихов». По своему звуковому составу эти названия довольно близко стоят друг к другу. Чередование «S» и «H» мы имеем и в других племенных названиях (напр., Speg и Hiber)»²⁷.

Итак, античные источники позволяют допустить отождествление генихов с санигами. Поскольку существование санигов относится и к позднеантичному времени, поэтому вопрос об этнической принадлежности их будет рассмотрен в следующей главе.

Социально-экономическое развитие местного населения

Хозяйство В раннеантичный период (VI — IV вв.) в хозяйственной и общественной жизни обитателей Абхазии происходят коренные изменения, которые были обусловлены в первую очередь дальнейшим развитием производительных сил и экономики в целом.

В этой связи прежде всего надо указать на дальнейшее развитие здесь металлургии железа. Изделия из железа уже в начале античной эпохи получили широкое распространение. Из него в основном изготовляли боевое оружие и орудия труда.

Железные предметы того периода богато представлены в могильном инвентаре и входят в состав даже самых бедных могил, что, по заключению А. Л. Лукина, «является показателем вполне завершившегося перехода к железу, уже широко и повсеместно используемого»²⁸.

Весьма характерен в этом отношении инвентарь некоторых могил, раскопанных М. Трапшем на Сухумской горе. Здесь были обнаружены мечи с прямыми поперечными перекладинами и сердцевидными перекрестиями, топоры-секиры с широкими лопастями, топоры-молотки, наконечники копий и дротиков и т. д.²⁹ (рис. XII). Следует отметить, что в некрополях на Сухумской горе, а также на горе Гуад-иху совершенно отсутствует бронзовое

²⁶ Орбели, *Город близнецов*, стр. 214.

²⁷ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 91.

²⁸ Лукин, *Материалы*, стр. 78.

²⁹ Трапш, *Некоторые итоги*, стр. 207.

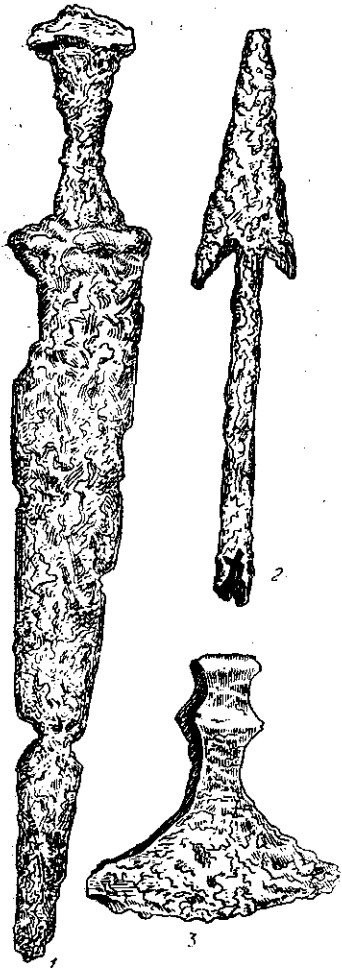

Рис. XII. Сухумская гора. Железный инвентарь погребения:
1 — меч; 2 — втульчатый дротик;
3 — голор

оружье. Этот факт также определенно говорит об окончательном переходе от бронзы к железу³⁰. Произошло это примерно в VI—V вв. до н. э.

В хозяйственной жизни населения Абхазии того периода заметно возросла роль земледелия, которое процветало главным образом на склонах гор, в плодородных долинах и низменностях. В прибрежной полосе земледелие приобрело ведущую роль.

Для обработки земли пользовались обычно деревянной сохой, в которую впрягали рабочий скот. Во время раскопок на горе Гуадику были найдены железные сошники от такой сохи³¹.

Сеяли, по-видимому, пшеницу, ячмень и особенно просо. Широкое развитие в Абхазии, как и по всей Колхиде, получила культура льна, о чем говорят многие античные авторы (Геродот и др.). Высокого уровня до-

стигают виноградарство и виноделие, плодоводство и другие земледельческие культуры.

³⁰ Трапш, *Краткий отчет*, стр. 224.

³¹ Очерки, стр. 28.

Наряду с земледелием значительное место продолжало занимать скотоводство. В горных районах оно по-прежнему играло ведущую роль. Скотоводческое хозяйство, как и в предшествующую эпоху, имело в целом яллажный характер, с сезонными перекочевками скота с побережья в горы и обратно.

Как свидетельствует костный материал, обнаруженный при раскопках в различных пунктах Абхазии, основными видами домашних животных были: корова, бык, овца, коза, свинья и др. Широкое распространение имела лошадь, которой пользовались как для перевозки тяжестей, так и для верховой езды³².

Из других отраслей сельского хозяйства развиваются рыболовство, птицеводство, лесоразработки и т. д. Из источников видно, что продукты пчеловодства (мед, воск) и корабельный лес фигурируют в числе предметов, экспортировавшихся из Абхазии и всей Колхиды.

Значительно возросла в рассматриваемую эпоху роль различных ремесел и промыслов, особенно гончарного производства. Яркое представление о керамических изделиях местных мастеров дают обнаруженные на Сухумской горе материалы, которые относятся к античному времени. Найденные здесь сосуды (пифосы, амфоры, амфориски, канфары, килики, различные горшки, кувшины, кружки, миски, тарелочки, отвесы для ткацкого станка, кровельная черепица и др.) связаны с домашним хозяйством, а также с погребальными обычаями. Причем вся керамика (за исключением чернолаковой) носит яркие следы местного гончарного производства³³.

В IV—III вв. до н. э. близ Сухуми (совр. пос. Красный Маяк) существовал важный центр керамического производства. Здесь были вскрыты остатки гончарной печи, выложенной известковыми камнями³⁴. В трех местах рядом с гончарной печью обнаружены глубокие ямки конической формы, по-видимому для столбов. Это указывает на то, что печь была под крышей. Вокруг и вблизи разрушенной печи обнаружено большое количество фрагментов пифосов, амфор, горшков, обломков кровельной черепицы, строительные кирпичи квадратной

³² Там же.

³³ Каландадзе, *Археологические памятники*, стр. 88.

³⁴ Трапш, *Археологические раскопки*, стр. 190 и сл.

формы, пирамидальные глиняные грузила, комки глиняного теста и т. д.

Видимо, здесь существовали специальные гончарные мастерские, производившие в большом количестве разнообразных керамических изделия. Можно предполагать, что эта продукция изготовлялась специально для сбыта и предназначалась главным образом для соседней Диоскурии³⁵.

Об одной особенности местного гончарного производства той эпохи Л. Н. Соловьев пишет: «Характерная черта развития местной керамики заключалась в том, что она не знает резких смен керамических типов и дает пример последовательного местного развития, принимающего извне лишь отдельные детали и технические приемы. Даже воздействие античной колонизации не нарушило этой внутренней закономерности развития»³⁶.

Значительного для того времени развития достигло ткачество. Помимо остатков текстильной керамики на это указывают пирамидальные глиняные грузила — отвесы для вертикального ткацкого станка, пряслица и другие предметы, обнаруженные во время раскопок в районе Сухуми и других пунктов абхазского побережья³⁷.

Определенная часть ткацкой продукции, как видно, шла на продажу. Это подтверждается косвенно сообщением Геродота о том, что «они (колхи. — З. А.) и египтяне одни обрабатывают лен и притом одинаковым способом... Колхидское полотно у эллинов носит название сардонического»³⁸.

Известное распространение должен был получить, разумеется, и кожевенный промысел, тесно связанный со скотоводством. Найденные во время раскопок на Гуадикуху металлические сечки с округлым лезвием служили, как предполагает М. М. Трапш, для резания кожи³⁹, хотя, возможно, они выполняли и другие функции.

На начальном этапе античной эпохи (приблизительно VI — V вв.) на побережье Абхазии бытовал старый промысел добычи соли путем выпаривания ее из морской воды. Об этом свидетельствуют четырехугольные сосуды с

³⁵ Там же, стр. 201.

³⁶ Соловьев, *Селища*, стр. 272.

³⁷ Трапш, *Археологические раскопки*, стр. 192—193, 203.

³⁸ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 244.

³⁹ Трапш, *Некоторые итоги*, стр. 215.

тканевыми отпечатками и огнеупорные глиняные рогаки, обнаруженные в пос. Красный Маяк и относящиеся к раннеантичному времени⁴⁰.

Однако около IV в. до н. э. в Абхазию, в частности в Диоскурию, стали завозить таврическую соль (из Крыма) и с этого времени солеварные промысловые поселения на побережье стали быстро исчезать⁴¹. Во всяком случае в культурных слоях в районе Очамчирского порта, относящихся к IV—II вв. до н. э., никаких следов текстильной керамики, характерных для солеварных промыслов, уже не обнаружено⁴².

Развитие сельского хозяйства и различных ремесел привело к значительному росту разделения труда и специализации производства, что со своей стороны обусловило заметное увеличение избыточных продуктов, поступавших в торговый оборот как внутри страны, так и за ее пределы.

Внутренняя торговля по-прежнему выражалась в обмене между населением горных районов, с одной стороны, и прибрежной полосы — с другой. На побережье Абхазии возникают торгово-ремесленные пункты, куда горные жители поставляли продукты своего хозяйства (предметы скотоводства и охоты, мед, воск и др.) и обменивали их на нужные им товары — ремесленные изделия, соль и др.

Но особенно широкого размаха достигает в ту эпоху внешняя торговля, рост и развитие которой были тесно связаны с древнегреческой колонизацией Колхидского побережья.

Уже в VI в. до н. э. торговая жизнь Колхиды, а вместе с ней и Абхазии принимает регулярный характер⁴³. В этом столетии, а также в V—IV вв. до н. э. население Абхазии, как и всей Колхиды, развивает экономические связи в основном с собственно Грецией (с Афинами), а также с городами западной части Малой Азии (главным образом с Милетом) и островами Ионического моря, с греческими городами Северного Причерноморья, а также со странами Ближнего Востока — Персией, Сирией и Египтом.

⁴⁰ Трапш, *Археологические раскопки*, стр. 187.

⁴¹ Соловьев, *Селища*, стр. 284.

⁴² Там же, стр. 279.

⁴³ Инадзе, *К вопросу о торговле*, стр. 95 и сл.

Следует также отметить, что через Закавказье проходил важный торговый путь из Индии в Европу. Одним из участков его была рiono-квирильская магистраль, с которой были связаны и города Абхазии⁴⁴.

На основе сведений античных авторов и археологического материала устанавливается, что из торговых центров Средиземноморья в Колхиду завозили главным образом художественную керамику, оливковое масло, вино, соль и др., из восточных стран — украшения, благовония и пряности. Взамен этих товаров Колхида поставляла лен и льняные изделия, корабельный лес, мед, воск, смолу, железо и т. д.⁴⁵.

Однако после завоеваний Александра Македонского (30—20-е годы IV в. до н. э.) в торговой жизни (как и в других сферах) Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока происходят существенные изменения. Афины и города ионического бассейна потеряли значение, но зато важную роль стали играть города черноморского побережья Малой Азии — Трапезунт и главным образом Синопа. Как показывает анализ привозной керамики эллинистического времени (конец IV — I в. до н. э.), обнаруженной в различных пунктах Абхазии, большая ее часть поступала сюда из Синопы.

В эллинистическую эпоху не только усиливаются существовавшие ранее торговые связи Колхиды с Северным Причерноморьем и Ближним Востоком, но и устанавливаются новые экономические связи с рядом малоазийских и восточносредиземноморских центров — Пергам, Мегара и особенно Родос⁴⁶. Об этом свидетельствуют, в частности, и материалы, обнаруженные при раскопках в Сухуми, Эшера и в других пунктах Абхазии.

Возникновение классового общества и государства В VI — V вв. до н. э. население, жившее на территории современной Абхазии, переживает значительный сдвиг и в своем социальном развитии. В этот период в прибрежной части Абхазии родовой строй под воздействием коренных хозяйственных изменений и глубокого имущественного расслоения среди общинников сменяется классовыми (рабовладельческими) отношениями.

⁴⁴ Лордкипанидзе, *О транзитно-торговом пути*, стр. 382.

⁴⁵ Инадзе, *К вопросу о торговле*, стр. 123.

⁴⁶ Там же, стр. 110—114.

ями. Однако в горных районах страны устои первобытно-общинного строя сохранялись во всей полноте еще в течение длительного времени.

Около VI в. до н. э. образовалось Колхидское рабовладельческое царство, в котором органы родового строя «из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»⁴⁷. В состав Колхидского государства входила и значительная часть Абхазии.

Археологические находки в приморской зоне Абхазии свидетельствуют о далеко зашедшем процессе классового расслоения местного общества в V—III вв. до н. э. Весьма показательны в этом отношении материалы, добытые на горе Гуад-иху, близ Сухуми⁴⁸. Изучение инвентаря раскопанных здесь могил свидетельствует о том, что часть погребений не содержала никаких вещей, а если они имелись, то состояли обычно из одного или двух-трех простых предметов (сосуды и пр.). Зато другая часть погребений включала значительное количество вещей, в состав которых, в частности, входили художественные изделия, сделанные с большим техническим мастерством (перстни, браслеты, бусы и др.), а также различное боевое оружие — мечи, кинжалы, дротики и пр.

Наличие предметов вооружения в одних могилах («богатых») и полное их отсутствие в других («бедных») представляет собой конкретный показатель резкой социальной дифференциации населения. Оно свидетельствует о том, что здесь вооруженная сила уже отделена от основной массы народа, а это является важным признаком классовой организации общества.

На развитый институт частной собственности указывают находки в некоторых могилах Гуад-иху особых перстней-печатей. Их применяли для скрепления как частных, так и официальных документов, а также для охраны и закрепления имущества их собственников⁴⁹. Поэтому есть все основания считать, что владельцы этих перстней-печатей принадлежали к богатой торгово-аристократической части населения⁵⁰.

⁴⁷ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи*, стр. 165.

⁴⁸ Трапш, *Краткий отчет*, стр. 224—226.

⁴⁹ Максимова, *Античные печати*, стр. 251.

⁵⁰ Трапш, *Краткий отчет*, стр. 225.

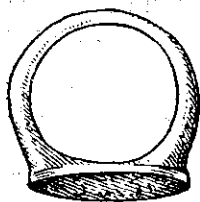

Рис. XIII. Бронзовый перстень-печатка из погребения на горе Гуад-нху (Сухуми)

ем человеческой головы на одной стороне и головы быка на другой. Из других местных монет, распространенных в Абхазии того периода, укажем на монету колхского царя Савлака, ранее приписываемую вождю восставших рабов Боспора скифу Савмаку. По поводу ее происхождения Капанадзе пишет: «Что же заставляет относить эту монету к нумизматическим памятникам Колхиды? Первое, что обращает на себя внимание,—это твердо зафиксированные случаи находок этих монет в районе Сухуми, причем в обоих случаях совместно с «колхидками». Затем следует отметить поразительное типологическое сходство оборотной стороны этих монет с изображением быка на «колхидках», а с лицевой — с изображением, помещенным на драхме Аристарха Колхского. И, наконец, надо принять во внимание вполне определенное указание Плиния о существовании в древней Колхиде *басилевса* с именем Савлак, которое, как выясняется, сохранилось среди жителей нынешней Абхазии в форме Саулах. На основании этих признаков, не оставляющих

В VI—V вв. вследствие интенсивного развития внешней и внутренней торговли на территории Колхиды, в частности в Абхазии, получают широкое распространение местные серебряные монеты «колхидки», считающиеся одними из древнейших монет в мире. Они, видимо, чеканились колхидскими царскими властями⁵¹.

Разнообразие типов и вариантов «колхидок», встречающихся в различных районах исторической Колхиды (в основном между Трапезунтом и Сухуми)⁵², позволяет выделить их в совершенно самостоятельную группу античных монет. Наиболее распространенными среди них являются мелкие «триболы» с изображением

⁵¹ Капанадзе и Голенко, *К вопросу о происхождении колхидок*.

⁵² Капанадзе, *Грузинская нумизматика*, стр. 31.

места для сомнений, монеты Савлака теперь признаны колхидскими и датированы II в. до н. э.»⁵³.

Широкое распространение «колхидок» и других монет указывает на высокий для того времени уровень развития в Колхиде денежного хозяйства, которое, как известно, абсолютно несовместимо с родовым строем.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что в V—III вв. до н. э. население ведущих районов Абхазии по своему хозяйственному положению и социальному составу было неоднородным и отличалось классовой дифференциацией, которая в тех исторических условиях по своему типу могла носить лишь рабовладельческий характер. Следует вместе с тем подчеркнуть, что в рассматриваемый период в Колхиде господствовала не развитая рабовладельческая формация, а раннерабовладельческий строй, при котором ведущий рабовладельческий уклад сочетается с сильными пережитками патриархально-общинных отношений, а в ряде горных районов страны, как выше отмечалось, по-прежнему сохранялся родовой быт.

О социальной природе Колхиды VI—III вв. Г. А. Меликишвили пишет следующее: «Колхидское царство... являлось раннеклассовым, раннерабовладельческим государством. Это было сравнительно неразвитое классовое общество, в котором еще весьма сильные были пережитки первобытнообщинных отношений, количество рабов и ареал их использования были очень ограничены и основными производителями материальных ценностей являлись все еще объединенные в сельские (территориальные) общины свободные и полусвободные общинники». Вместе с тем Колхидское царство «являлось сравнительно небольшим островом среди окружающего населения, стоявшего на более низкой ступени общественного развития и все еще жившего в условиях родового строя»⁵⁴.

Следует, однако, отметить, что социально-экономическая характеристика античной Колхиды не может быть ограничена приведенными выше сведениями. По-видимому, в приморских городских центрах Колхиды той эпохи (Фазис, Диоскурия) существовала другая форма рабовладельческих отношений. Здесь, надо пола-

⁵³ Там же, стр. 41.

⁵⁴ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 251.

гать, рабовладельческие отношения были более развиты, чем во внутренних районах страны. Можно допустить, что рабовладельческий строй этих городов по уровню своего развития приближался к ступени так называемого античного рабства, значительно более высокой, чем ступень восточного рабовладельческого общества, на которой стояли в целом местные государственные образования древней Грузии.

Греческая колонизация и образование греко-местных городских поселений

Возникновение греческих колоний

Колонизация древними греками восточного Причерноморья, в том числе и побережья современной Абхазии, явилась одним из этапов широкого колонизационного движения, охватившего древнегреческий мир на протяжении VIII—VI вв. до н. э., т. е. в период интенсивного утверждения в нем рабовладельческого способа производства.

Внедрение рабского труда во все отрасли хозяйства наиболее развитых древнегреческих городов при неуклонном росте числа их жителей и отсутствии достаточного фонда земель внутри страны создавало так называемое «избыточное население», в состав которого входили разорившиеся земледельцы и мелкие городские ремесленники. Именно они составляли основной контингент колонистов, вынужденных вместе со своими семьями отправляться в далекие страны в поисках лучшей жизни⁵⁵.

Греческие колонии никогда не возникали в безлюдных, ненаселенных пунктах. Они могли существовать лишь там, где открывались возможности использования природных ресурсов для развития сельского хозяйства и различных ремесел, а главное, где имелось наличие человеческих контингентов, которых можно было бы заставить работать в качестве рабов и зависимых полусвободных производителей⁵⁶. Поэтому греческие колонии возникали обычно в районе местных населенных пунктов. Например, Диоскурия была основана

⁵⁵ Гайдукевич, *История античных городов*, стр. 23—24.

⁵⁶ Там же, стр. 24.

на базе местного ремесленно-земледельческого поселения⁵⁷.

Однако еще до того как греки стали основывать на побережье свои населенные пункты (сначала небольшие торговые фактории, а затем и города-колонии), между местным населением и греческим миром развивались весьма тесные для того времени экономические взаимоотношения, выразившиеся в систематическом нарастании торговых связей, о которых говорилось выше.

Одним из самых ранних памятников этих связей является классический миф об аргонавтах — греческих моряках, которые во главе со своим предводителем Язоном отправились на корабле «Арго» в Колхиду за «золотым руном» — шкурой легендарного барана. В этом мифе нашли свое отражение первые торгово-грабительские экспедиции древних греков к берегам далекой Колхиды.

При возникновении греческих колоний на территории Колхиды важное значение имело то обстоятельство, что данный процесс совпал с существованием здесь обширного племенного объединения, которое вскоре (не позднее VI в. до н. э.) сформировалось в самостоятельное государственное образование (Колхидское царство). В силу этого факта греки-колонисты сталкивались в Колхиде с определенными ограничениями; им приходилось серьезно считаться с требованиями и интересами местных сил (вожди союзов племен, достаточно сильная родовая аристократия), а затем и с местной государственной властью.

В такой обстановке основание греческих колоний на побережье Колхиды становилось возможным лишь на основе глубоких традиций доколониционных взаимоотношений, в которых в первую очередь было бы заинтересовано местное население, особенно его социально-политическая верхушка⁵⁸.

Археологические материалы раскопок, проведенных за последнее время на Абхазском побережье, и сведения античных авторов дают основание утверждать, что при образовании и развитии причерноморских городов Кол-

⁵⁷ Инадзе, *К вопросу о характере развития городов*, стр. 769.

⁵⁸ Ломоури, *Греческая колонизация*, стр. 54.

киды ведущую роль играло местное население, которое ко времени прихода греков прошло длительный путь общественного развития и вполне было подготовлено для городской жизни. По словам М. П. Инадзе, «преобладание местного элемента в причерноморских городах Колхиды определило главным образом своеобразие развития этих городов»⁵⁹.

Колонизация в целом представляла собой длительный процесс постепенного внедрения греков в колонизируемые области, но при утверждении их на побережье Колхиды, как видно, дело не обошлось без борьбы с местным населением. Это нашло яркое отражение уже в мифе об аргонавтах⁶⁰. Да и впоследствии колонизация греков на восточном побережье Черного моря «протекала далеко не в мирных условиях. Напротив, она имела насильственный характер и происходила за счет притеснения местных жителей. Греческая колонизация имела целью не только установление торговых сношений; греки стремились захватить также территорию и покорить местных жителей, сделать их рабами»⁶¹.

Несомненный интерес в этом отношении представляют обнаруженные при раскопках Гюэноса и в других городах остатки оборонительных сооружений, свидетельствующих, что взаимоотношения местных жителей с греками не всегда были дружелюбными. Как это видно на примере открытого близ Очамчирского порта «городища» древнего города Гюэноса, греки, торгуя с местными жителями, не забывали, на случай «осложнений», укрыться за широким водяным рвом, на холме, укрепленном частоколом⁶².

Самое древнее сообщение о городах на побережье Колхиды принадлежит анонимному автору середины IV в. до н. э. Псевдо-Скилаку Кариандскому. Из абхазских поселений городского типа он называет только Диоскурию и Гюэнос⁶³.

Что касается Питиунта, то ни один из античных авторов не называет этот город греческой колонией. По-

⁵⁹ Инадзе, *К вопросу о самоуправлении*, стр. 241—242.

⁶⁰ Микеладзе, *К генезису взаимоотношений*, стр. 195—197.

⁶¹ Месхиа, *Города и городской строй*, стр. 12—13.

⁶² Соловьев, *Диоскурия—Севастополис—Цхум*, стр. 125.

⁶³ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 249.

этому считать его колонией нет пока что достаточных оснований⁶⁴. Возможно, что Питиунт образовался позднее, в результате внутренней колонизации из какого-либо местного города, скорее всего из Диоскурии.

Вопрос о времени основания первых греческих факторий на побережье Колхиды, и в частности Абхазии, тоже не может еще считаться полностью разрешенным. Некоторые авторы считают возможным допустить возникновение Фазиса и Диоскурии на рубеже VII—VI вв. до н. э.⁶⁵ Однако, по мнению других авторов, это должно было произойти позднее. Так, В. Ф. Гайдукевич утверждает, что основание колонии Диоскуриады и Фазиса вряд ли произошло ранее второй половины VI в.⁶⁶

Так или иначе можно считать, что основание первых древнегреческих факторий в Северной Колхиде, в частности в районе Поти, происходило не позднее VI в., хотя, правда, наличный археологический материал не дает пока что конкретных данных, относящихся ко времени более раннему, чем V в. до н. э.

Не решен также вопрос о том, откуда происходили основатели первых греческих колоний в Колхиде. Как известно, значительная часть колоний на черноморском побережье была основана выходцами из Милета — крупного города-порта в западной части Малой Азии. Но, по мнению В. Гайдукевича, колонизация Колхиды «осуществлялась, может быть, выходцами не из самого Милета, а из одной из милетских колоний на южном берегу Черного моря, с которыми Фазис и Диоскурия были в течение всего их существования в тесных сношениях»⁶⁷.

И действительно, Колхидские города поддерживали наиболее оживленные связи именно с греческими колониями южного побережья Черного моря. Это подтверждается достаточно многочисленным археологическим материалом, обнаруженным в Сухуми, Эшера, Даблагоми и др. Именно отсюда, надо полагать, и происходила колонизация колхидского побережья⁶⁸.

⁶⁴ Ломоури, *Греческая колонизация*, стр. 34; Инадзе, *К вопросу о характере развития городов*, стр. 69.

⁶⁵ Ломоури, *Греческая колонизация*, стр. 47—51.

⁶⁶ Гайдукевич, *История античных городов*, стр. 29.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Ломоури, *Греческая колонизация*, стр. 73.

Диоскурия Наиболее значительным портом и торгово-ремесленным центром античной Абхазии являлась Диоскурия, которая в то же время принадлежала к числу крупнейших городов черноморского побережья Кавказа.

Вопрос о местонахождении колонии долгое время оставался спорным. Одни исследователи (Ф. Дюбуа де Монпере, П. К. Услар, Д. И. Гулиа, А. В. Фадеев и др.) полагали, что Диоскурия находилась в устье р. Кодора. Одним из выдвигаемых ими доводов было то обстоятельство, что в этом районе находится местность под названием Скурча, а в эпоху позднего средневековья здесь была расположена торговая фактория Исфаур. Однако другие авторы (В. И. Чернявский, И. А. Орбели, М. М. Иващенко, Б. А. Куфтин, Л. Н. Соловьев и др.) помещали древнюю Диоскурию на берегу Сухумской бухты, опираясь на скудные сведения античных авторов и некоторые материалы раскопок.

Этот вопрос удалось окончательно разрешить лишь в послевоенные годы, когда на территории Сухуми и его ближайших окрестностей были проведены крупные археологические работы (в районе крепости, на Сухумской горе, г. Гуад-иху, в пос. Красный Маяк и др.), а также подводные разведки на дне Сухумской бухты. В результате сделанных открытий можно считать твердо установленным, что древняя Диоскурия была расположена именно в районе Сухуми. Причем результаты раскопок и подводных исследований говорят о том, что остатки основной части древнего города находятся на дне Сухумской бухты, а на территории современного Сухуми располагались лишь его окраины⁶⁹.

Следует отметить, что очертание и площадь Сухумской бухты в древнюю эпоху существенно отличались от ее современного вида. В раннеантичное время р. Гумиста впадала в море в районе нынешнего Сухуми. Дельта ее вместе с дельтой Келасури образовывала выступ, вдававшийся в море на 2 км дальше, чем современный берег. При впадении в море р. Гумиста имела лиманообразный залив, представлявший собой удобную гавань. На указанном выступе и была в основном расположена Диоскурия.

⁶⁹ Трапш. *Древняя Диоскурия*

Постепенно русло Гумисты переместилось на 6 км к западу, море затопило указанный выступ, а вместе с ним и основные жизненные центры Диоскурии (крепость, порт и др.). Это событие произошло в период, непосредственно предшествующий нашей эре⁷⁰.

Вопрос о времени основания Диоскурии пока еще окончательно не разрешен. По сообщению Флавия Арриана (II в. н. э.), Диоскурия была основана колонистами из Милета⁷¹. Если это сообщение соответствует действительности, то Диоскурия могла возникнуть не позже самого начала V в. до н. э., поскольку в 494 г. до н. э. Милет был разрушен персами и после этого его колонизационная деятельность прекратилась.

Однако, как отмечалось выше, колхидские колонии, в том числе и Диоскурия, были основаны, вероятнее всего, не самими милетянами, а милетскими колониями на южном берегу Черного моря, что могло произойти около VI—V вв. до н. э.

Вместе с тем надо отметить, что главное в вопросе об основании Диоскурии как города состоит в том, что на территории Сухуми еще задолго до возникновения античного поселения находился местный населенный пункт, история которого восходит к глубокой древности⁷². Предпосылки для возникновения здесь города складываются уже в начале I тысячелетия до н. э., в частности на базе тех поселений, которые были исследованы в районе Сухумской горы, Гуад-иху, Красный Маяк, Лечкоп и др.⁷³. Тем не менее конкретные материалы, относящиеся к античному времени, пока что не позволяют датировать появления в данном месте древнегреческой колонии ранее чем V в.⁷⁴. Хотя не исключено, что город возник несколько раньше появления здесь греков.

Не может на сегодняшний день считаться решенным и вопрос о происхождении названия «Диоскурия».

⁷⁰ См. Тезисы докладов, стр. 45—46. (Доклад Л. Н. Соловьева и Л. А. Шервашидзе).

⁷¹ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 262.

⁷² Трапш, *Некоторые итоги*, стр. 207; Соловьев, *Диоскурия—Севастополис—Цхум*, стр. 104—105.

⁷³ Хахутаишвили, *Возникновение грузинского рабовладельческого города*, стр. 192—193; Инадзе, *Города Колхиды в античную эпоху*, стр. 187 и сл.

⁷⁴ Ломоури, *Греческая колонизация*, стр. 46—47.

Древние авторы полагали, что город назван так в честь участников мифического похода аргонавтов братьев-близнецов («диоскуров») Кастора и Полидевка, которые якобы являлись его основателями⁷⁵. Однако многие исследователи считают, что в основе этого названия лежит местный корень, впоследствии по-своему осмысленный греками. Так, И. А. Орбели сводил слово Диоскурия к средневековому названию города — Цхуми, в основе которого он усматривал грузинское слово «ткупи» («близнец»), переведенное, по его мнению, в античную эпоху на греческий язык. Другие авторы (С. Джанашиа, Л. Соловьев, Т. Микеладзе) считают, что это сложное слово, состоящее из двух картвельских слов «диа» («мать») и «скури» («источник») и в переводе означает «мать рек», «мать вод». Однако ни одна из этих гипотез не идет далее более или менее правдоподобного предположения.

В самом начале своего возникновения Диоскурия, возможно, представляла собой небольшую факторию и лишь впоследствии превратилась в типичную древнегреческую колонию. Во всяком случае образование здесь крупного торгово-ремесленного центра связано с колонизацией края древними греками⁷⁶.

Следует, впрочем, отметить, что Псевдо-Скилак Кариандский при перечислении «эллинских городов» восточного побережья Черного моря не называет Диоскурию городом «эллинским»⁷⁷. Отсюда некоторые исследователи делают вывод, что Диоскурия в тот период не была еще греческой колонией⁷⁸, но другие авторы, возражая первым, считают, что этому обстоятельству нельзя придавать особенного значения, и Диоскурия с самого начала формируется как греческая колония⁷⁹.

В V—III вв. до н. э. в результате роста торговли с прибрежными городами Черного и Средиземного морей Диоскурия достигла значительного расцвета. Исходя из огромного археологического материала, добытого в различных пунктах Сухуми многолетними раскопками, мож-

⁷⁵ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 271.

⁷⁶ Инадзе, *Города Колхиды в античную эпоху*, стр. 201.

⁷⁷ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 249.

⁷⁸ Микеладзе, *К генезису взаимоотношений*, стр. 194—195.

⁷⁹ Инадзе, *Города Колхиды в античную эпоху*, стр. 197; Ломоури, *Греческая колонизация*, стр. 35.

но считать установленным, что Диоскурия в тот период была сравнительно крупным городом. Об этом прежде всего свидетельствует многочисленная чернолаковая посуда V—IV вв., обнаруженная в Сухумской крепости, в районе гостиницы «Рица», сквера Руставели, замка Баграта, железнодорожного вокзала, на Сухумской горе и т. д. Следует отметить, что большая концентрация чернолаковой посуды, как установлено раскопками, связана только с крупными античными поселениями городского типа⁸⁰.

Развитие торговых отношений с местным населением и внешними странами обусловило превращение Диоскурии в важный центр посреднической торговли; проживавшее вокруг него население поддерживало экономические связи не только между собой, но и с внешним рынком⁸¹. Историк III в. до н. э. Тимосфен Родосский в труде «Относительно гаваней» сообщал, что «в Диоскурии сходилось (с торговой целью) триста племен, говоривших на разных языках»⁸².

По словам историка и географа Страбона (I в. до н. э. — I в. н. э.), «Диоскуриада служит общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи. Сюда сходятся, говорят, семьдесят народностей, а по словам других писателей, которые менее правдивы, даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно... Сходятся же они главным образом для покупки соли»⁸³.

Сколь ни казались приведенные сведения преувеличенными, из них с несомненной очевидностью явствует, что в эллинистическую эпоху Диоскурия представляла собой весьма крупный экономический центр⁸⁴.

Гюэнос и другие поселения Другой греческой факторией на побережье Абхазии был Гюэнос, расположенный скорее всего в районе нынешнего Очамчире, на территории приморского порта у устья р. Мокви⁸⁵. Единственное упоминание о Гюэносе содержится в сочинении Псевдо-Скилака, который называет его «го-

⁸⁰ Трапш, *Древняя Диоскурия*.

⁸¹ Инадзе, *Города Колхиды в античную эпоху*, стр. 202.

⁸² Гулиа, *Приложение второе*, стр. 274.

⁸³ Там же, стр. 253 и 255.

⁸⁴ Каухчишвили, *Один из древнейших городов мира*.

⁸⁵ Куфтин, *Материалы*, т. II, стр. 264.

редом эллинским»⁸⁶. По-видимому, Гюэнос был сравнительно небольшим поселением второстепенного значения и рано утратил свое значение⁸⁷.

Как свидетельствуют раскопки городища, Гюэнос возник не ранее второй половины V в. до н. э. Он был расположен на небольшом холме, огражденном деревянной стеной и широким рвом. Здесь проживало население, которое состояло главным образом из греков, о чем красноречиво говорят многочисленные створки раковин устриц и мидий, которые не употреблялись в пищу местными жителями, но весьма характерны для культурных слоев греческих колоний⁸⁸.

За пределами холма располагалось небольшое, видимо местное, поселение, в культурных остатках которого раковины устриц не встречались и устройство жилищ было иным: люди здесь жили не в деревянных домах, а в полуземлянках. Холм и поселение прижимались к небольшому лиману, образовавшемуся в устье Джикумура — рукава Мокви. По мнению Л. Н. Соловьева, Гюэнос представлял собой «типичную торговую факторию, приспособленную к условиям сезонной торговли, оживавшей летом во время прихода торговых судов и пустевшей зимой»⁸⁹. Античное поселение в районе Очамчирского порта уже в III в. до н. э. прекращает свое существование, очевидно, в связи с обострившейся в крае к этому времени политической обстановкой⁹⁰.

В IV—II вв. античное поселение (возможно, городского типа) существовало и в районе Нового Афона, на склонах Иверской горы. Проведенные здесь археологические раскопки показывают, что население этого пункта поддерживало экономические связи с различными центрами древней Греции и Малой Азии. Об этом, в частности, говорят обнаруженные в культурном слое городища многочисленные черепки привозной (особенно синопской) керамики — амфорной и чернолаковой посуды⁹¹.

Такое же небольшое поселение было расположено и в районе Гагра; оно, по-видимому, называлось Триглит (затем Нитика).

⁸⁶ См. Гулиа, *Приложение второе*, стр. 249.

⁸⁷ Ломоури, *Греческая колонизация*, стр. 36.

⁸⁸ Соловьев, *Диоскурия—Севастополис—Цхум*, стр. 111.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Соловьев, *Энеолитическое селище*, стр. 23.

⁹¹ Трапш, *Археологические раскопки в Аникопи*, стр. 155.

**Историческое
значение
греческой
колонизации**

Греческая колонизация имела исключительно большое значение для социально-экономического и культурного развития Колхиды⁹². Прежде всего

она дала большой толчок к росту внешней торговли. С утверждением в Колхиде греческих колонистов в Западную Грузию в большом количестве стали поступать греческие товары. Особенно много привозили сюда керамических изделий (пифосы, амфоры, канфары и др.). Их остатки в виде целых сосудов и обломков были обнаружены в Сухуми, Эшера, Очамчире и в других пунктах Абхазии. В значительном количестве ввозили и предметы украшения (браслеты, кольца и пр.).

В результате развития внешних торговых связей на территории Абхазии получают распространение иноземные денежные знаки. Так, в районе Сухуми были обнаружены монеты малоазийских городов Синопа, Амиса и др.

Города кавказского побережья имели большое значение в торговле приморских экономических центров Малой Азии и Северного Причерноморья. В VI—V вв. мореплаватели на небольших судах не отваживались пересекать Черное море по прямому направлению, а совершали плавание вдоль берегов, от порта к порту. Они заходили в кавказские гавани, тем самым способствуя увеличению их торгового оборота⁹³.

Лишь с IV в. до н. э., как видно, был освоен краткий морской путь через Черное море — от Пафлогонского выступа до Таврического (Крымского) полуострова, — непосредственно соединивший южный и северный берега Черного моря⁹⁴. Однако каботажные маршруты вдоль кавказского побережья и после этого сохранили в известной степени свое значение, особенно для городов северо-восточной части Малой Азии (Трапезунт и др.).

Приморские города Колхиды сыграли значительную роль и в социальном развитии края. Они, несомненно, способствовали ускорению роста производительных сил, втягивали местных жителей в экономические связи, способствовали развитию городской жизни, ускоряли процесс классовообразования в колхидском обществе и т. д.⁹⁵.

⁹² Ломоурн, *Греческая колонизация*, стр. 69 и сл.

⁹³ Очерки, стр. 24.

⁹⁴ Максимова, *Античные города*, стр. 168.

⁹⁵ История Грузии, стр. 43—44.

В социально-экономическом отношении население колоний было смешанным и принадлежало к различным слоям: имущественная и родовая аристократия, свободные и полусвободные производители, рабы, воины и др. Следует подчеркнуть, что рабы и полусвободные, несомненно, происходили в основном из местной среды.

Вместе с тем местное население играло немалую роль в развитии древнегреческих колоний, причем с течением времени эта роль все более возрастала. Своей самобытной культурой оно оказывало большое влияние на бытовой уклад греческих поселений, расположенных на территории Абхазии.

Политическая обстановка

Как указывалось выше, значительная часть территории Абхазии входила в состав Колхидского государственного объединения, возникшего не позднее VI в. до н. э.

Следует отметить, что, по мнению некоторых исследователей, Колхидское государство как единое политическое целое вовсе не существовало. Однако с этим нельзя согласиться. Довольно определенные указания ряда античных писателей (Страбон, Плиний, Аппиан и др.), а также археологические (в частности нумизматические) данные не оставляют сомнений в его существовании.

Приведем для примера одно сообщение Плиния Секунда: «В Колхиде царствовал Аэтов потомок Савлак, который, получив во владение непочатую землю, добыл, говорят, огромное количество золота и серебра в земле племени суанов и вообще в своем государстве, славном золотыми рудниками»⁹⁶.

В данной цитате речь идет о Савлаке, монеты которого (относятся ко II в. до н. э.) были обнаружены в районе Сухуми. Здесь, в частности, обращает на себя внимание то обстоятельство, что «земля племени сванов» мыслится как часть Колхидского царства. Факт обнаружения монет Савлака в районе Сухуми вместе с другими данными дает основание считать, что этот район входил в состав владений, подвластных царю Савлаку. Таким образом, можно утверждать, что во II в. до н. э., когда Колхидское государство уже значительно ослабло, оно

⁹⁶ Гулиа, Приложение второе, стр. 276.

все-таки занимало если не всю, то во всяком случае большую часть исторической Колхиды.

О территориальных границах Колхидского царства можно сказать следующее: южная граница его проходила по р. Чороху. В частности, Псевдо-Скилак указывает на эту реку, как «крайний южный сектор «страны колхов». Что касается северной границы, то первый населенный пункт в северных пределах Колхиды, который он называет, — это Диоскурия. Таким образом, по Псевдо-Скилаку, территория Колхидского царства в его время (IV в. до н. э.) была расположена между нынешним Сухуми и Чорохи⁹⁷.

Однако по другим данным античного времени, северная граница государства проходила по Кораксу. Так, Птолемей (II в. н. э.) в своем географическом трактате указывает, что Коракс отделяет Колхиду от Сарматии. Как замечает Н. Ю. Ломоури, ошибочно отождествлять Коракс с Кодором, ибо Птолемей помещает ее севернее Диоскурии, а не южнее. Поэтому под Кораксом следует подразумевать либо Бзыбь, либо какую-нибудь другую реку в этом секторе⁹⁸. Надо также отметить, что и Псевдо-Скилак помещает «народ кораксов» к северу от Диоскурии⁹⁹. К северу от Севастополиса локализует кораксов и Плиний (I в. н. э.)¹⁰⁰.

Хотя Птолемей писал в эпоху, когда Колхидского царства уже не существовало, но он пользовался, как видно, более древними сведениями. Если вспомнить, что по ряду сообщений древних авторов г. Питиунт (Пицунда) входил в состав Колхидского государства, то можно допустить, что северная граница его доходила до р. Бзыбь (во всяком случае в эпоху наибольшего могущества царства в IV—III вв. до н. э.).

Поэтому следует считать несомненным, что территория современной Абхазии (если не полностью, то в большей части) входила в состав Колхидского государственного объединения, составляя его северную периферию, а все основные центры его находились на р. Фазис (Риони)¹⁰¹.

⁹⁷ Там же, стр. 249.

⁹⁸ Ломоури, *Клавдий Птолемей*, стр. 43, 45, 53.

⁹⁹ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 129.

¹⁰⁰ Там же, стр. 274.

¹⁰¹ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 237.

Степень подчиненности населения Абхазии колхидским царским властям была, по-видимому, несколько слабее, чем в центральных районах страны. На это, возможно, указывает и тот факт, что «колхидки», широко распространенные в Колхиде, как правило, не обнаруживаются выше Сухуми, да и на территории собственно Сухуми они крайне редки, а самый северный пункт, в котором был обнаружен клад «колхидок», — это Анаклид, расположенная на границе между Абхазией и Мегрелией.

Такое заключение тем более правомерно, что само Колхидское царство было децентрализованным государственным образованием. М. П. Инадзе, специально изучавшая его внутренний политический строй, приходит к выводу, что оно «не являлось прочным централизованным государственным объединением; оно по своему характеру близко стояло к некоторым рабовладельческим странам Ближнего Востока (например, Парфии), объединявшим многочисленные мелкие «племена», слабо связанные между собой»¹⁰². К такому же выводу пришли и многие другие исследователи (С. Н. Джанашиа, Г. А. Меликишвили, Н. В. Хоштария и др.).

Говоря о внутренней политической структуре Колхидского царства, Страбон указывал, что оно было подразделено на отдельные «скептухии», во главе которых стояли «скептухи» («скиптродержцы»). Описывая Колхиду и некоторые соседние с ней области, он отмечает, что народы их «находятся под властью так называемых скиптродержцев («скептухов»), которые в свою очередь подчинены тиранам и царям»¹⁰³. Если это указание сопоставить с другим сообщением Страбона о том, что колхидские «цари, владея страной, разделенной на провинции, не имели особенной силы»¹⁰⁴, то станет очевидным, насколько местные властители чувствовали себя самостоятельными в своих владениях.

В этой связи представляет интерес анализ содержания понятия «скептух». В различные периоды и в разных странах мира в этот термин вкладывали неодинаковое содержание. В одних случаях так называли мелких царьков раннеклассового периода, в других — племенных

¹⁰² Инадзе, *К вопросу о скептухиях*, стр. 789.

¹⁰³ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 232.

¹⁰⁴ Там же, стр. 254.

вождей позднепатриархального общества, в третьих случаях — территориально-административных чиновников крупных восточных царств¹⁰⁵.

Что касается Колхиды, то исторический анализ термина «скептух» позволяет заключить, что здесь они являлись «предводителями племен, которым царская власть поручала административные функции»¹⁰⁶. Следовательно, скептухий, из которых состояло Колхидское царство, возникли на основе этнического разделения страны. М. Инадзе пишет: «На всем протяжении существования Колхидского царства в нем сохранялись сильные территориально-этнические группы («племена»), которые при административном разделении страны не были органически слиты и смешаны между собой. Царской власти лишь временно удалось их объединить»¹⁰⁷.

Следует подчеркнуть, что термин «племена» в каждом конкретном случае должен употребляться в строго определенном смысле. В одном случае это были обычные племена, т. е. этнические организации разлагавшегося первобытнообщинного строя, в другом — «племена», которые, как уже указывалось, преимущественно должны быть квалифицированы как этнические общности, стоявшие на уровне раннеклассовых (примитивно-рабовладельческих) отношений, т. е. как небольшие народности.

С развитием и укреплением классового строя среди этих «племен» их партикуляристские тенденции должны были систематически возрастать. М. Инадзе отмечает, что скептухий «всегда имели тенденцию к превращению из административных единиц в самостоятельные княжества, и поэтому они не могли выступать в качестве прочной опоры царской власти»¹⁰⁸.

Резюмируя приведенные выше материалы, следует сказать, что административная и политическая децентрализация Колхидского царства (первичной основой которой следует считать, конечно, экономическую раздробленность страны) была в значительной степени обусловлена этнической раздробленностью края. Если соседняя Иберия (Картли) по своему этническому составу была в

¹⁰⁵ Инадзе, *К вопросу о скептухиях*, стр. 787--788.

¹⁰⁶ Там же, стр. 788.

¹⁰⁷ Там же, стр. 786.

¹⁰⁸ Там же, стр. 789.

основном однородной страной, то в Колхиде наряду с ведущей народностью — колхами — проживало немало других мелких племен и народностей, каждое из которых отличалось своей индивидуальностью. В частности, определенная этническая пестрота была характерна и для территории Абхазии, составлявшей в тот период всего лишь северную часть Колхидского государства.

Известный интерес представляет также вопрос о политических взаимоотношениях колхидской царской власти с греко-местными городскими поселениями (Фазис, Диоскурия, Гюэнос и др.), возникшими на побережье Западной Грузии одновременно с Колхидским царством.

Некоторые авторы считают, что в административном отношении греческие колонии, в том числе и те, которые основаны на абхазском побережье, были полностью подчинены колхидской царской власти. Так, Н. Ю. Ломоури пишет: «Мы думаем, что приморские города Колхиды, в образовании которых греческие колонии приняли участие, сразу же подпали под влияние местного племенного объединения, а затем экономически и политически подчинились Колхидскому царству, в силу чего они представляли собой не греческие полисы, а колхидские городские центры с определенным греческим оттенком и исполняли роль торговых городов, связывавших Колхиду с греческим миром»¹⁰⁹. «...По нашему мнению, Диоскурия, как и другие приморские города Колхиды, непосредственно входила в состав Колхидского государства. В частности, организация обороны этого города должна была быть делом колхидского царя и там должны были находиться царские войска»¹¹⁰.

Другого взгляда придерживается М. Инадзе. Не отрицая известной зависимости колхидских греческих колоний от местной царской власти, она вместе с тем считает, что колонии пользовались правом политического самоуправления, ссылаясь при этом на то обстоятельство, что Псевдо-Скилак называет Фазис и Гюэнос «эллинскими полисами». Это, по ее мнению, должно свидетельствовать о том, что в представлении данного автора упомянутые города проявляли определенное сходство с современными ему греческими городами-государствами, од-

¹⁰⁹ Ломоури, *Греческая колонизация*, стр. 61.

¹¹⁰ Там же, стр. 63—64.

ной из характерных черт которых было внутреннее самоуправление¹¹¹.

Кроме того, М. Инадзе считает, что античные монеты — «колхидки» чеканились не колхидскими властями, а местными полисами, что, по ее мнению, также свидетельствует о наличии в них городского самоуправления. Буквенные знаки, высеченные на некоторых «колхидках», она трактует как инициалы городских магистратов¹¹².

Однако вряд ли эти соображения могут послужить достаточным основанием для вывода о наличии самоуправления в колхидских приморских городах. Возьмем, к примеру, Диоскурию. Во-первых, Псевдо-Скилак ее не называет «эллинским полисом»; кроме того, этот город не имел никакого отношения к чеканке «колхидок», поскольку в районе Сухуми обнаружено весьма незначительное число этих монет. Да и вообще, как известно, большинство находок «колхидок» приходится на внутренние районы Грузии, восточнее прибрежных греческих полисов. Если бы «колхидки» чеканились самими колониями, то, естественно, находки их должны были падать главным образом на район местонахождения этих колоний¹¹³. Следовательно, вопрос о самоуправлении приморских колхидских городов пока не может быть полностью решен.

Вместе с тем наличие каких-то автономных прав у этих городов нельзя исключить. Весьма сомнительно, чтобы они находились в такой же зависимости от царской власти, как и города внутренней Колхиды. М. Инадзе права, когда говорит, что «своеобразный характер приморских городов Колхиды определялся и тем, что в отличие от греческих полисов, являвшихся в классическую эпоху независимыми политическими организациями, города Колхиды с самого же начала развивались в условиях существования в стране царской власти»¹¹⁴. Однако, в чем конкретно выразилось это своеобразие, мы пока не знаем. Можно лишь допустить, что в условиях слабости царской власти в Колхиде такие крупные приморские городские поселения, как Фазис и Диоскурия,

¹¹¹ Инадзе, *К вопросу о самоуправлении*, стр. 241.

¹¹² Там же, стр. 243.

¹¹³ Капанадзе, *Грузинская нумизматика*, стр. 32.

¹¹⁴ Инадзе, *К вопросу о самоуправлении*, стр. 242.

могли обладать определенными атрибутами автономии, рамки которой в разные периоды могли то расширяться, то сужаться в зависимости от конкретных обстоятельств.

О внешнеполитическом положении Колхидского царства мы располагаем крайне скудными сведениями. Известно, например, что в V в. до н. э. оно находилось в политической зависимости от ахеменидской Персии. Геродот определенно указывает, что владычество Персии распространялось на все Закавказье, не исключая и его горных районов. Он пишет, что дань персам кроме колхов платили и соседи последних вплоть до Кавказского хребта. Лишь «страны к северу от Кавказа и не думают о персах».

Что касается самой дани, выплачиваемой персам населением Колхиды, Геродот сообщает: «Они (колхи. — З. А.) еще до нашего времени через каждые четыре года доставляли дары, которыми себя обложили, именно 100 мальчиков и 100 девочек», известная часть этой дани падала, конечно, и на Абхазию. Причем Геродот отмечает, что указанной данью колхи якобы обложили себя «добровольно»¹¹⁵.

В действительности ни о каком добровольном обложении не могло быть речи, но тот факт, что формально дань Ахеменидам носила такой характер, указывает, очевидно, на неполную зависимость Колхиды от Персии. Ограничение этой зависимости явилось, несомненно, результатом активного сопротивления жителей Колхиды персидским захватчикам.

Кроме этих «добровольных» приношений Ахеменидам колхи были обязаны выставлять по их требованию и воинские отряды. На это указывает сообщение Геродота о том, что в составе персидских войск, вторгшихся в 480 г. в Грецию, были и колхи, которые «носили на головах деревянные шлемы, имели небольшие сыромятные щиты и короткие копья, а кроме того ножи»¹¹⁶.

Однако в IV в. Ахеменидская держава представляла уже менее могущественное государство и едва удерживала свои владения даже в Малой Азии. Поэтому вполне вероятно, что зависимость Колхиды от Персии сильно ослабла или даже полностью была ликвидирована¹¹⁷.

¹¹⁵ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 245.

¹¹⁶ Там же, стр. 245.

¹¹⁷ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 238.

Во II в. до н. э. (очевидно, в конце этого столетия) единое Колхидское государство прекратило свое существование. Важную роль в этом сыграли, надо полагать, местные этно-политические образования, которые, несомненно, тяготились верховной властью колхидского царя. Кроме того, известную роль сыграли некоторые горские (в частности северокавказские) племена, которые в тот период совершали систематические вторжения в Колхиду, особенно на территорию Абхазии¹¹⁸.

Все эти обстоятельства облегчили понтийскому царю Митридату VI Евпатору (111—63 гг. до н. э.) уже в начале своего царствования присоединить к своим владениям Колхиду, как и некоторые другие области на Кавказе и в Крыму.

Культура

Материальная и духовная культура населения Абхазии в античную эпоху поднимается в своем развитии на новую, еще более высокую ступень. С одной стороны, это было следствием дальнейшего роста местных производительных сил, а с другой — результатом резко усилившихся культурно-экономических связей с внешним миром, в первую очередь со странами Древнегреческой культуры, а затем и с эллинизированным Востоком.

Искусство и художественное творчество населения Абхазии рассматриваемого периода нашло отражение в большом и разнообразном археологическом материале, обнаруженном в ряде пунктов Абхазии.

В первую очередь отметим искусство гравировки на металлических изделиях. На них изображались искусно выполненные геометрический и растительный орнаменты, фантастические или реально существовавшие животные и пр.

К замечательным произведениям местного прикладного искусства относятся бронзовые ножны железного кинжала, найденные в с. Колхида Гагрского района. Они украшены рельефно выделенными спиралями, канатами в виде витого шнура, рельефной полоской со змеей, головкой, треугольными углублениями, которые были заполнены различными цветными массами¹¹⁹.

¹¹⁸ Там же, стр. 307 и сл.

¹¹⁹ Очерки, стр. 38—39.

О художественной снаровке местных мастеров свидетельствуют также отлитые из металла изделия: фигурки людей, лошадей, оленей, собак и т. д. Внимание привлекает бронзовый предмет ритуального назначения, найденный в с. Абгархук Гудаутского района. Этот предмет, не имеющий аналогии, представляет собой длинную (ок. 11 см) слегка изогнутую, с крючком на конце для подвешивания, бронзовую лопаточку, со стоящей на ней фигуркой всадника и украшенную по боковым краям шестью бараньими головками в кольцевых ошейниках, к которым подвешены на петлях довольно крупные бронзовые колокольчики. Предмет изготовлен путем комбинированной обработки — литьем, ковкой и спайкой. Некоторые данные позволяют датировать его V в. до н. э.¹²⁰

Весьма значительный интерес представляет группа памятников из некрополя на горе Гуад-иху, которая состоит из разнообразных бронзовых, серебряных, стеклянных и фаянсовых украшений, причем преобладающими являются бронзовые предметы: перстни, браслеты, фибулы, булавки и бусы¹²¹.

Из них особенно отличаются литые перстни, являющиеся высокохудожественными ювелирными изделиями. На их щитках помещены различные врезные изображения, сделанные с тончайшим техническим мастерством. Таковы, например, изображения человеческих фигур, сфинксов, грифонов и пр., которые по своему стилю и технике исполнения могут быть отнесены к античному художественному искусству.

Такие перстни-печати были найдены и в Эшера¹²².

Обращают на себя внимание проволочные и пластинчатые браслеты с винтообразными нарезками, елочным, кружковым, линейным и другими видами орнамента. Встречаются также браслеты, украшенные птицеобразными и змеевидными головками, на двух экземплярах имеются изящные головки драконов.

В Эшера были обнаружены незамкнутые браслеты, овал которых имеет особый выгиб внутрь. Возможно, что эта форма имитирует очертания сложного лука со спущенной тетивой¹²³.

¹²⁰ Куфтин, *Материалы*, т. I, стр. 243—245.

¹²¹ Трайш, *Краткий отчет*, стр. 224—226.

¹²² Куфтин, *Материалы*, стр. 55.

¹²³ Там же, стр. 34.

Из других видов украшений прекрасно исполнены орнаментированные бронзовые и серебряные фибулы, колокольчики с цепочками, булавками и др.¹²⁴

Бронзовые предметы и другие вещи свидетельствуют о высоком уровне культуры и искусства местного населения Абхазии второй половины I тысячелетия до н. э.

Среди господствующих слоев общества в рассматриваемую эпоху получают все большее распространение изделия из благородных металлов — золота, серебра и др. Из этих металлов изготовлялись прежде всего различные украшения, а также некоторые предметы туалета.

Дальнейшие успехи были достигнуты в области керамического производства. Расширилось разнообразие типов изделий, но древние традиции местного гончарного мастерства продолжали сохраняться¹²⁵. В то же время, в результате развития экономических и культурных связей с древней Грецией, здесь организуется производство сосудов античного типа — амфоры, пифосы и др.

Высокого уровня достигает орнаментация керамических сосудов. Говоря о керамике, обнаруженной при раскопках на Сухумской горе, А. Н. Каландадзе пишет: «Среди приемов украшения следует упомянуть о нарезном, налепном, штампованном, желобчатом и др. приемах, применения которых на поверхности сосудов различны: веревочный, елочный, ямочный, «ногтевой», зубчатый, штриховой, кружковый и др. орнаментальные мотивы... С целью придать сосуду более красочного и выразительного орнаментального рисунка здешние гончары нередко прибегали к различным сочетаниям нескольких приемов одновременно»¹²⁶. Многие из этих видов орнамента представляли собой продолжение или дальнейшее развитие доантичных способов украшения глиняных сосудов.

Наряду с памятниками местного художественного творчества на территории Абхазии широко представлены и произведения иноземного искусства. Из них прежде всего надо отметить замечательный мраморный барельеф-надгробие, найденный в Сухуми в августе 1953 г. на дне моря у устья р. Беслетки. Эта массивная плита пря-

¹²⁴ Очерки, стр. 39.

¹²⁵ Каландадзе, *Археологические памятники*, стр. 50.

¹²⁶ Там же, стр. 88.

моугольной формы (длина 157 см, ширина — 92 см, толщина — 11—12 см). Нижний левый угол плиты обломан. Мрамор, из которого сделан памятник, сероватого цвета, в Абхазии подобный мрамор не встречается.

Лицевая сторона плиты содержит сложную рельефную композицию из трех изваянных человеческих фигур. Справа изображена сидящая в кресле женщина; она обнимает правой рукой прислонившегося к ее коленям обнаженного мальчика, на которого смотрит с глубокой печалью. Мальчик, подняв голову, смотрит на нее, слегка касаясь ее бессильно опущенной левой руки. За мальчиком стоит девушка, которая также грустно смотрит на сидящую в кресле женщину; в левой руке девушка держит на уровне плеча шкатулку, по-видимому с драгоценностями. С кресла свисает часть шкуры какого-то животного.

С высоким художественным мастерством переданы чувства изображенных людей. По выполненным фигурам, живописной трактовке форм, изяществу драпировки, стройности композиции и изумительной обработке мрамора памятник является замечательным произведением античного искусства.

По аналогии изображенной на нем композиции, встречающейся в античных надгробиях конца V и особенно в IV в. до н. э., рассматриваемый барельеф можно отнести к этому же времени ¹²⁷.

Большой интерес представляет обнаруженная в Гудаута серебряная чаша полусферической формы с изображением головы Горгоны ¹²⁸. Чаши, подобные гудаутской, имели распространение в Малой Азии, Крыму и других местах. По мнению К. В. Тревер, они являются образцом греко-бактрийского искусства и датируются III в. до н. э. ¹²⁹. В таком случае, возможно, данная вещь может служить памятником взаимоотношений Колхиды с населением Средней Азии того периода ¹³⁰.

Среди привозных изделий хозяйственного назначения особенно много встречается керамической посуды, из которой отметим в первую очередь большие остродонные амфоры, служившие тарой для вина и масла, ввозимых из

¹²⁷ Трапш, *Мраморный барельеф*, стр. 164.

¹²⁸ Лукин, *Материалы*, стр. 82—84.

¹²⁹ Тревер, *Памятники*, стр. 59—61.

¹³⁰ Инадзе, *К вопросу о торговле*, стр. 116.

Рис. XIV. Мраморный барельеф-надгробие, найденный в Сухуми

Греции и Малой Азии. Эти амфоры обычно имели широкий корпус, который резко суживается книзу, придавая сосуду вытянутую коническую форму.

К другой категории привозных сосудов принадлежат амфориски — мелкие сосуды, в которых обычно содержались жидкие румяна из растительного сока.

Встречаются также пифосы (большие сосуды без ручек или с небольшими ручками, с широким горлом и сужающиеся книзу), шаровидные кувшинчики с небольшим плоским днищем, одной ручкой и длинным расширяющимся у венчика горлом, котилы — небольшие сосуды с широким горлом и узким основанием, с ручками или без них, канфары — двухручные кубки (ручки порой в виде рогообразных выступов) и др.

Дальнейшее развитие получила в античную эпоху языческая религия абхазов. Именно тогда (во всяком случае не позднее), надо полагать, окончательно сложилось представление об едином и главном божестве — Анцшва, который, по народным поверьям, являлся творцом и покровителем всей вселенной.

Четкое оформление получил весь дохристианский языческий пантеон абхазов¹³¹: Аиргъ и Ажвейпшаа — божества лесов, дичи и охоты; Айтар — бог обновления природы, размножения и скотоводства; Афы — божество прозных явлений природы; Ашьха инуху — духи гор; Дзыдзлан — божество воды; Джаджа — богиня плодородия, покровительница полей и растительности; Ерыш — божество ткацкого ремесла и некоторых других женских работ; Анана-Гунда — покровительница пчел и пчеловодства; Шашвы — покровитель кузнечного ремесла и др.

* * *

Рассмотренный выше период истории Абхазии является весьма важным этапом в жизни местного общества, принципиально отличающимся от всех предшествующих этапов его развития. Это был начальный период в истории классового (раннерабовладельческого) общества на территории края и вместе с тем период превращения его в органическую (хотя и периферийную) часть античного культурного мира наряду с другими южными областями нашей страны.

¹³¹ См. Инал-Ипа, *Абхазы*, стр. 336 и сл.

ГЛАВА IV

АБХАЗИЯ в I в. до н. э. — V в. н. э.

Этнический состав населения позднеантичной Абхазии

Саниги По вопросу об этнической принадлежности санигов в научной литературе высказаны различные мнения. Санигов объявляли сванами (И. Орбели, Д. Гулиа и др.), мегрело-лазами (Н. Марр, С. Джанашиа и др.), наконец, садзами (А. Дьячков-Тарасов и др.).

Сторонники сванской теории происхождения санигов ссылаются на следующие положения: а) в древности территория, занятая сванами, была значительно шире, чем в последующее время; б) по указанию Страбона, сваны «господствовали над Диоскурией»; в) Птолемей среди племен, проживающих «вдоль Понта», называет также и «свано-колхов», а это якобы дает основание предполагать, что сваны во II в. н. э. жили на побережье.

Однако ни один из этих доводов не может быть признан состоятельным для обоснования положения об идентичности сванов и санигов. Во-первых, сваны в древности занимали территорию нынешней Рача-Лечхуми и ряда северо-восточных районов Мегрелии, как об этом свидетельствуют топонимические данные. Возможно также, что они занимали и юго-восточную (нагорную) часть нынешней Абхазии. Однако нет никаких данных, свидетельствующих о том, что сваны когда-либо обитали на территории нынешних Гагрского и Сочинского районов, в которых именно и локализуются саниги в позднеантичное и раннесредневековое время. Во-вторых, указание Страбона, что сваны «господствовали над Диоскурией», никак не может служить доводом для локализации сванов на побережье, в районе Диоскурии. И, в-третьих, приведен-

чное сообщение Птолемея, при всей своей неопределенности («свано-колхи»), также не может служить аргументом в пользу того, что сваны занимали береговую полосу. Выражение «вдоль Понта» имеет в виду Черное море вообще, а не обязательно его побережье. Кроме того, ни один из современников Птолемея не упоминает сванов среди прибрежных племен¹.

Таким образом, сванская теория этнической принадлежности санигов не подтверждается объективными данными источников.

Теорию мегрело-лазского происхождения санигов наиболее обстоятельно попытался обосновать С. Н. Джанашиа².

По его мнению, абхазам на большей части современной территории Абхазии предшествовало население мегрельского происхождения и поэтому «можно было бы думать, что «саниги» — это происшедшее от корня «сан» вариантное название того племени мегрельского корня, существование которого на территории современной Абхазии, до расселения здесь абхазов, с несомненностью подразумевается»³.

Для подтверждения своего тезиса о мегрело-лазском происхождении санигов С. Джанашиа опирался прежде всего на Ипполита Портского (III в. н. э.), по которому якобы следует, что понятия «санны» (т. е. «заны», «чаны») и «саниги» являются идентичными. Ипполит Портский писал: «Санны (Sanni), которые называются саниками (Sannices) и простираются до Понта, где есть про-

¹ Следует, кстати, обратить внимание на то обстоятельство, что Птолемей наряду со свано-колхами называет и геинохов, которые, по мнению сторонников сванской теории (И. Орбели, Г. Меликишвили), являлись теми же санигами. Не стал бы ведь Птолемей два раза называть одно и то же «племя» под разными наименованиями. Здесь же надо отметить, что ни Артемидор, ни историки митридатых войн, на которых ссылается Страбон, при перечислении обитателей черноморского побережья Кавказа, не называют сванов в числе приморских племен. Наоборот, историки митридатых войн, по Страбону, считают сванов и фтирофагов «живущими над» приморскими племенами (см. Гулиа, *Приложение второе*, стр. 253).

² Мегрело-лазской теории происхождения санигов придерживается также М. Инадзе (см. ее статью «К вопросу об этническом составе», стр. 145—163), но она по сути дела повторяет аргументы С. Н. Джанашиа, который сам считал, что его аргументация недостаточна для окончательного разрешения вопроса об этнической принадлежности санигов.

³ Джанашиа, *Тубал-Табал*.

ход Апсар и Себастополис и Иссулимин (это гавань) и река Фасид. Эти племена простираются до Трапезунта»⁴. Как нетрудно заметить, очерченная Ипполитом территория охватывает область к югу от Себастополиса вплоть до самого Трапезунта. Здесь, в частности, отмечены следующие пункты: Себастополис, Фазис, Апсар (устье Чороха), гавань Хисус (к востоку от Трапезунта) и Трапезунт, т. е. очерчена территория, занимаемая колхским (мегрело-лазским) населением, в то время как саниги обитали к северу от Себастополиса и главным образом в нынешних Гагрском и Сочинском районах, т. е. на территории, которую Ипполит вовсе не имел в виду, когда писал о своих «санигах-саннах». Следовательно, Ипполит говорит не о санигах Арриана и других авторов, а о лазах и чанах. Этого обстоятельства С. Джанашиа, к сожалению, не учел.

Что касается указания Ипполита о том, что санны называются также санниками (*Sanni qui appellantur Sannipes*), то оно, скорее всего, возникло под влиянием созвучия этих названий. Г. Меликишвили пишет по этому поводу: «Отождествление санигов с саннами могло возникнуть на основании внешнего сходства этих названий. Поэтому нельзя считать несомненной принадлежность санигов-гениохов к западногрузинским (имеются в виду мегрело-лазы, или мегрело-чаны. — З. А.) племенам»⁵. Такое заключение тем более правомерно, что ни один из античных авторов, кроме Ипполита, не отождествляет санников с саннами (лазо-чанами), а наоборот, они четко отличают их друг от друга (Плиний, Арриан, Мемнон, Псевдо-Арриан и др.).

Ясно, таким образом, что этот довод (показания Ипполита) не может служить подтверждением принадлежности санигов к племенам мегрело-лазского происхождения и поэтому должен быть признан несостоятельным.

⁴ SC, т. II, стр. 447. Следует отметить, что Ипполита Портского почти дословно повторяет автор IV в. Евсевий Кесарийский. Приводим для сравнения соответствующее место из Евсевия: «Санны же, которые называются Санигии, которые и до Понта простираются, где соединение Апсара и Севастополя и Кавсолимин и Фазис река. Вплоть до Трапезунта простираются те племена» (SC, т. II, стр. 668). Так что указание Евсевия об идентичности саннов и санигов заимствовано у Ипполита и не может иметь самостоятельного значения.

⁵ Меликишвили, *К вопросу об этнической принадлежности*, стр. 91.

Второй довод, на который ссылается С. Джанашиа, это абхазское народное предание о «цанах»-карликах. По преданию, цаны предшествовали абхамам в горных районах Абхазии. С. Джанашиа считает возможным связать термин «цан» с названием санигов, а отсюда уже термин «саниги» увязывает с корнем этнических названий мегрельского происхождения «зан» и «чан» и делает вывод, что «собственно абхамам на большей части их нынешней территории предшествовало картвельское население сванской ветви, с одной стороны, с другой — чано-мегрельской. В приведенном предании (т. е. предании о цанах. — З. А.), по нашему мнению, мы имеем отражение именно этого факта. «Цан» в данном случае подразумевает чано-мегрельский слой. Мы думаем, что это было одно из племен чано-мегрельского ответвления, а не собственно заны (нынешние мегрелы) или, тем более, чаны. В этом нас убеждает название «цан», которое нельзя признать за факт абхазского произношения «зан» и «чан», их абхазским вариантом. Мы не видим основания такого фонетического перехода в абхазском языке, потому что абхазский язык свободно мог усвоить формы как «зан», так и «чан»⁶.

Приведенная выдержка вызывает ряд замечаний. Прежде всего: почему автору казалось, что «цаны» абхазского предания — это обязательно племя мегрело-чанского происхождения? По сути дела только на том основании, что «цан» можно увязать фонетически с «чан» и «зан». Но это отнюдь не может быть убедительным доказательством этнической идентичности санигов с каким-либо мегрело-чанским племенем, а тем более служить основанием для такого далеко идущего вывода, как существование на территории Северной Абхазии (ведь саниги обитали именно там) в позднеантичный и раннесредневековый периоды какого-то особого племени мегрельского корня, отличающегося как от мегрелов, так и от чанов. Совершенно очевидно, что на основании такого формального признака нельзя положительно решить вопрос о мегрело-чанском происхождении санигов⁷.

⁶ Джанашиа, *Тубал-Табал*, стр. 15.

⁷ Сам С. Н. Джанашиа, как уже отмечалось, отнюдь не считал, что вопрос о санигах решен им окончательно. Он писал, что вопрос этот «сложный и для его разрешения потребуется дополнительный материал» (*Тубал-Табал*, стр. 11).

Затем возникает и другой вопрос: какую конкретно часть современной Абхазии мог иметь в виду С. Джанашиа, на которой, по его мнению, мегрело-чаны и сваны предшествовали абхазам в древности? Надо думать, что он подразумевал Южную Абхазию, где действительно в феодальную эпоху (да и ранее) ясно прослеживается мегрело-сванское население. Вряд ли С. Джанашиа имел в виду территорию к северу от Сухуми и в особенности гагра-сочинский сектор, так как он, разумеется, хорошо знал, что в топонимике этого края совершенно отсутствует мегрело-сванский элемент, что, конечно, не могло бы иметь места, если бы в прошлом здесь длительное время бытовала компактная масса мегрело-сванского населения.

Таким образом, и мегрело-чанская теория происхождения санигов по сути дела не имеет под собой реальной почвы.

Наиболее приемлемой гипотезой об этнической принадлежности санигов является, на наш взгляд, предположение об их этнической связи с позднейшими джигетамисадзами, высказанное вскользь еще А. Дьячковым-Тарасовым⁸.

На такой вывод нас наводит прежде всего то обстоятельство, что саниги Арриана и Псевдо-Арриана локализируются там же, где в период позднего средневековья фигурируют садзы (садзен), или «джики» грузинских источников. Говоря о расселении садзов (до их выселения в Турцию около 100 лет назад), Л. Люлье указывал, что «племя садзен занимало пространство по берегу Черного моря от реки Хамыш до Гагра»⁹. О языке садзов нам известно мало, но те отдельные слова и фразы, которые сообщает турецкий путешественник I половины XVII в. Евлия Челеби¹⁰, позволяют заключить, что это был самостоятельный язык. Вот что писал о садзах Г. И. Филипсон в середине прошлого столетия: «Этот народ (садзы—З. А.), говорящий чистым абхазским языком, имеет еще особенное наречие — асадзипсуа, не похожее ни на абхазский, ни на адэхейский язык. Мало-помалу оно приходит к заб-

⁸ Дьячков-Тарасов, *Гагры*, стр. 43. С. Н. Джанашиа отметил это обстоятельство (*Тубал-Табал*, стр. 17), но не подверг его критическому разбору.

⁹ Люлье, *Черкесия*, стр. 9.

¹⁰ Сообщения Евлия Челеби об Абхазии и абхазах (см. ЗООИД, т. 9).

вению; им иногда говорит чернь, и то как бы украдкой от чужих людей»¹¹.

Это позволяет заключить, что асадзипсуа (букв. садзско-абхазский) — это один из языков абхазо-адыгской группы иберийско-кавказской семьи.

Важным моментом, свидетельствующим о принадлежности санигов к абхазо-адыгскому этническому массиву, являются данные топонимики гагрско-сочинской зоны. Все названия этого района принадлежат к абхазо-адыгскому языковому миру (абхазские, садзские, убыхские, адыгские), и каких-либо следов топонимики иного происхождения здесь не прослеживается. Важно отметить, в частности, такое название, как Цандрипш, — владение садзских феодалов Цанба, то же, что и «Чандлар» Евлия Челеби¹².

В древние времена, как видно, предки садзов занимали значительно более широкую область, распространяясь, в частности, и в южном направлении. На это указывает ряд фактов, прежде всего топонимического характера: название речки Садзаю, близ села Дурипш (Гудаутский район)¹³, географические названия с формой «рипш» (Цандрипш, Гагрипш, Михлрипш и др.), которые более всего встречаются именно в районе расселения садзов.

Важно отметить и то обстоятельство, что известное абхазское святилище Дидрипш (близ селения Ачандара) в древности являлось, по всей вероятности, святилищем садзов. На это намекает абхазское предание, по которому первыми жрецами Дидрипшского святилища были Садзба¹⁴, т. е. садзы по происхождению, на что указывает их фамилия.

В свете этих данных указание Арриана, что на земле санигов «лежит город Себастополис»¹⁵, получает реальное содержание. Как видно, в тот период (первая половина II в. н. э.) ареал расселения санигов в южном секторе доходил до района нынешнего Сухуми.

¹¹ Цит. по Бгажба, *Некоторые вопросы топонимики*, стр. 289.

¹² По мнению Л. И. Лаврова, в термине «Чандлар» следует видеть отражение названия санигов (см. его «О происхождении народов», стр. 195).

¹³ См. Инал-Ипа, *Дурипш*, стр. 77.

¹⁴ Чурсин, *Материалы*, стр. 39.

¹⁵ SC, т. I, стр. 222.

Владения садзов охватывали в прошлом более широкую территорию и в северном направлении. Это вытекает хотя бы из того факта, что в районах приморской Убыхии (до урочища Бордане) оставались следы садзского населения даже в середине XIX в.: «По всей земле убыхов, — пишет Г. Филипсон, — чернь знает асадзипсуа»¹⁶. Это свидетельствует о постепенной ассимиляции садзов — жителей побережья — спустившимися с гор убыхами.

Этническую обособленность санигов и их идентичность с позднейшими джиками-садзами подтверждают также грузинские исторические источники. В данной связи определенное значение приобретает факт упоминания санигов в анонимном сочинении начала XIII в. «История и восхваление венценосцев». Рассказывая о борьбе Юрия Боголюбского с царицей Тамарой, историк сообщает, что к феодальным ополчениям Западной Грузии, выступавшим на стороне Юрия, были присоединены «саниги» и «кашаги»¹⁷.

Это сообщение грузинского средневекового историка С. Н. Джанашиа считал «весьма достойным внимания», хотя и высказал следующее сомнение: не повлиял ли в данном случае на автора какой-либо античный источник. Поэтому он отметил, что «потребуется дополнительный материал для выяснения того, насколько живым было название «саниги» в XII в.»¹⁸.

Нам кажется, что сомнение С. Н. Джанашиа имело под собой определенное основание, поскольку в других средневековых источниках термин «саниги» нигде не встречается. Зато рядом с термином «кашаги» (адыги) в ряде источников того времени употребляется термин «джики», который в этих случаях всегда обозначал джигетов-садзов. Так, в списке кавказских народностей, составленном анонимным грузинским историком, жившим не позднее XIII в., джики поставлены рядом с кашагами, абхазами, сванами, мегрелами и др.¹⁹.

Грузинский историк первой половины XVIII в. Бери Эгнаташвили также упоминает джиков наряду с мегрелами, абхазами и сванами²⁰. В другом произведении того же

¹⁶ Филипсон, *Черкесы*.

¹⁷ «История и восхваление венценосцев», стр. 48.

¹⁸ Джанашиа, *Тубал-Табал*, стр. 192.

¹⁹ Кекелидзе, *Вопросы классификации*, стр. 12.

²⁰ Картлис цховреба, т. II стр. 342.

времени («Новая история Грузии») джики упоминаются вместе с черкесами²¹.

Приведенные из грузинских источников сведения позволяют сделать следующие выводы: 1) джики (садзы) являются этнической общностью, отличающейся от абхазов, черкесов, мегрелов и сванов; 2) поскольку в грузинских источниках наряду с абхазами, сванами, мегрелами и адыгами везде упоминаются джики, то автор «Истории и восхваления венценосцев» вместо термина «джики» (этот термин он нигде не приводит) употребил название «саниги». Это дает основание считать, что термин «саниги» попал в его сочинение не случайно и автор считал санигов идентичными джикам.

Что касается названия «джики», то в грузинских источниках оно употребляется в различных смыслах. В ранних источниках оно обозначало все племена адыгского корня (например, в сочинении автора XI в. Джуаншера²²). Однако с течением времени значение его суживается, и оно стало употребляться только для обозначения абхазо-адыгского племени садзов. В таком понимании оно фигурирует в сочинении анонимного хронографа XIII в.²³, в произведениях упомянутых выше Бери Эгнаташвили, авторов «Новой истории Грузии» и др.

Наиболее конкретное описание джиков и их страны мы находим у Вахушти Багратиони. У него оно полностью соответствует садзам и области их расселения²⁴.

Таким образом, приведенные выше материалы дают основание считать, что садзская теория происхождения античных санигов гораздо ближе к истине, чем гипотезы об их этнической принадлежности к мегрело-чанским или сванским племенам.

Апсилы и абазги Из этнических групп, локализуемых древними авторами на территории античной Абхазии, наиболее важное для нас значение имеют апсилы и абазги — непосредственные предки абхазской народности. Апсилы (как и саниги) впервые упоминаются в сочинении римского писате-

²¹ Там же, стр. 503.

²² Карглис цховреба, т. I, стр. 157.

²³ Там же, т. II, стр. 182.

²⁴ Багратиони, *Описание*, стр. 172.

ля I в. н. э. Плиния Секунда. В «Естественной истории» он пишет: «Племя апсиллов (gens Absilae), и крепость Себастополь, на расстоянии 100 тысяч шагов от Фазиса; племя санигов (gens Sannigae), город Кигн и город Пенний и, наконец, племена гениохов, различающихся многими названиями» (multis nominibus Heniochorum gentes)²⁵. Это ценное описание целиком можно отнести к территории современной Абхазии. Как не трудно заметить, здесь перечисление этнических единиц и городских населенных пунктов дается по направлению с юга на север. В начале он называет апсиллов, к северу от них помещает город Себастополис, затем следуют «города» — сначала Кигн, а далее Пенний; под последним, очевидно, имеется в виду город Питиунт, а под Кигном какой-то населенный пункт, расположенный между Себастополисом и Питиунтом. К северу от Питиунта простирается земля гениохов.

Первое упоминание об абазгах содержится в сочинении («Перипле») греческого автора первой половины II в. н. э. Флавия Арриана, который сообщает весьма важные сведения по этногеографии позднеантичной Абхазии. Эти сведения приобретают особую ценность потому, что в отличие от многих других авторов Арриан лично побывал на Кавказе, и в частности в Абхазии, куда ездил по специальному поручению римского императора Адриана с целью подробного ознакомления с положением дел на местах.

О племенах, проживавших на территории Абхазии, Арриан пишет следующее: «За лазами живут апсиллы (Ἀψίλλαι)... с апсилами граничат абасги (Ἀβάζγοι).. Рядом с абасгами — саниги (Σανίγαι), в земле которых лежит город Себастополь»²⁶. Однако, к сожалению, Арриан не указывает точных границ отмеченных им племенных объединений. В некотором отношении исключение составляют саниги, о которых сообщается, что на их земле был расположен Себастополис. Определенно лишь указано, что апсиллы и абазги жили между лазами (с юга) и санигами (с севера).

Вопрос о локализации этнических общностей, бытовавших на восточном побережье Черного моря в начале нашей эры, специально рассмотрен в диссертации

²⁵ SC, т. II, стр. 179.

²⁶ Там же, т. I, стр. 222.

М. П. Инадзе, посвященной монографическому исследованию сведений Ф. Арриана о Грузии. О местожительстве лазов М. Инадзе пишет: «Они в начале I в., в основном, занимали территорию южнее реки Фазис (Риони.—З. А.). В последующее время они распространяются и севернее реки Фазиса. В частности, нужно предполагать, что во II в. территория лазского княжества простиралась до реки Хобоса, т. е. современного Ингура (Арриан, Птолемей)»²⁷. Что касается расселения абазгов и апсиллов, то по этому поводу М. Инадзе говорит: «Судя по данным «Перипла», территория княжеств апсиллов и абазгов во II в. распространялась от реки Ингура примерно до Сухума (т. е. Севастополя Арриана), который находился на территории санигов»²⁸.

В дальнейшем, как видно, на территории Абхазии происходит существенное перемещение этнических общностей. М. Инадзе пишет: «Со II в., в связи с продвижением лазов к северу и занятием ими территории княжеств апсиллов и абазгов, к северу же должны были переместиться и основные группы апсиллов и абазгов. Так, например, если прежде (во II в.) северная граница княжества абазгов проходила южнее г. Севастополя (Сухуми), позднее (в V в.) таковой уже являлась река Абаск (нынешняя Псоу?), сам же Севастополь, находящийся до того на территории санигов, теперь находился на территории апсиллов.

Таким образом, апсиллы и абазги в продолжение II—V вв. заняли территорию от Севастополя до реки Абаска. Эта территория во II в. входила в княжество санигов, которое, согласно Арриану, простиралось в это время от Севастополя до реки Ахэунта (Шахе?).

К VI в. апсиллы и абазги захватили и остальную территорию санигов, подчинили их своему политическому влиянию и распространили на них свое этническое название»²⁹.

Г. Меликишвили также высказывает предположение, что уже во II в. лазы оттеснили апсиллов и абазгов на се-

²⁷ Инадзе, *К истории Грузии*, стр. 17.

²⁸ Там же, стр. 18. Следует отметить, что впоследствии М. Инадзе без каких-либо убедительных оснований «оттеснила» абазгов и апсиллов в горы, а на побережье Абхазии разместила санигов, которых она считает мегрело-чанским племенем, и лазов (см. Инадзе, *К вопросу об этническом составе*).

²⁹ Инадзе, *К истории Грузии*, стр. 18.

вер и довели свою этнографическую границу почти до района Диоскурии-Сébastополиса³⁰.

По вопросу об этнической принадлежности античных апсиллов и абазгов подавляющее большинство ученых (Н. Марр, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, А. Фадеев, Г. Меликишвили, Л. Лавров и др.) придерживаются того взгляда, что они были племенами абхазского происхождения, непосредственными предками нынешних абхазов.

Но высказано и другое положение. Например, П. Ингороква считает, что абазги и апсиллы являлись «картвельскими племенами». В этом с ним соглашаются Н. Ломоури³¹, Н. Кечакмадзе³² и некоторые другие авторы.

Однако для признания абазгов и апсиллов картвельскими племенами нет никаких реальных оснований. Как свидетельствует их последующая этническая история, они находились в прямой генетической связи именно с абхазским народом, а не с каким-либо другим этническим образованием³³. Эти этнонимы доньше сохранились в форме «апсуа» в качестве самоназвания абхазов и «абаза» — самоназвания абазин.

Племена абазов и апсиллов были ближайше родственными этническими образованиями, как на это, в частности, указывают их наименования, восходящие к одному корню — «пс»-«бз». Еще П. Услар подчеркивал, что термины «абаза» и «апсуа» суть простые видоизменения одного и того же названия³⁴.

Что касается форм «абхазы» (апхазы) и «апсил» (апшил), то они, как видно, грузинского образования. Во всяком случае грузинский облик первого термина не оставляет сомнения, а конечное «ил» второго термина восходит, возможно, к грузинскому суффиксу этнических наименований «ел» (типа «мегр-ел-и, имер-ел-и, карта-ел-и» и т. п.). На это указывает, в частности, армянская форма этнических терминов, которая, несомненно, была воспринята через грузинскую среду: «апхазк» и «апшелк»³⁵.

³⁰ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 383.

³¹ Ломоури, *Сведения*, стр. 25—26.

³² Кечакмадзе, *Флавий Арриан*, стр. 12 и др.

³³ См. З. Анчабадзе, *Из истории средневековой Абхазии*, главы I, III, VI и IX.

³⁴ Услар, *Абхазский язык*, стр. 79.

³⁵ Патканов, *Армянская география*, стр. 36.

* * *

В заключение следует привести некоторые неоспоримые свидетельства автохтонности абхазов на занимаемой ими территории и, в частности, несомненного обитания здесь их предков в античную эпоху. В первую очередь имеем в виду весьма оригинальный похоронный обряд, известный в научной литературе под названием «воздушного» погребения.

Нимфодор Сиракузский (IV в. до н. э.) говорит, что «у колхов не принято ни сжигать, ни хоронить трупы мужчин. Трупы эти они кладут в свежие кожи животных и вешают на деревья. Трупы же женщин они предают земле»³⁶. Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) сообщает, что у колхов считалось бесчестьем предавать труп мужчины земле; покойника зашивали в бычачьи шкуры и вешали на деревья»³⁷. Ник. Дамасский (I в. до н. э.) также свидетельствует, что «колхи покойников не погребают, а вешают на деревьях»³⁸. Аналогичное сообщение имеется и у Клавдия Элиана (II в. н. э.): «колхи кладут мертвых в кожи, зашивают их и вешают на деревьях»³⁹.

Такой же обычай был зафиксирован в Абхазии и в эпоху позднего средневековья. Так, автор первой половины XVII в. И. Лукка, наблюдавший этот способ захоронения в Пицунде, следующим образом описывает его: «Покойников кладут в выдолбленные пни деревьев, служащие для них гробом, и потом, привязав их к четырем столбам, для предохранения от шакалов, держат их как бы висящими в воздухе»⁴⁰. Он же рассказывает, что покойников иногда подвешивали на деревьях.

О подобном же обычае сообщает и турецкий путешественник XVII в. Евлия Челеби, который пишет: «Этот абхазский народ странным образом хоронит беков; тело усопшего кладут в деревянный ящик, который прикрепляется к ветвям высокого дерева»⁴¹.

Аналогичные сведения мы встречаем и у А. Ламберти (XVII в.). Он пишет: «У абхазов есть замечательный обычай, который нельзя найти ни у одного народа в мире, а именно: покойников не хоронят, но вешают на дере-

³⁶ Гулиа, *История Абхазии*, стр. 107.

³⁷ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 290.

³⁸ ВДИ, 1947, № 2, стр. 176.

³⁹ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 282.

⁴⁰ См. ЗООИД, т. XI, 1879, стр. 492.

⁴¹ Там же, т. IX, 1875, стр. 179.

ве следующим образом: выдалбливают ствол дерева на подобие гроба, кладут туда покойников и крепкой виноградной лозой подвешивают к верхушке дерева. На этом же дереве вешают все оружие, которое покойник в жизни употреблял на войне»⁴².

Наконец, Вахушти Багратиони (первая половина XVIII в.) сообщает, что абхазы «не хоронят своих покойников, а кладут их в гроб вместе с их оружием и украшениями, которые (затем) подвешивают на дереве»⁴³.

Характерно, что подобным образом в Абхазии хоронили людей, сраженных ударом молнии, вплоть до начала XX в.⁴⁴.

Описанный обряд «воздушного» погребения не был единственным способом захоронения покойников в античной и средневековой Абхазии. Как свидетельствуют археологические данные и письменные источники, в Абхазии в разные времена практиковались различные погребальные обряды, в том числе и грунтовые захоронения. Что касается «воздушных» погребений, не встречающихся у других народов Кавказа (кроме некоторых адыгейских племен), то они требуют, конечно, специального изучения. Для нас же в данном случае важно отметить лишь, что локализация этого обычая на кавказском побережье Черного моря на протяжении тысячелетий свидетельствует, что он восходит к предкам абхазского народа, проживавшим в античную эпоху на той же территории. Это обстоятельство подчеркивали также Д. И. Гулиа⁴⁵, Г. Ф. Чурсин⁴⁶ и др.

Далее считаем нужным отметить, что выдвинутый некоторыми авторами тезис о появлении абазгов и апсиллов на территории нынешней Абхазии лишь в первые века нашей эры полностью опровергается новейшими археологическими открытиями. В частности, раскопки в Цебелье показали, что население данного района, проживавшее здесь в I—VI вв.,⁴⁷ генетически было теснейшим образом связано с местной культурой I тысячелетия до н. э. Имен-

⁴² Ламберти, *Описание Колхиды*, стр. 189—190.

⁴³ Багратиони, *Описание*, стр. 172.

⁴⁴ Чурсин, *Материалы*, стр. 310.

⁴⁵ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 106—109.

⁴⁶ Чурсин, *Материалы*, стр. 202—204.

⁴⁷ То есть апсиллы, как это вытекает из сочинений Прокопия, Агафия и других ранневизантийских авторов (см. З. Анчабадзе, *Из истории средневековой Абхазии*, стр. 6 и сл.).

но к такому выводу пришел М. М. Трапш, исследовавший археологические памятники в Цебельде⁴⁸.

Основные аргументы, обосновывающие этот вывод, следующие:

1. Разнотипные железные втульчатые наконечники копий, встреченные в большом количестве в цебельдинских некрополях, тождественны с ранним подобным видом бронзового и железного оружия, хорошо представленным в погребениях сухумских некрополей и других могильниках Абхазии VIII—II вв. до н. э.

2. Многочисленные круглопроволочные бронзовые фибулы из погребений цебельдинских некрополей по форме дужек и некоторым другим деталям имеют аналогию с ранними колхидско-кобанскими бронзовыми фибулами.

3. Цебельдинские тонкопроволочные спирально-концентрические очкообразные подвески совершенно схожи с подобными бронзовыми подвесками, имевшими широкое распространение в Западном Закавказье и центральной части Северного Кавказа еще в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

4. Витые круглопроволочные бронзовые шейные гривны ряда погребений цебельдинских некрополей являются замечательным вещественным источником, указывающим на генетическую связь памятников Цебельды с предшествовавшими им колхидской и кобанской культурами.

5. Многие цебельдинские круглопроволочные бронзовые браслеты с разомкнутыми концами тождественны подобным бронзовым браслетам, которые на территории Абхазии и в других пунктах Кавказа появляются примерно в VIII—VII вв. до н. э.

6. Определенная часть цебельдинской керамической посуды, в частности горшки и некоторые другие сосуды, по своему происхождению, несомненно, связаны с ранней подобной керамикой, найденной в могильниках Абхазии эпохи поздней бронзы и раннего железа.

7. Многие орнаментальные мотивы погребального инвентаря цебельдинских некрополей, как, например, рельефные очкообразные и витые шнуровидные изображения, спиральные завитки, налипные бараньи и козлиные головки, врезанные волнообразные линии, елочные дорожки, ромбики и другие, поражают своим совпадением с подобными видами орнаментации, встречающимися на мно-

⁴⁸ Трапш, *Некоторые итоги раскопок*, стр. 274—275.

гочисленных колхидско-кобанских вещевых находках. Это обстоятельство позволяет сделать определенный вывод о генетической связи цебельдинской культуры с предшествовавшими ей памятниками колхидской и кобанской культур.

Таким образом, основную часть населения античной Абхазии составляли этнические общности абхазо-адыгского происхождения, в том числе непосредственные предки абхазского народа — апсилы, абазги и др. В позднеантичную эпоху (по-видимому, не ранее II в. н. э.) в Южную Абхазию проникают племена мегрело-чанского происхождения (лазы), которые оттесняют абхазов к северу. Не исключено также, что горные районы нынешней Юго-Восточной Абхазии занимали сванские этнические элементы, к которым, возможно, относились и проживавшие здесь мисимияне (первые письменные сведения о них относятся к VI в.)⁴⁹.

По вопросу о ступени развития абхазских этнических общностей античного периода необходимо сказать, что признание факта раннеклассовой структуры абхазского общества античного времени позволяет сделать вывод, что в этническом отношении данные общества не являлись уже племенами в строгом смысле слова, поскольку племя — это этническая категория доклассового общества. Что касается классового общества и его политической организации, то оно предполагает уже наличие более высокой и устойчивой этнической общности, нежели племя. Такой общностью может быть только народность. Поэтому следует считать, что абазги, апсилы и саниги в первые века нашей эры являлись небольшими народностями, тем более устойчивыми, чем больше развивались у них классовые отношения, хотя в тех условиях этническая устойчивость малых народностей была весьма относительной.

Однако дальнейшее развитие социально-экономической и политической жизни страны, в частности рост классовых отношений вглубь и вширь, неминуемо должно было обусловить этническую консолидацию небольших родственных и соседствующих народностей в более крупную этническую единицу — в единую народность. Это произошло в Абхазии в раннефеодальную эпоху⁵⁰.

⁴⁹ Анчабадзе, *Из истории средневековой Абхазии*, стр. 12.

⁵⁰ Там же, стр. 62—70.

Борьба населения Абхазии против понтийских и римских захватчиков

Колхида
и Понтийское
царство

В последней четверти II в. до н. э. в северо-восточной части Малой Азии существовало могущественное Понтийское государство, возглавлявшееся царем Митридатом VI Евпатором (III—63 гг. до н. э.).

В начале своего царствования Митридат VI присоединил к своим владениям Боспорское царство, значительную часть Черноморского побережья Кавказа, в том числе и Колхиду.

По поводу присоединения Колхиды Страбон сообщает следующее: «Когда же особенно усилился Митридат Евпатор, страна (т. е. Колхида — З. А.) перешла под его власть; в качестве наместника и правителя страны всегда посылался кто-нибудь из его друзей. В числе их был и Маоферн, дядя нашей матери с отцовской стороны»⁵¹.

Присоединение Колхиды значительно усилило позиции Понтийского царства. По свидетельству того же автора, «отсюда шла царю главнейшая помощь для организации его морских сил»⁵².

Однако население Колхиды не хотело мириться с создавшимся положением. В 83 г. до н. э. колхи, а также жители Боспора подняли восстание и отложились от Понтийского царства. Аппиан (II в. н. э.) рассказывает, что Митридат начал войну против непокорных колхов и боспоритов. По его словам, колхи потребовали у Митридата, чтобы он назначил им царем своего сына, и когда Митридат удовлетворил их требование — они покорились⁵³.

Заключение мира между понтийским царем и колхами выражало собой своеобразный компромисс: Митридат VI был вынужден восстановить в Колхиде царскую власть, но царем был поставлен не представитель местной династии, а сын самого Митридата, тоже носивший имя Митридат⁵⁴.

⁵¹ Гулна, *Приложение второе*, стр. 254.

⁵² Там же.

⁵³ Аппиан, *Митридадовы войны*, стр. 22—23, 135.

⁵⁴ Там же, стр. 135.

Однако Митридата Евпатора не устраивало это. Как только ему удалось усилить свои позиции, он лишил своего сына престола, арестовал его и вскоре приказал казнить, заподозрив в связях с колхидскими повстанцами.

После этого в Колхиде был восстановлен прежний порядок управления, который оставался без изменения вплоть до утверждения здесь римского владычества⁵⁵.

Все это свидетельствует о непрочных позициях понтийского господства в Колхиде, что заставляло Митридата VI искать себе местную политическую опору. По мнению М. Инадзе, такую опору он, по-видимому, создал в лице населения приморских городов Колхиды (в том числе и Диоскурии), которое было заинтересовано в том, чтобы поддерживать торговые связи с городскими центрами Понтийского царства, в особенности с Синопой, сосредоточившей в тот период транзитную торговлю колхидских городов со странами средиземноморского бассейна⁵⁶.

С целью привлечения на свою сторону городов Причерноморья Митридат предоставил им ряд привилегий. В частности, Диоскурии он разрешил чеканить собственную медную монету, на которой была изображена эмблема понтийского царя — жезл Дионисия⁵⁷. В результате таких мероприятий Митридату удалось заручиться поддержкой городов приморской Колхиды. По сообщению Аппиана, когда Митридат под натиском римлян в 66 г. отступил из Малой Азии, то он закрепился в Диоскурии, где провел целую зиму⁵⁸.

⁵⁵ Инадзе, *Города Колхиды в античную эпоху*, стр. 136.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ На лицевой стороне монеты были изображены две шапки Диоскуров с шести- или восьмилучевыми звездами над ними, а на оборотной стороне — жезл, по сторонам которого помещалась греческая надпись в три строки ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑ ΔΟΣ (см. Д. Капанадзе, *Грузинская нумизматика*, стр. 40—41).

⁵⁸ Аппиан, *Митридатовы войны*, стр. 195—196. Находясь в Диоскурии, Митридат, по свидетельству Аппиана, составил план дальнейшей борьбы против римлян, по которому он сначала намеревался захватить Боспорское царство, где правил изменивший ему его сын Махара, а оттуда вторгнуться непосредственно в Европу. Однако этому замыслу не суждено было осуществиться. Убедившись в тщетности дальнейшего сопротивления, Митридат покончил жизнь самоубийством в Пантикапее.

Тем временем политическое положение Понтийского царства резко ухудшилось. Римское рабовладельческое государство, стремившееся полностью завоевать Малую Азию и побережье Черного моря, одержало окончательную победу в упорной борьбе против Митридата и его союзников — армянского, иберского и албанского⁵⁹ царей.

После бегства Митридата из Малой Азии римские легионы под командованием Гнея Помпея захватили Армению, Иберию и вторглись в Колхиду. Говоря о причинах вторжения римлян в Закавказье, Г. А. Меликишвили пишет: «Нельзя думать, что причиной данного похода было лишь преследование Митридата или, идя в поход против этих закавказских областей, Помпей стремился лишь к увеличению своей славы, простому расширению пределов римских завоеваний, захвату добычи, пленных и т. д. Несомненно, римляне должны были иметь также и другие, особые интересы в Закавказье. Для них должно было стать ясным исключительно большое стратегическое значение Закавказья как барьера против северных кочевников. К этому следует добавить и то, что Закавказье представляло важную артерию для связи с Северным Причерноморьем, особенно влекущим римлян как богатейший источник добывания рабов. Закавказье привлекало римлян также и с точки зрения его использования в качестве торгово-транзитной дороги, связывающей Средиземноморье со странами Средней Азии, Индии и далекого Китая»⁶⁰.

О походе римлян в Западную Грузию римский историк Дион Кассий рассказывает следующее: Помпей «прошел через земли колхов и их соседей, действуя то убеждением, то страхом». Так он дошел до Фазиса, где его встретил Публий Сервий с римской эскадрой. Однако двигаться дальше Помпей не решился, опасаясь сопротивления местного населения. По словам Диона Кассия, Помпей, «узнавши здесь, что путь по материке идет через земли многих неизвестных и воинственных племен, а морской путь еще затруднительнее вследствие отсутствия гаваней в этой стране и суровости ее обитателей,

⁵⁹ Албанией называлось государство, расположенное на территории нынешнего Азербайджана.

⁶⁰ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 324.

приказав флоту сторожить Митридата..., сам отправился против албанцев»⁶¹.

По сообщению Аппиана, Помпей поставил во главе колхов некоего Аристарха⁶². До нас дошла монета (драхма), чеканенная именем Аристарха и датированная 52/51 г. до н. э.⁶³.

Аристарх был правителем только центральной части Колхиды, и резиденцией его был один из прибрежных городов Восточного Причерноморья, может быть Фазис, а «воинственные племена Северной Колхиды вряд ли подчинялись кому-либо»⁶⁴.

Однако римляне считали покоренной их власти всю Колхиду. Когда в Риме был устроен триумф по случаю возвращения Помпея, то, как сообщает Аппиан, «впереди самого Помпея шли все те, которые были сановниками, детьми или военачальниками побежденных царей, одни будучи пленниками, другие данные в заложники», и среди них — «скептух колхов Олтак»⁶⁵.

Во второй половине I в. до н. э. в Риме в результате внутренних социально-политических противоречий произошло падение республики и установление монархического строя во главе с императором.

Воспользовавшись этим, сын Митридата VI Евпатора Фарнак, который стоял во главе Боспорского царства и был союзником римлян, поднял восстание и отложился от них. Дион Кассий сообщает по этому поводу следующее: «Фарнак... начал стремиться к возвращению себе отцовского царства... и захватил много местностей... Он без труда подчинил себе Колхиду и всю Армению, некоторые города Каппадокии и Понта».

Таким образом, Колхида перешла под власть Фарнака, на короткий срок превратившегося в царя не только Боспора, но и Колхиды, Понта и Малой Армении⁶⁶. Однако в борьбе с Римом Фарнак потерпел в конечном итоге поражение и вскоре погиб.

После его смерти развернулась ожесточенная борьба

⁶¹ SC, т. II, вып. 1, стр. 615.

⁶² Аппиан, *Митридатовы войны*, стр. 221.

⁶³ Капанадзе, *Грузинская нумизматика*, стр. 42.

⁶⁴ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 332.

⁶⁵ Аппиан, *Митридатовы войны*, стр. 224.

⁶⁶ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 332.

между новым правителем Боспора Асандром и ставленником Рима в Понтийском царстве Митридатом Пергамским. Колхида стала ареной военных действий⁶⁷, в результате которых она была сильно разорена.

Ослаблением Колхиды воспользовались соседние воинственные племена и стали подвергать ее, и в частности территорию Абхазии, систематическим вторжениям. Плиний Секунд относительно Диоскурии сообщает, что «город этот теперь опустошен». По его же словам, «в высшей степени богатый город Питиус, лежащий внутри этой страны, был ограблен гениохами»⁶⁸.

Подробные сведения о набегах гениохов и других племен сообщает Страбон. Он пишет: «За Синдикой и Горгипией идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и гениохов... Обитатели его живут морским разбоем, для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около двадцати пяти человек и редко могущие принять тридцать; эллины называют их камарами... Выходя в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность или даже город, они господствуют в море. Случается, что им содействуют и владельцы Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Возвращаясь в родные места, они, за неимением стоянок, взваливают свои камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву; а когда наступит время плавания, они снова сносят камары на берег. Так же поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удается им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших. В местностях, где есть самостоятельные правители, обижаемые еще находят некоторую помощь со стороны своих вождей»⁶⁹.

По мнению Г. А. Меликишвили, после Аристарха Колхида больше уже не представляла отдельной единицы в качестве римской провинции⁷⁰.

⁶⁷ Там же, стр. 333.

⁶⁸ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 274.

⁶⁹ Там же, стр. 251—252.

⁷⁰ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 333.

В конце I в. до н. э. Колхида входила в состав владений понтийского царя Птолема. Страбон сообщает: «С падением Митридата рушилось все подвластное ему царство и было разделено между многими лицами. В последнее время Колхидой владел Птолемей, а после его смерти правит супруга его Пифодорида, царствующая и над колхами, Трапезунтом, Фарнакией и живущими выше ее варварами»⁷¹. Таким образом, в начале нашей эры под властью Пифодориды находилось все Юго-Восточное Причерноморье, а сама она являлась вассалом Римской империи.

Однако в 63 г. н. э. римляне превратили Понт в свою провинцию и утвердились в районе Восточного Причерноморья и в Крыму. В этом отношении интерес представляет следующее сообщение античного автора того времени Иосифа Флавия, который пишет: «Гениохи, и колхи, и племя тавров, и босфораны, и народы, живущие вокруг Понта и Меотийского озера, которые прежде не знали даже и собственного повелителя, повинуются теперь трем тысячам гоплитов (тяжеловооруженных), а сорок военных кораблей создали спокойствие и мир на диком море (Понте), по которому прежде нельзя было плавать»⁷².

Однако положение в Колхиде на самом деле не было столь мирным и спокойным, как об этом заявляет И. Флавий. По сообщению Страбона, набеги соседних племен (гениохов и др.) на римские владения продолжались. От них, по его словам, «области, подчиненные римлянам, более беспомощны вследствие нерадения посылаемых ими правителей»⁷³. Он же свидетельствует, что все побережье Черного моря подчинено римлянам, «если не брать в расчет земель ахейцев, зихов и гениохов, ведущих разбойническую и кочевую жизнь в тесных и скудных местностях»⁷⁴.

Вполне естественно, что в такой обстановке население Колхиды все больше и больше проявлявшее недовольство римским господством, подняло в 69 г. н. э. массовое восстание против римлян во главе с представителем мест-

⁷¹ Гулна, Приложение второе, стр. 254.

⁷² Там же, стр. 276.

⁷³ Там же, стр. 252.

⁷⁴ Там же, стр. 257.

ных племен Аникетом⁷⁵. Хотя основным очагом восстания была Южная Колхида, но, по-видимому, и Северная Колхида не оставалась в стороне от этой борьбы. Во всяком случае одно из североколхидских племен (седохезы), жившее вблизи Ингури, на определенном этапе восстания принимало в нем активное участие. Не случайно, что после поражения восстания Аникет и многие его сторонники бежали именно сюда, но впоследствии были выданы римским властям «царем» седохезов.

Восстание Аникета показало Риму несбыточность замысла полного подчинения Колхиды. Для Рима становится очевидным, что в Колхиде, как ранее в Иберии, ему фактически придется довольствоваться установлением союзнических отношений. Не случайно поэтому, что уже при императоре Траяне (98—117) Колхида начинает фигурировать наравне с Иберией. По сообщению римского историка Европия, Траян «принял колхов в подданство», так же как иберов и некоторые другие народы⁷⁶.

Уже при Траяне (если не раньше) между Римом и политическими образованиями, возникшими на территории Колхиды, складываются отношения вассально-политической зависимости. В «Перипле» Флавий Арриан отметил на территории, соответствующей нынешней Абхазии, три политические единицы. В своем отчете императору Адриану он сообщает: «За лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абасги; у абасгов царь Рисмаг; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с абасгами — саниги, в земле которых лежит Себастополь; царь санигов Спадаг получил царство от тебя»⁷⁷.

Из сведений Арриана выясняется, что в первой половине II в. римский гарнизон стоял только в Диоскурии, которую римляне переименовали в Себастополис в честь императора Августа, имевшего прозвище «Себастос» («величественный»).

Касаясь вопроса о характере взаимоотношений между Римом и политическими образованиями Абхазии, Г. А. Меликишвили пишет: «Наиболее слабое (?) из су-

⁷⁵ Болтунова, *Восстание Аникета*; см. Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 365—367.

⁷⁶ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 369.

⁷⁷ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 263.

ществовавших тогда на восточном побережье Черного моря объединений «Царство апшилов» в силу создавшейся обстановки, возможно, раньше других старалось заручиться поддержкой Рима. То, что царь апшилов «получил власть» от Траяна, в то время как «цари» лазов, абасгов и санигов лишь — от Адриана, конечно, нельзя понять обязательно в том смысле, что подобная практика («получение власти», т. е., очевидно, утверждение) в отношении правителя апшилов установилась при Траяне, а в отношении остальных — при Адриане. Можно допустить, что и предшественники Малассы (царя лазов), Рисмага (царя абасгов) и Спадага (царя санигов) также «получали власть» от Траяна или от какого-либо другого императора. Однако следует обратить внимание также и на то, что в отличие от «царей» лазов, абасгов и санигов, носящих местные имена, царь апшилов носит римское имя (Юлиан). Поэтому нам кажется небезосновательным предположение о наличии у апшилов сравнительно ранее наметившейся римской ориентации, в связи с чем вышеотмеченный факт «получения власти» то от Траяна, то от Адриана можно понять в том смысле, что он указывает на установление такой практики в отношении апшилов при Траяне, а в отношении лазов, абасгов и санигов — при Адриане. Конечно, это вовсе не означает отсутствия той или иной зависимости населения прибрежной полосы Западной Грузии от Рима в предшествующую эпоху. Наоборот, это является свидетельством признания Римом сложившихся здесь новых политических образований и укрепления последних»⁷⁸.

Таким образом, Риму не удалось превратить Колхиду в свою провинцию. На ее территории возникает ряд местных политических образований, и Рим был вынужден ограничиться лишь признанием их правителями верховной власти римского императора. Правители эти были, несомненно, местного происхождения, о чем свидетельствуют хотя бы их имена, а «получение власти» от того или иного императора предполагает, вероятно, лишь формальное утверждение Римом их прав. В чем остальном выражалась эта зависимость от Рима, сказать трудно; по-видимому, она не выходила за рамки дипломатических или военных сфер. Нет оснований полагать также, что в

⁷⁸ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 372—373.

обязательства этих правителей входила и выплата дани⁷⁹.

Однако с течением времени, как видно, римляне несколько укрепили свое положение на территории Абхазии. Если во времена Арриана римский гарнизон стоял только в Себастополисе, то в конце II в. или во всяком случае в начале III в. римские войска разместились также и в Питиунте. Одним из подтверждений этого факта может служить находка в Пицунде, в культурном слое конца II — первой половины III в., керамической плитки с сохранившейся частью латинской надписи *leg*, что, надо полагать, является клеймом размещенного здесь легиона, как это обычно было принято у римлян⁸⁰.

Между тем в III в. политическая обстановка существенно изменилась. В результате нараставших социально-политических противоречий внутреннее положение Римской империи заметно ухудшилось, а на внешние границы ее все активнее стали насаждать многочисленные племена варваров. Не избежали этого натиска и колхидские владения Рима, в первую очередь территории Абхазии.

В силу этих обстоятельств, по мнению Г. А. Меликишвили, римские легионы, размещенные в Колхиде, превратились из орудия давления на соседние местные объединения в средство для борьбы с опасностью вторжения северных племен. Военный союз между Римом и колхидскими политическими образованиями становится необходимым для обеих сторон⁸¹. У римских войск в Колхиде наряду с поддержанием господства над местным населением теперь появляется дополнительная функция, выражавшаяся в необходимости противостоять внешним вторжениям. В этом, конечно, они могли в известных случаях рассчитывать и на поддержку местного населения.

Интересные сведения о набегах готов (скифов) на побережье Колхиды в середине III в. сообщает историк Зосим (вторая половина V в.). В своей «Новой истории» он пишет: «Скифы опустошили области до Каппадокии, Питиунта и Эфеса». В 252 г. правители Боспора «предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они взяли обратно, и возвратились домой. Когда скифы стали опустошать все,

⁷⁹ Там же, стр. 373.

⁸⁰ Лордкипанидзе, *Предварительный отчет*, стр. 105—106.

⁸¹ Цит. по Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 379.

[что было] на пути, жители побережья Понта удалились в глубь страны в лучшие укрепления, а варвары прежде всего напали на Питиунт, окруженный огромной стеной и имевший весьма удобную гавань. Когда Сукессиян, стоявший во главе местного (римского. — З. А.) гарнизона, выступил с бывшими там силами и прогнал варваров, то скифы, опасаясь, чтобы гарнизоны других укреплений, узнав [об этом] и соединившись с питиунтским отрядом, не уничтожили их окончательно, захватили какие могли суда и с величайшей опасностью удалились домой, потеряв под Питиунтом многих из своих. Жители [побережья] Эвксинского Понта, спасенные, как мы рассказали, искусными действиями Сукессияна, надеялись, что скифы, отбитые сказанным способом, никогда больше не [осмелятся] переправиться. Но когда Валериан отозвал Сукессияна, дал ему должность при дворе и вместе с ним занялся делами Антиохии и ее заселением, скифы снова взяли у боспорцев суда и переправились в [Азию]. Удержав суда и не позволив боспорцам, как прежде, возвратиться с ними домой, они пристали вблизи Фазиса, где, как говорят, было построено святилище Фасианской Артемиды во дворце Ээта. Сделав безуспешную попытку взять святилище, они пошли прямо на Питиунт; без малейшего затруднения взяв [это] укрепление и вырезав бывший в нем гарнизон, они двинулись дальше»⁸².

В условиях систематических внешних вторжений зависимость Колхиды от Римской империи заметно ослабла. Если, с одной стороны, местные племена вынуждены были поддерживать римские гарнизоны в моменты нашествий северных варваров, то когда непосредственной угрозы таких нашествий не было, они должны были использовать ослабление римских войск в своих политических интересах, конечной целью которых было достижение полной независимости.

Одной из причин ослабления римского господства в Колхиде, и в частности на территории Абхазии, было то, что отношения Рима с кавказским побережьем не приобрели характера прочных экономических и культурных связей⁸³. Римские правители преследовали в Абхазии главным образом свои военно-стратегические и полити-

⁸² Там же, стр. 379—380.

⁸³ Очерки, стр. 33.

ческие цели. Восстановленные и укрепленные ими города являлись прежде всего военными форпостами на дальних подступах к империи, опираясь на которые, они не раз пытались подчинить себе весь край. Однако все их попытки проникнуть в глубь страны неизменно наталкивались на активное сопротивление местного населения. Археологические раскопки, проведенные в последние годы во внутренних районах Абхазии, в частности в Цебельде, показывают, что местное население в рассматриваемую эпоху было весьма хорошо вооружено. «Наличие большого количества оружия в цебельдинских некрополях свидетельствует об исключительно воинственном характере местного населения, которое во II—IV вв. вело упорную борьбу с римскими захватчиками»⁸⁴.

В конце III в. центр Римской империи постепенно перемещается на Восток, а в 330 г. столицей ее становится Константинополь. В связи с этим наблюдается некоторое укрепление римского влияния в восточных провинциях. Возможно, что в первой половине IV в. римские гарнизоны вновь стояли в прибрежных городах Центральной и Северной Колхиды. Историк Зосим, сообщая о разделении императором Константином (306—337) единого государства на четыре области, в составе одной из них (префектура «Восток») упоминает «все Поморье от Памфилии до Трапезунта и укреплений на Фазисе»⁸⁵. Под последними, надо полагать, имеются в виду все укрепления на территории Колхиды, не исключая и тех, которые были расположены в Абхазии.

Во второй половине IV в. у кавказских границ империи появляется противник еще более грозный, чем готы, — гунны, воинственный кочевой народ, вторгшийся в Европу из Центральной Азии. Охрана путей через Кавказский хребет (Клухорский и Марухский перевалы) теперь приобрела для Рима особо важное значение и составляла одну из главнейших обязанностей римского гарнизона в Абхазии. В таких условиях, разумеется, римские власти должны были всячески стремиться поддерживать лояльные отношения с местными политическими образованиями, что постепенно приводило к дальнейшему ослаблению зависимости последних от Римского государства.

⁸⁴ Трапш. *О некоторых итогах археологических исследований*, стр. 187.

⁸⁵ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 381.

Археологические раскопки на территории Сухумской крепости показывают, что в конце IV—начале V в. жизнь здесь постепенно замирает. Вокруг и даже внутри крепостных стен совершаются погребения; это, возможно, говорит о том, что укрепление в какой-то мере потеряло свое значение⁸⁶. То же самое можно сказать и в отношении Питуунта.

После образования Восточноримской (Византийской) империи ее взаимоотношения с политическими образованиями Западной Грузии принимают новый характер, рассмотрение которого выходит за рамки настоящей работы.

Города Абхазии и социально-экономическое развитие местного населения

В рассматриваемую эпоху в развитии городских центров Абхазии произошли существенные изменения. Если в раннеэллинистический период они переживали расцвет социально-экономической жизни, то с конца II в. до н. э. начинается их постепенный упадок. Это обстоятельство объясняется не только внешнеполитическими условиями, но и важными сдвигами во внутренней жизни местного общества, в частности дальнейшим развитием социальной дифференциации населения, приводившей к концентрации земельной собственности в руках немногих и разорению основной массы непосредственных производителей. В результате значительная часть населения вынуждена была покидать насиженные места и уходить в другие районы. Как показывают археологические материалы, ряд пунктов, населенных в предшествующий период, в этот период прекратил свое существование.

Другим фактором, вызвавшим резкий упадок городской жизни в Абхазии того времени, было установление понтийского господства в Колхиде и длительные войны между Митридатом и Римом, в которые были втянуты Колхида и вместе с ней Абхазия⁸⁷.

Сложившаяся обстановка привела к тому, что происходит коренное изменение во взаимоотношениях между населением городов Абхазии и соседними племенами. Ес-

⁸⁶ Шервашидзе, Соловьев, *Исследования*, стр. 177.

⁸⁷ Инадзе, *Города Колхиды в античную эпоху*, стр. 135—138.

ли в предшествующую эпоху эти отношения носили в основном мирный характер, то теперь, пользуясь ослаблением городов, соседние племена начинают осуществлять по отношению к ним ярко выраженную агрессивную политику. В этой связи большой интерес представляет цитированное выше сообщение Плиния, что «богатый город Питиунт... разграблен гениохами», а Себастополис «теперь (середина I в. н. э.) находится в запустении»⁸⁸.

Письменные сообщения Плиния наглядно подтверждаются материалами археологических раскопок в районе древних городов Абхазии. Так, культурный слой I в. до н. э. — начала I в. н. э. на территории Сухумской крепости оказался очень слабо выраженным и дал лишь единичные находки, что явно свидетельствует об упадке и кризисе в жизни древней Диоскурии⁸⁹.

Себастополис Римские власти вскоре после утверждения своего владычества стали рассматривать Себастополис только как город-крепость. Результаты археологического изучения Сухумской крепости в I—II вв. н. э. свидетельствуют, что здесь производились значительные строительные работы, в частности были возведены новые укрепления⁹⁰.

В первой трети II в. Себастополис представлял собой крепость с небольшим римским гарнизоном. Побывавший здесь в это время Арриан за полдня «успел выдать жалованье солдатам, осмотреть коней, оружие, прыгание всадников на коней, больших и хлебные запасы, обойти стену и ров»⁹¹. Из этого сообщения видно, что Диоскурия — Себастополис утратил свое прежнее экономическое значение и превратился в обычное военное поселение. Не случайно Арриан ничего не пишет о хозяйственной жизни города. Однако в последующее время, примерно со второй половины II в., Себастополис постепенно растет и к III в. становится сравнительно крупным торгово-ремесленным центром. Культурный слой, относящийся к тому периоду, в отличие от предшествующего времени богат разнообразными находками, свидетельствующими о расцвете городской жизни⁹².

⁸⁸ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 274.

⁸⁹ Апакидзе, Лордкипанидзе, *Отчет*, стр. 41.

⁹⁰ Шервашидзе, Соловьев, *Исследования*, стр. 177.

⁹¹ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 262.

⁹² Апакидзе, Лордкипанидзе, *Отчет*, стр. 41.

Обитатели города занимались различными видами хозяйственной деятельности, удовлетворявшими не только их главные потребности, но и позволявшими иметь торгово-экономические связи как с внешним миром, так и с местным населением⁹³. Таким образом, «крепость, возникшая как оплот римской агрессии на Кавказе, с течением времени сделалась крупным экономическим центром. Она скоро обросла предместиями. От нее шли торговые пути в глубь страны, в частности на Клухорский перевал»⁹⁴.

Археологические находки раскрывают яркую картину хозяйственной жизни города. Культурные слои, относящиеся к тому времени, насыщены многочисленными предметами (фрагменты кирпичей, черепицы, водопроводных труб, черепков различной глиняной посуды — привозной и местной, обломки стеклянных сосудов). Найдены также остатки жерновов ручной мельницы, железные долота и четырехгранные гвозди, рыболовные крючки, металлические шлаки, кости животных, скорлупа грецкого ореха, косточки персиков и т. д. Из перечисленных находок преобладающим и массовым материалом является посуда⁹⁵.

Многие из перечисленных ремесленных изделий производились на месте. Особенно это относится к керамической продукции. Севастополис, как видно, становится в тот период одним из центров керамического производства на черноморском побережье Кавказа. Изготовленные здесь сосуды вывозились на продажу за пределы края. На это, в частности, указывает находка в районе Сухумской крепости большой гончарной печи⁹⁶. Кроме того, горожане занимались кузнечно-слесарным и ткацким ремеслом, строительным делом, земледелием, садоводством, рыболовством и т. д.

В Сухумской крепости обнаружено также немало монет. Все они являются провинциальными римскими монетами, в основном трапезунтского происхождения. Большинство из них относится к периоду с конца II по IV в. н. э. На некоторых монетах сохранились изображения римских императоров⁹⁷. Отмеченные нумизматические

⁹³ Трапш, *Раскопки древнего Севастополиса*, стр. 253.

⁹⁴ Шервашидзе, Соловьев, *Исследования*, стр. 178.

⁹⁵ Трапш, *Раскопки древнего Севастополиса*, стр. 243

⁹⁶ Там же, стр. 247 и сл.

⁹⁷ Там же, стр. 247.

находки свидетельствуют об оживленных внешнеэкономических связях Себастополиса преимущественно с городами Южного Причерноморья.

Со второй половины IV в. Себастополис постепенно начинает приходить в упадок. Как свидетельствуют археологические материалы, в течение этого столетия жизнь в Себастополисе постепенно замирает, а в начале V в. «укрепление в какой-то мере потеряло свое значение»⁹⁸. Раскопками определенно устанавливается, что «в конце V в. город Себастополис утратил свое прежнее значение. На обследованных участках Сухумской крепости нет соответствующего культурного слоя, который мог бы говорить об обратном»⁹⁹.

Аналогичный путь развития в рассматриваемую эпоху прошел и Пителиунт. Если еще Страбон называл его «великим Пителиунтом»¹⁰⁰, то в начале нашей эры, как уже отмечалось, он находился в запустении, а Арриан в своем «Перипле» называет его простой стоянкой. Однако во второй половине того же столетия город начинает переживать подъем. Очевидно, именно в этот период здесь была построена крепость и размещен римский гарнизон. Экономическая жизнь здесь достигает расцвета в первой половине III в. К этому времени относятся обнаруженные в Пителиунте значительные денежные клады, которые свидетельствуют о концентрации богатств в руках отдельных лиц.

Находки монет на территории пицундского городища прекрасно иллюстрируют его экономическое развитие. В этом отношении весьма характерен анализ нумизматического материала из раскопок городища, сделанный Г. Ф. Дундуа¹⁰¹. Если I в. представлен только двумя монетами, то от II в. до нас дошло уже 29 монет. Несравненно больше монет относится к III в. (312). Это наглядно

⁹⁸ Шервашидзе, Соловьев, *Исследования*, стр. 177.

⁹⁹ Трапш, *Раскопки древнего Севастополиса...*, стр. 253. Следует отметить, что этому выводу цитированных выше авторов противоречит заявление А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе, которые утверждают, что культурный слой IV—V вв. на территории Сухумской крепости «дал материал, свидетельствующий об интенсивной экономической жизни в городах Северо-восточного Причерноморья в период возникновения и расцвета Лазского (Эгрисского) царства» (см. Труды АИЯЛИ, т. XXXIII—XXXIV, 1963 стр. 222).

¹⁰⁰ Гулиа, *Приложение второе*, стр. 252.

¹⁰¹ См. Аннотации, стр. 62—68.

свидетельствует о том, что III век тоже был временем расцвета городской жизни в Пителиунте.

Следует вместе с тем отметить, что около половины общего количества найденных монет (149) было обнаружено в виде клада, причем самая поздняя его монета датируется 244—245 годами. Происхождение этого клада, возможно, связано с нападением на Пителиунт готов в середине III в.

Однако Пителиунт, видимо, быстро оправился от вражеского нашествия, ибо вторая половина III в. характеризуется значительным количеством нумизматических находок. Еще богаче представлен монетами IV в. На это столетие приходится 500 монет из общего числа 1050 I—IV вв., обнаруженных в районе древнего Пителиунта. Из них 311 монет составили отдельный клад.

По месту чеканки найденных монет можно ясно представить основное направление внешнеэкономических связей города. Так же как и в Себастополесе, подавляющее большинство этих монет происходит из Малой Азии, главным образом из Трапезунта. В рассматриваемый период города Абхазии поддерживали с ним очень тесные связи. На это указывает то обстоятельство, что из общего числа ныне известных трапезунтских городских монет (278) подавляющее большинство найдено в районе Пицунды и Сухуми. В этой связи надо отметить тот факт, что на побережье Абхазии заканчивался важный торговый путь, связывавший Западную Грузию с восточными провинциями Римской империи, в частности с Малой Азией¹⁰².

Так же как и Себастополес, Пителиунт во второй половине VI в. начинает утрачивать свое значение. Судя по нумизматическим находкам, в 60—70-х годах этого столетия город пережил большое разорение. Число находимых монет в сравнении с предшествующим временем резко уменьшается: V в. представлен только 11 медными монетами византийского времени¹⁰³.

* * *

Говоря о расцвете хозяйственной жизни Себастополеса и Пителиунта рассматриваемого периода, надо подчеркнуть, что их экономическое значение существенно отличается от той роли, которую они играли в эллинистическую

¹⁰² Ломоури, *К вопросу о торговых путях*, стр. 117.

¹⁰³ Аннотации, стр. 67.

эпоху (IV — II вв. до н. э.), когда города Абхазии являлись преимущественно экономическими центрами Колхиды. Теперь же они главным образом обслуживают экономические и политические интересы Рима¹⁰⁴. Однако это не исключало их важной роли в экономической жизни местного населения.

Причину же упадка значения этих городов следует видеть в общем социально-экономическом и политическом кризисе, который переживало тогда рабовладельческое общество и весь античный мир, органической частью которого была историческая Колхида, и в частности города Абхазии того периода. Положение ухудшалось и в результате участвовавших вторжений варварских племен, чего не сумели избежать и позднеантичные абхазские города, как мы это видим на примере Питиунта.

Социально-экономическая жизнь сельского населения

О социально-экономической жизни сельского населения Абхазии рассматриваемого периода наиболее ценный материал дали археологические раскопки в районе Цебельды¹⁰⁵.

Раскопанные здесь могильники, относящиеся к I—V вв., расположены по склонам холмов на расстоянии от 600 м до 1 км друг от друга. Этот факт свидетельствует о том, что в рассматриваемую эпоху Цебельда была густо населена. Она лежала на древнем торговом пути из Себастополиса на Северный Кавказ через Клухорский перевал¹⁰⁶.

Количество и качество выявленного могильного инвентаря в погребениях цебельдинских некрополей указывают на увеличение имущественного и социального неравенства сельского населения, на выделение слоя сравнительно богатых людей, принадлежащего к социально-господствующей верхушке общества. Эти факты свидетельствуют о распаде цебельдинской родовой общины и формировании здесь классовой общественно-экономической формации¹⁰⁷. На это указывают также обнаруженные здесь монеты и памятники христианской культуры. Вместе с тем наличие в инвентаре могильников римских монет и таких изделий, как стеклянные сосуды, янтарные

¹⁰⁴ Инадзе, *Города Колхиды в античную эпоху*, стр. 144.

¹⁰⁵ Трапш, *Некоторые итоги раскопок*, стр. 258—277.

¹⁰⁶ Там же, стр. 259.

¹⁰⁷ Там же, стр. 262.

бусы, а также раковины каури, говорит о широких связях местного населения ¹⁰⁸.

Об имущественном неравенстве среди сельского населения говорят материалы и из других районов Абхазии. Большой интерес в этом отношении представляет случайная находка в низовьях Ингури, близ с. Тагелони ¹⁰⁹. Там обнаружено богатое погребение. Инвентарь его состоял из ружья, серебряных и бронзовых сосудов, драгоценных украшений, конской сбруи и т. д. По некоторым данным, этот материал можно датировать концом I — началом II в. н. э. ¹¹⁰.

Другая важная находка была сделана в 1926 г. в с. Герзеули Очамчирского района ¹¹¹. Здесь обнаружен денежный клад, в котором подавляющее большинство составили римские монеты I и особенно II вв., чеканенные для города Кесарии в Каппадокии. Самая поздняя монета клада датируется концом II в. К этому времени и относится захоронение клада.

Приведенные материалы не оставляют сомнения в том, что в позднеантичное время классовые общественные отношения существовали не только в городских центрах Абхазии, но и в ряде сельских районов края.

Характер социально-экономического строя абхазских княжеств позднеантичного времени. Абхазия в составе Лазского (Эгрисского) царства

Ввиду крайней скудости соответствующих исторических источников разрешение вопроса о типе и уровне социально-экономического развития абхазских «племенных» княжеств (княжества апсилов, абазгов и санигов) связано со значительными трудностями.

Этот вопрос впервые специально разбирался в работе С. Н. Джанашиа «Происхождение Эгрисского царства», опубликованной в 1936 г. ¹¹². Прежде всего С. Н. Джанашиа обратил внимание на свидетельство Арриана о том.

¹⁰⁸ Трапш, *О некоторых итогах археологических исследований*, стр. 190.

¹⁰⁹ Амиранашвили, *Новая находка*.

¹¹⁰ Там же, стр. 71.

¹¹¹ Ивашенко, *Герзеульский клад*.

¹¹² Джанашиа, *Труды*, т. II.

что правители лазов, санигов, абазгов и апсилов получают власть от римских императоров. Это обстоятельство, по его мнению, ясно указывает, что названные правители не могут считаться вождями родо-племенного общества. В то же время он считал, что их власть должна была опираться на какие-то местные общественные силы, а это уже указывает на наличие определенной социальной дифференциации.

Образование этих княжеств произошло, как полагал С. Н. Джанашиа, в результате дальнейшего развития древних скептухий, представлявших собой «племенные организации», на которые некогда было разделено Колхское царство. Причем последующая децентрализация Колхиды и создание отдельных, независимых друг от друга княжеств явились плодом собственного, внутреннего развития западногрузинского общества, а не результатом римской политики «разделяй и властвуй», как это думали некоторые исследователи¹¹³. В этом легко убедиться, если рассмотреть крайне сложную социально-экономическую структуру названных владений. Прежде всего здесь еще оставались сильные пережитки родового строя; кроме того, определенный вес имели уже элементы «первоначального» (патриархального) рабства. Наконец, наряду с перечисленными укладами здесь существуют уже зародыши феодальных отношений. Говоря о последних, С. Н. Джанашиа пишет: «Само собой разумеется, что этот феодальный уклад имел в то время примитивную форму, и до окончательной победы в данной стране ему предстояло еще пройти длинный и сложный путь. Лишь в сравнении с другими элементами феодальный уклад проявляет большие жизненные способности и растет значительно быстрее»¹¹⁴. По мнению С. Н. Джанашиа, именно на почве раннефеодальной дифференциации и возникает власть князей в эпоху Арриана.

Если, таким образом, княжества лазов, апсилов, абазгов и санигов, упоминаемых в «Перипле» Арриана, С. Н. Джанашиа рассматривает в качестве раннефеодальных политических образований, то Г. А. Меликишвили придерживается другой точки зрения. Он пишет:

¹¹³ Так, И. А. Джавахишвили считал, что образование этих княжеств явилось результатом римской политики (см. История грузинского народа, стр. 174).

¹¹⁴ Джанашиа, *Труды*, т. II.

«Мы не можем согласиться с распространенным в нашей научной литературе мнением, рассматривающим возникновение этих политических образований как результат распада единого Колхидского государства на отдельные «скептухии», переросшие затем в названные «царства» — «княжества». Это предположение... не учитывает тех больших сдвигов, которые произошли в Колхиде на протяжении I в. до н. э. и в первые века н. э. У нас нет также оснований связывать возникновение этих «княжеств», в частности Лазского (Эгрисского) царства, непосредственно с процессом феодализации, считать их возникшими «на основе раннефеодальной дифференциации»¹¹⁵.

Что же касается политических образований на территории современной Абхазии, то они, по мнению Г. А. Меликишвили (в отличие от Лазского княжества, которое он рассматривает как раннерабовладельческое), являлись скорее всего лишь «военно-демократическими» объединениями с зачатками государственности. По этому поводу он пишет следующее: «Трудно сказать, являлись ли образовавшиеся севернее лазского объединения «царства» апшилов, абазгов, санигов также раннерабовладельческими государственными образованиями или это были находящиеся на стадии «военной демократии» союзы племен. В этих местах (район Диоскурии — Сухуми и дальше по побережью на север с «лежащими выше их» горными областями) мы не можем предполагать столь сильного взаимодействия горцев и развитого в социальном отношении населения равнины, как это имело место в центральных и южных областях Колхиды. Здесь преобладание горцев было полным. Местное население сравнительно мало соприкасалось с развитыми государствами того времени. Внутреннее развитие в этих скудных горных областях не могло идти быстрыми темпами. Поэтому мы более склонны к тому, чтобы считать эти объединения Северной Колхиды союзами племен с сильными зачатками государственности, а стоявших во главе их «царей» — вождями этих племенных объединений»¹¹⁶.

Однако с такими выводами вряд ли можно согласиться. Во-первых, абазги и апсилы в действительности имели постоянное «соприкасание» с развитыми приморскими

¹¹⁵ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 375.

¹¹⁶ Там же, стр. 374—375.

городами Абхазии и внешним миром. Во-вторых, нет никаких оснований считать, что абазги, апсилы и др. жили только в «скудных горных областях». Западная часть их владений упиралась, несомненно, в морское побережье. На это указывает Арриан, перечисляя именно эти княжества, вдоль побережья которых ему пришлось проехать. Кроме того, анализ сообщений Арриана не дает оснований для того, чтобы усмотреть какие-либо существенные различия между социальным строем лазов и, скажем, апсилов. Разница в этом отношении, конечно, была, но она носила количественный, а не качественный характер. Самое же главное в том, что археологические материалы, как было показано выше, свидетельствуют о наличии классового общества во внутренних районах Абхазии рассматриваемого периода. Что касается типа этого классового общества, то, нам кажется, в исторических условиях I—V вв. н. э. в абхазских княжествах господствовали раннерабовладельческие отношения, а не раннефеодальные, которые утверждаются здесь лишь в VI в.¹¹⁷ Это, конечно, не исключает того, что в высокогорных районах страны по-прежнему оставался в силе патриархально-общинный социальный быт.

Среди политических образований Юго-Восточного и Восточного Причерноморья, упомянутых в «Перипле» Арриана, впоследствии особое место заняло Лазское (Эгрисское) княжество. По словам С. Н. Джанашиа, «Лазика и предшествующие ей образования являются тем мостом, через который западногрузинское общество окончательно переходит от древнего мира к феодальному»¹¹⁸. Он отмечает, что Эгрисское княжество (затем царство) представляло собой наиболее могущественную политическую единицу Западной Грузии, которая сумела с течением времени покорить соседние мелкие племенные княжества, в том числе княжества абазгов, апсилов и др. Путем критического анализа косвенных указаний ряда византийских авторов (Прокопий, Менандр и др.) С. Н. Джанашиа устанавливает, что абазги, апсилы, саниги и другие «племена» попали в вассальную зависимость от лазов в 80—90-е годы IV в. С. Н. Джанашиа считает, что Рим ввиду тех серьезных внутренних и внешних осложнений, которые он переживал во второй половине IV в.,

¹¹⁷ См. З. Анчабадзе, *Из истории средневековой Абхазии*, стр. 21.

¹¹⁸ Джанашиа, *Труды*, т. II, стр. 307.

не мог помешать усилению Лазского царства и был вынужден согласиться на подчинение им соседних княжеств¹¹⁹.

На этом же вопросе подробно остановился в своей книге «К истории древней Грузии» Г. А. Меликишвили. Возникновение и усиление Лазского княжества он рассматривает следующим образом: племя лазов, обитавшее ранее в горных районах Юго-Восточного Причерноморья, захватывает гегемонию в Центральной Колхиде и становится во главе нового крупного объединения — Лазского царства. И здесь, по его словам, происходит слияние лазов с почти однородными с ними этнически «эграми» (мегрелами) — древнейшим населением этой области, давно уже жившим в условиях классового общества. В результате «сложного процесса «варваризации» — взаимодействия «военно-демократического» строя лазов и раннерабовладельческого строя эгрского населения, лазское общество, несомненно... представляло собой раннеклассовое, раннерабовладельческое общество, хотя означенный процесс в тех исторических условиях в конечном счете способствовал быстрому продвижению вперед на путях феодализации»¹²⁰.

Усиление Лазского царства и распространение его власти на всей территории Западной Грузии Г. А. Меликишвили рассматривает как длительный процесс. В частности, первым шагом на пути усиления лазов и должно было быть включение в состав лазского объединения мегрельского населения, жившего во внутренних районах Колхиды. Это произошло, вероятно, на протяжении I—II вв. н. э. «Путем слияния лазов с древнейшим населением Колхиды — эгрисцами (мегрелами) и сложилось раннерабовладельческое государство лазов, обнимающее обширные плодородные районы Колхиды с имевшим богатые традиции земледельческим населением. Это обусловило быстрое выдвигание Лазского царства среди других политических образований Западной Грузии. Вероятно, уже во II в. лазы оттеснили на север выдвинувшихся на юг горцев (апшилов, абасгов, возможно также и некоторые сванские племена). У более поздних авторов северная этнографическая граница

¹¹⁹ Там же, стр. 315—317.

¹²⁰ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 374.

лазов доходит почти до района Диоскурии — Себастополиса»¹²¹.

Дальнейшее усиление лазов, вероятно, было тесно связано не только с ослаблением Рима, но и ослаблением Иберии (Восточногрузинского царства), оказавшейся под ударами сасанидского Ирана. Поскольку раньше Картлийское царство (Иберия) стремилось к подчинению Лазики, то в такой обстановке правители лазов и римляне становились естественными союзниками. Рим нуждался в сильном Лазском царстве не только в качестве союзника в борьбе против Ирана и его вассала Картли, но и для борьбы против северных кочевников, которые уже с III в. н. э. представляли исключительно большую угрозу для империи¹²².

Таким образом, взаимоотношения с Восточноримской империей (Византией) опирались на добровольный союз. «Распространение политического влияния Лазики на соседние племена апшилов, абазгов, сванов, на территории которых находились проходы с севера, могло существенно облегчить защиту этих проходов. Поэтому Рим, очевидно, ничего не имел против такого распространения власти ласских царей, ввиду чего нет необходимости рассматривать этот процесс как направленный против Рима и считать его происшедшим в период внутренних или внешних осложнений Римской Империи»¹²³.

Далее Г. А. Меликишвили указывает, что не известно, когда конкретно произошло подчинение апсилов и абазгов Лазике. Согласно Прокопию Кесарийскому, они являются «давнишними подданными лазов»¹²⁴. Однако зависимость абазгов, во всяком случае в VI в., была несколько иной, чем форма подчинения апсилов. Абазги имели двух князей: одного в западной, другого — в восточной части их страны. Территория же Аpsилии, как предполагает Г. Меликишвили, была включена в состав Лазского царства; здесь, по-видимому, стояли лазские гарнизоны, и она была наиболее тесно связана с Лазикой¹²⁵. С одной стороны, это объяснялось их непосред-

¹²¹ Там же, стр. 382—383.

¹²² Там же, стр. 383.

¹²³ Там же, стр. 384.

¹²⁴ Прокопий, *Война с готами*, стр. 382.

¹²⁵ Меликишвили, *К истории древней Грузии*, стр. 384.

венным соседством, что, несомненно, облегчало правящим кругам лазского общества поддерживать свое господство в этой стране. С другой стороны, Апсилия, в силу своего географического положения, занимала ключевые позиции на важнейших путях, соединяющих Западную Грузию с Северным Кавказом, — на Клухорском и Марухском перевалах, а это, естественно, заставляло лазского царя принимать активные меры, направленные на укрепление вассальной зависимости апсильов.

Однако Апсилия даже в VI в. вряд ли была полностью подчинена Лазскому царству. Как и другие этно-политические области, включенные в это государство, Апсилия, надо полагать, пользовалась некоторыми автономными правами, хотя и меньшими, чем Абазгия. Византийские историки того времени четко различают друг от друга Апсилию и Лазикку. Так, например, Прокопий Кесарийский, повествуя о замысле персов овладеть Апсилией, пишет: «Мидае стали подумывать о захвате под свою власть не только Лазикки, но и Апсилии»¹²⁶. Такое разграничение позволяет думать, что Лазика и Апсилия не составляли, строго говоря, единого государственного целого. На это же в известной степени указывает и то обстоятельство, что в Апсилии во главе местных крепостей стояли апсилы по национальности; в частности, как свидетельствует Прокопий, начальник «в высшей степени укрепленной крепости» Тзибил (Цебельда) был апсильом.

Видимо, зависимость Апсилии от Лазикки выливалась в форму сюзеренно-вассальных отношений, вряд ли существенно отличавшихся от тех отношений, которые сложились между Лазикой и Сванетией. По сообщению Менандра (VI в.), сваны выплачивали лазскому царю определенные натуральные подати (мед, шерсть, кожи и др.), должны были нести военную повинность и, кроме того, правители Сванетии получали регалии своей власти от лазского царя¹²⁷.

Что касается санигов, то они, как видно, в еще меньшей степени зависели от лазского царя, а затем и вовсе освободились от этой зависимости. Во всяком случае в VI в., как свидетельствует Прокопий, саниги «не являлись

¹²⁶ Прокопий, *Война с готами*, стр. 403.

¹²⁷ См. Джанашина, *Труды*, т. II, стр. 314—315.

подданными ни римского императора, ни царя лазов». Одной из причин этого, надо полагать, явилась сравнительная отдаленность территории Санигии от центральных районов Лазского царства.

Таким образом, к концу античной эпохи на территории Западной Грузии под гегемонией Лазского княжества сложилось новое крупное политическое образование — Лазское царство, которое объявило себя наследником древнего Колхидского царства. Однако если Колхидское царство возникло на заре раннерабовладельческого строя и представляло собой политическую форму его первоначального развития, то Лазское царство образовалось в условиях заката этого строя. Оно было закономерным этапом в развитии местного общества эпохи вызревания в его недрах новых общественных отношений. Этот этап завершился позднее (к VI в.) полной победой феодализма.

Культура позднеантичной Абхазии

(II — V вв. н. э.)

Культура
городского
населения

Ценный материал по истории городской культуры античной Абхазии дали археологические материалы из района Сухумской крепости и Пицундского городища.

Раскопки в Сухуми позволили наметить здесь четыре культурных слоя, отражающих непрерывную жизнь городского населения на протяжении почти восьми столетий. Нижний, наиболее ранний слой на основании наличия в нем чернолаковых черепков и обломков амфор относится к III—I вв. до н. э. Следующий слой, по найденным здесь римским медным монетам и фрагментам художественно выполненных краснолаковых блюд, а также по отдельным черепкам краснолаковых сосудов и обломкам светлоглиняных амфор I в. датируется в целом I—II вв. н. э. Третий снизу культурный слой по римским медным монетам, обломкам краснолаковых чашек и мисок, черепкам узкогорлых амфор и др. определяется III—IV вв. н. э. И, наконец, самый верхний слой, на основании находок черепков амфор с цилиндрическим горлом и ребристыми ручками, амфорных фрагментов с глубоким и частым

рифлением, датируется примерно концом IV—V вв. н. э.¹²⁸.

Раскопки крепости дали интересные сведения о строительном искусстве первых четырех столетий нашей эры. На протяжении всего этого периода Сухумская крепость была одним из крупнейших фортификационных сооружений на Черноморском побережье Кавказа. Правда, она неоднократно переделывалась и дополнялась новыми постройками, что вызывалось не только военными соображениями, но и необходимостью бороться с неблагоприятными стихийными процессами: опусканием берега, наступлением моря и оползневыми явлениями¹²⁹.

Основная часть крепости вместе с приморской стеной давно уже поглощена морем.

Стены восточного укрепления построены без фундамента, они были сложены из камней среднего размера на известковом растворе, кладка булыжным камнем перемежалась двумя прослойками из трех и четырех рядов кирпича¹³⁰. Изнутри вдоль стен сооружено подобие тротуара и дренажные канавки.

Судя по приему строительной техники, найденным керамическим обломкам это укрепление может быть по предварительным соображениям отнесено ко II — началу III в. н. э. Наклонившиеся стены крепости были укреплены башнями, нужно полагать в III в. н. э., и контрфорсами в IV в.

Западное укрепление сооружалось теми же техническими приемами, но в кладке применялись перекрещивающиеся деревянные лежни. Стены своим основанием лежат на илистой глине, предварительно уплотненной деревянными сваями¹³¹.

Раскопками на территории крепости также выявлены остатки разного рода общественных и частных сооружений: следы бани, водопровод, фонтан, жилые помещения и пр. Так, внутри крепости, близ восточного укрепления, был обнаружен пол, выложенный крупными керамическими плитами, а наличие тут же крупных кирпичей позволило предполагать здесь остатки разрушенной бани¹³².

¹²⁸ Трапш, *Раскопки древнего Севастополиса*, стр. 240—241.

¹²⁹ Шервашидзе, Соловьев, *Исследования*, стр. 179.

¹³⁰ Там же, стр. 172.

¹³¹ Соловьев, Шервашидзе, *Предварительное сообщение*, стр. 46.

¹³² Шервашидзе, Соловьев, *Исследования*, стр. 172—173.

Большой интерес представляют остатки жилого комплекса. Были раскопаны: часть комнаты, стены которой возведены из булыжника на известковом растворе, двор с хозяйственным помещением (здесь выявлены, в частности, остатки пифосов) и колодец круглой формы с булыжной облицовкой внутри. Данный жилой комплекс был воздвигнут не позднее II в. н. э.¹³³

Важное научное значение имело открытие обжигательной гончарной печи¹³⁴. Она представляет собой прямоугольное сооружение, выложенное из обожженного огнестойкого кирпича на глиняном растворе, одетое с трех сторон — восточной, северной и западной — в массивный булыжный кожух, толщиной более метра. Лицевая южная сторона печи вместе с топочным отверстием каменного кожуха не имеет.

Печь являлась довольно крупным сооружением общей площадью более 30 кв. м и отличалась весьма сложным устройством. Она была предназначена в основном для производства кирпичей и черепицы. В нее загружали на один обжиг, по всей вероятности, не менее тысячи изделий.

Рассматриваемая печь является пока единственным в своем роде памятником на черноморском побережье Кавказа. Стратиграфические и фактические данные, полученные при исследовании печи, позволяют ограничить время постройки и период ее существования концом III—IV в. н. э.

Наличие такой крупной по своим размерам обжигательной печи в районе древнего Сухуми свидетельствует о больших строительных работах, производившихся здесь в позднеантичное время.

Культурный слой II—III вв. н. э. богато представлен керамикой, обломками стеклянных изделий, бронзовыми, костяными предметами и пр.¹³⁵

Особенно многочисленны и разнообразны керамические материалы. В частности, в большом количестве найдены обломки светлоглиняных (с примесью черных частиц) узкогорлых амфор южнопонтийского происхождения. Интересно отметить также находки аналогичных

¹³³ Апакидзе, Лордкипанидзе, *Отчет*, стр. 39—40.

¹³⁴ Трапш, *Раскопки древнего Севастополиса*, стр. 247—252.

¹³⁵ Апакидзе, Лордкипанидзе, *Новые материалы*, стр. 219—220.

амфор из красной глины, которые являются местными изделиями, имитирующими привозные.

Характерны для этого слоя амфоры из коричневой (с примесью черных частиц) и красной глины, с небольшим горлом, имеющим на уровне верхней части ручек резко выделяющееся утолщение. На внутренних частях этих амфор обнаруживается налет черного цвета, похожий на смолу.

Встречаются также фрагменты местных красноглиняных амфор с дугообразными ручками.

Внимания заслуживают обломки горлышек, ручек, доньшек амфор (по-видимому, небольших размеров) из красной глины со светлой облицовкой (ангбом), обильно насыщенной слюдой. Гофрированные стенки этих амфор указывают, что они не могут быть датированы ранее конца II—III в. н. э.

В этом же слое попадались также небольшие обломки синопских амфор (из характерной сиреневого цвета глины с примесью черных частиц).

Краснолаковая керамика также обильно представлена в основном предметами, характерными для II—III вв. н. э. Это фрагменты мисок, чашек, блюд, тарелок, кубков, кувшинов (как с одной, так и с двумя ручками). Особенно многочисленны фрагменты блюд овальной формы с округленными стенками, горизонтально отогнутым краем и плоскими ручками. Края и ручки украшены рельефными (несколько расплывчатыми) изображениями (сцены охоты, цапля, дельфин, рак, рыбы, калфар, растительный орнамент). В качестве украшений бортиков встречаются также бугорки и рубчики.

Большой интерес представляет группа блюд, мисок и кувшинов из светлой (желтовато-красной) глины, являющаяся, по-видимому, продукцией одного и того же, пока неизвестного нам производственного центра. Привлекают внимание два типа этой группы: а) глубокие миски с высоким гофрированным вертикальным бортиком и горизонтально наклепанными ручками, б) миски на маленькой кольцеобразной подставке, с округленными стенками, венчиком с острыми углами. Встречаются также двуручные горшки с округленными стенками на маленькой круглой подставке.

Наряду с вышеперечисленными находками обнаружены светильники из красной глины (на некоторых из них

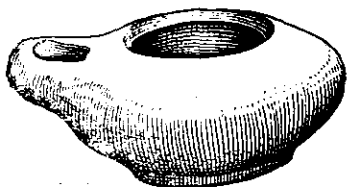

Рис. XV. Светильник (Сухумская крепость, находка из третьего культурного слоя)

сохранились следы красного лака), а также лютерии¹³⁶ привозные (синопские) и местного производства. Последние имеют одну характерную деталь: у них слив возвышается над краем. Аналогичные лютерии найдены в Пицунде.

Встречается также серая и красноглиняная кухонная посуда — различных форм горшки, миски, сковороды и др.

В культурном слое, относящемся к IV—V вв. н. э., преимущественно представлена краснолаковая керамика. Это больших размеров миски со слегка расходящимися «вверху» стенками, с плоским дном и совсем низким и узеньким ободком. Большие тарелки с горизонтально отогнутым краем; чашечки полушаровидной формы с горизонтально отогнутым краем на маленькой кольцеобразной подставке. Следует отметить также два фрагмента дна, которые были украшены многолинейным рифленным орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом, характерным для первой половины IV в. н. э.

Совершенно очевидно полное сходство и даже идентичность с краснолаковой керамикой того же времени, в большом количестве найденной при раскопках в Пицунде, что дает основание предположить их происхождение из одного производственного центра.

В этом слое найдены также обломки стеклянных изделий: доньшки сосудов рюмкообразной формы (аналогичных в большем количестве встречающимся в позднеантичных и особенно раннесредневековых слоях как в Пицунде, так и в Северном Причерноморье) и фрагменты стеклянных сосудов с темно-синими пятнами («бородавками»)¹³⁷.

Огромный материал по истории культуры и быта позднеантичного времени дали раскопки Пицундского городища¹³⁸. Раскопана значительная часть древнего города:

¹³⁶ Лютерий — сравнительно крупная чаша со сливом, употреблявшаяся для омовения рук или мытья посуды.

¹³⁷ Апакидзе, Лордкипанидзе, *Новые материалы*, стр. 217—218.

¹³⁸ Апакидзе, Лордкипанидзе, *Отчет*, стр. 34—36.

фортификационные сооружения, городские ворота, жилые хозяйственные комплексы, храмы, баня, канализационный коллектор и др.

Культурный слой конца II—III в. н. э. здесь также представлен краснолаковой керамикой, которая состоит в основном из следующих предметов: чашки с суживающимися вниз стенками, с вертикальным, немного скошенным внутрь бортиком на маленькой кольцеобразной подставке, вытянутых пропорций; миски с округленными стенками и загнутым внутрь краем на маленькой кольцеобразной подставке; блюда овальной формы; глубокие миски с высоким гофрированным, вертикальным бортиком с горизонтально наклепанными ручками; двуручные кувшинчики; светильники, амфоры местные и привозные, кухонная посуда, обломки лютериев и др.

Культурный слой IV—V вв. н. э. содержит также краснолаковую керамику, но совершенно иных форм. Особенно распространены миски больших размеров с слегка расходящимися кверху стенками и с плоским дном и круглые тарелки, горизонтальные края которых часто украшены рифленным волнистым орнаментом; миски с округленными стенками и скошенным кнаружи бортиком, украшенным насечками; дно сосудов часто украшено изображением крестиков или вдавленными изображениями фантастических животных; амфоры разных типов (особенно характерны амфоры красноглиняные с бороздчатыми стенками, с высоким, слегка суживающимся кверху горлом и распластанным венчиком), обломки кухонной посуды и др.

Особо следует отметить находку стеклянного шлака. Остатки стеклянных изделий, шлак и стеклянные капельки, найденные вместе с углем и золой, дают основание предполагать здесь наличие стеклодувной мастерской, по-видимому, небольшого масштаба.

Раскопками в западной части городища удалось выявить контуры грандиозного здания. Выяснилось, что комплекс сооружений опоясывается довольно мощной стеной, которая, возможно, представляла собой внутреннюю систему укрепления. Здесь открыты постройки различных видов и назначений: в западной части раскопано трехкомнатное помещение типа казармы; в восточной части — контуры дома, пол которого выложен кирпичом и каменными плитами.

Описанные выше памятники свидетельствуют о том, что культура городов ахтичной Абхазии стояла на весьма высоком для того времени уровне. В ней ярко выступает традиционная генетическая связь с более ранней местной культурой. Данное обстоятельство, как и другие элементы общеахтичной культуры, указывает на то, что в рассматриваемый период определенная часть городского населения представляла собой эллинизированных выходцев из коренных жителей края¹³⁹.

Культура сельского населения Яркое представление о быте сельского населения внутренних районов Абхазии дают результаты археологических раскопок цебельдинских могильников¹⁴⁰. Вскрытый погребальный инвентарь состоит из посуды, оружия, бытовых вещей, предметов украшения и одежды, скульптурных фигурок, монет и т. д.

Посуда представлена глиняными и стеклянными сосудами и одним бронзовым кувшином. Глиняная посуда, в основном гончарная, состоит из кувшинов, горшков, амфор, мисок и тарелок (рис. XVI).

Красноглиняные кувшины украшены различными видами орнамента.

Типы кувшинов не имеют аналогии с посудой, известной в археологической литературе. Они характерны пока только для культуры цебельдинских некрополей¹⁴¹.

Горшки буро-красного обжига, приближающиеся к баночной форме, имеют слегка отогнутый наружу бортик и плоское дно. Сделаны они из грубой, плохо промешанной глины, с примесью песка. Амфоры — красноглиняные, остродонные, с узким перехватом в средней части тулова, двумя двужгутовыми ручками, низким горлом, они часто украшены орнаментом. Миски — красноглиняные, преимущественно с легким кольцеобразным поддоном, косыми и вогнутыми стенками, широким верхним открытым краем. Тарелки кремового обжига, с легким кольцеобразным поддоном, изогнутой стенкой и с косо отходящей в сторону закрайной; сделаны из хорошо отмученной тонкой глины без примеси песка, с мелкими блестящими слюды.

¹³⁹ Трапш, *Раскопки древнего Севастополиса*, стр. 246—247.

¹⁴⁰ Трапш, *Некоторые итоги раскопок*, стр. 262—272.

¹⁴¹ Бердзенишвили, *Позднеахтичная керамика*, стр. 108.

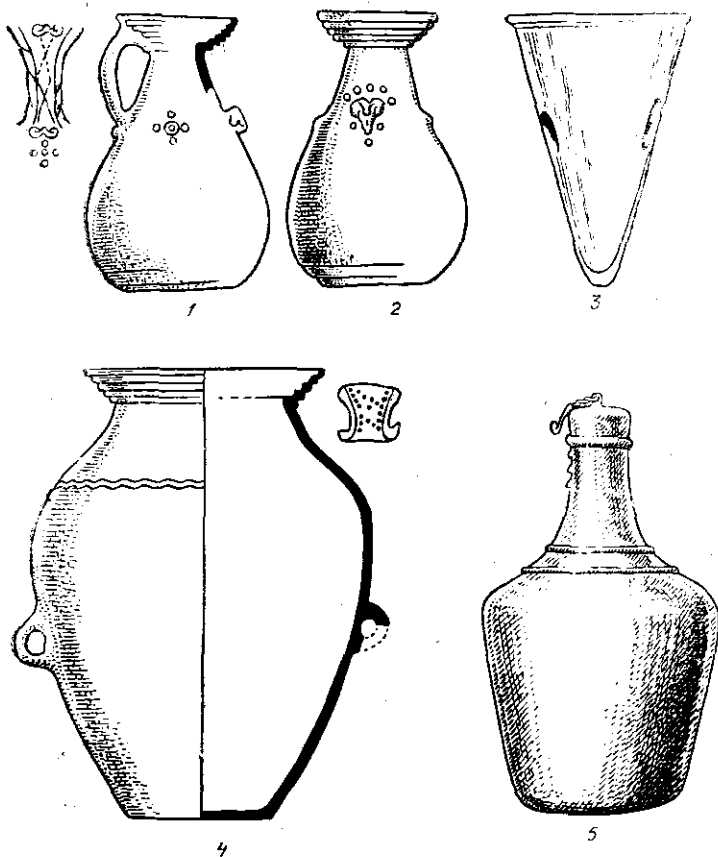

Рис. XVI. Посуда из цебельдинских погребений:

1, 2, 4 — красноглиняные кувшины; 3 — стеклянный конический кубок;
5 — бронзовый кувшин

Рассмотренная выше керамическая посуда, за исключением тарелок, является продуктом местного производства. Тарелки, судя по глине, надо полагать, привозные. Центр производства их пока не установлен.

Стеклянная посуда в основном желто-зеленого цвета. Она представлена флаконами, стаканами и кубками. Флаконы имеют шарообразное тулово; стаканы цилиндрической формы (среди них несколько экземпляров с

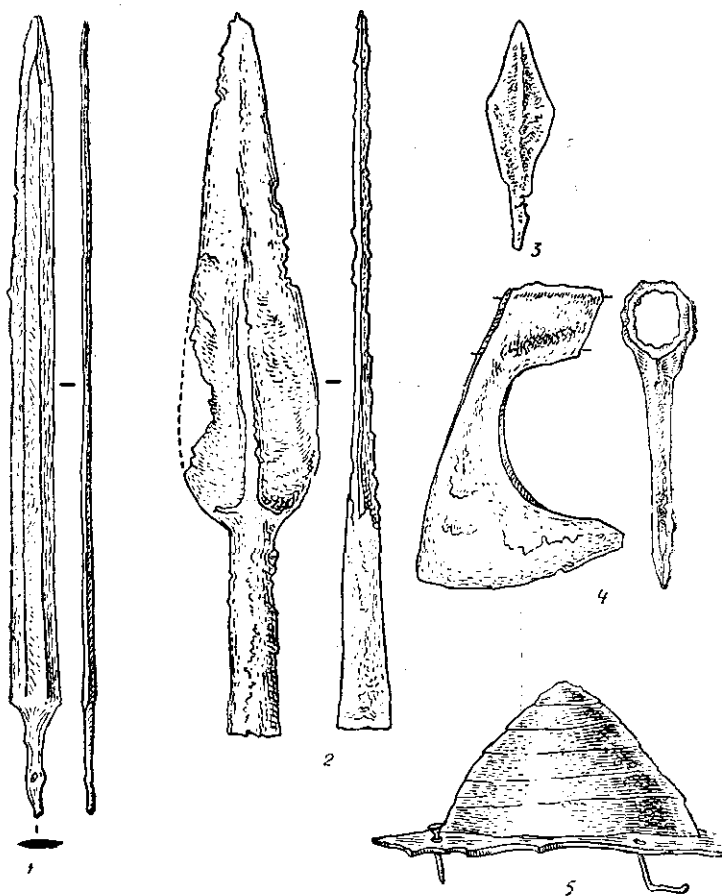

Рис. XVII. Железное оружие из цебельдинских погребений:

1 — двулезвийный меч; 2 — втульчатый наконечник копья; 3 — наконечник стрелы; 4 — топор; 5 — умбон для щита

синими глазками). Кубки конической и полусферической форм, часть из них со шлифованным орнаментом, состоящим из крестиков, овалов, спиралей, елочных поясков и т. д.

Посуда эта происходит, как видно, из Восточного Средиземноморья и характерна для позднеантичной эпохи III—IV вв.

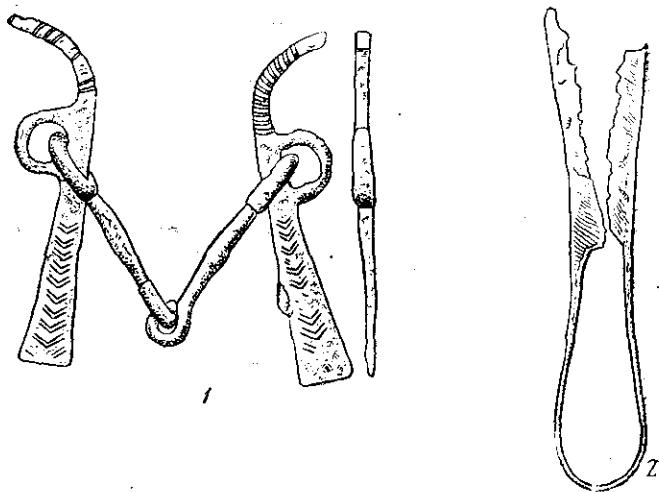

Рис. XVIII. Бытовые предметы из цебельдинских погребений:
1 — Г-образные железные псаали; 2 — пружинные ножницы

Упомянутые выше бронзовые кувшины имеют высокую узкую горловину, вытянутое, расширяющееся кверху тулово и слегка выпуклое дно. Горловина сосуда снабжена колпачком с петлей на бронзовой цепочке.

Оружие, представленное в большом количестве в цебельдинских некрополях, состоит из двулезвийных и однолезвийных мечей, кинжалов, своеобразных топоров, разнотипных втульчатых наконечников копий, черешковых наконечников стрел и умбонов от щитов (один с позолотой). Последние на территории Абхазии найдены впервые (рис. XVII).

Из перечисленных видов оружия характерными для культуры цебельдинских некрополей являются пока топоры с довольно длинной трубчатой проушиной, со свисающей бородкой. Они изготовлялись в Абхазии, видимо, в первые века нашей эры на местной основе. Значительно позднее эти топоры становятся более легкими и применяются в качестве плотничных орудий. Вызывает интерес тот факт, что такие топоры употреблялись в Абхазии вплоть до XIX в.

Бытовые предметы представлены удилами, пружинными ножницами, двузубой вилой, ножами, оселками (рис. XVIII). Двузубые вилы с петельчатым осно-

ванием сделаны из раскрученного круглого в сечении прута, длиной 54 см, диаметром сечения 8—10 мм. Зубы вилы — четырехгранные, с заостренными концами. Основное назначение этих вилок, по-видимому, хозяйственное.

Предметы украшения и одежды составляют значительную часть погребального инвентаря чебельдинских некрополей и встречаются главным образом в женских погребениях. Пряжки сделаны из бронзы, серебра, сердолика, горного хрусталя, янтаря, гишера, стекла. Это шейные гривны, фибулы, браслеты, серьги, бусы и т. д.

Шейные гривны из закрученной бронзовой проволоки с петлей и крючководной застежкой на концах имеют глубокую местную традицию.

Фибулы — односоставные и двусоставные. Односоставные фибулы принадлежат к двум различным типам. К первому относятся фибулы колхидско-кобанской формы, с крутой дужкой, приемником, одним витком у зарождения дуги. Ко второму типу принадлежат фибулы с подвесным приемником, с четырехвитковой пружиной и сравнительно крутой дужкой. Односоставные фибулы относятся, видимо, к концу I в. до н. э.

Двусоставные фибулы бронзовые и серебряные, состоят из дужки с подвесным приемником и иглы (тетивы) с четырехвитковой пружиной, соединенных между собой шарниром. Фибулы украшались иногда разноцветными геометрической формы стекляшками и сердоликами в оправках, припаянных к средней части дуги. Фибулы эти имеют преимущественно лучковую форму и принадлежат к двум различным группам. Двусоставные фибулы первой группы имеют сходство с аналогичными крымскими фибулами, датированными I—III вв. н. э.

Фибулы второй группы в основном пластинчатые с крестовидной по середине дужкой. Эта группа фибул, видимо, характерна для раннехристианского времени — IV—V вв. н. э.

Браслеты, найденные только в женских погребениях чебельдинских некрополей, изготовлены в основном из круглой в сечении бронзовой проволоки. Аналогичные украшения встречаются на территории Восточной Европы (Северный Кавказ, Крым, Украина и др.). Они характерны для I—V вв. н. э.

Серьги — серебряные, круглопроволочные, в основном однотипны, в виде колец овальной формы, с петлей и крючковидной застежкой на концах.

Бусы многочисленны, довольно разнообразны по материалу, величине и форме. По материалу они относятся к сердоликовым, хрустальным, янтарным, гищеровым и стеклянным. Бусы из всех погребений цебельдинских некрополей характерны для позднеантичной эпохи — II—V вв. н. э. Стеклянные бусы, видимо, восточного происхождения: из Египта, Сирии, Финикии. Проникали они в Абхазию в результате торгово-экономических связей местного населения с античными городами черноморского побережья Кавказа и Северного Причерноморья, а также со Средиземноморьем. Янтарные бусы указывают, по всей вероятности, на древние связи с территорией нынешней Украины, где за последние годы в ряде мест бассейна р. Днепра обнаружены месторождения янтаря. Что касается бус из горного хрусталя, гишера и части сердоликовых бус, то все они местного происхождения.

Пряжки в цебельдинских некрополях представлены в большом количестве как в мужских, так и женских погребениях; они различных форм и размеров, делались преимущественно из бронзы, реже из серебра, а в отдельных случаях из железа.

Таким образом, материалы цебельдинских раскопок свидетельствуют о высоком уровне развития культуры сельского населения Абхазии той эпохи. Вместе с тем она имела глубокие местные корни. В территориальном отношении памятники этой культуры не являются изолированными и встречаются в других районах края. Так, керамическая посуда и предметы вооружения типа цебельдинских в последние годы были обнаружены в с. Мерхеули и в ряде пунктов Очамчирского района.

В заключение следует подчеркнуть, что материалы раскопок в Цебельде отличаются рядом своеобразных черт как в области материальной, так и духовной культуры, что, по мнению М. М. Трапш, позволяет ставить вопрос о выделении в Западном Закавказье особой археологической культуры под названием «цебельдинской»¹⁴².

¹⁴² Трапш, *О некоторых итогах археологических исследований*, стр. 273—274.

**Памятники
искусства**

В процессе археологических раскопок в различных районах Абхазии были обнаружены всевозможные предметы искусства, которые также наглядно свидетельствуют о высоком художественном вкусе и культурном уровне местного населения позднеантичной эпохи. К их числу относятся произведения скульптуры, предметы украшения, ювелирные изделия, мозаика, орнаментация керамических сосудов и пр.

Интересны бронзовые фигурки, обнаруженные в Писцунде¹⁴³. Одна скульптурка представляет собой изображение древнегреческого божества Дионисия в сидячей позе, нагого. Как видно, она составляла часть композиционной группы. Еще более интересна другая небольшая фигурка стоящего босого человека. Условно ее назвали «рыбак». Человек одет в короткое, выше колен, платье; в правой руке он держит круглую корзину, а левая лежит на каком-то предмете, перекинутом через плечо. Голову фигурки венчает длинный рог. Эта скульптурка имеет, несомненно, большую художественную ценность и представляет собой редкий образец искусства малых форм.

Культурный слой, в котором были обнаружены описанные произведения, датируется II—III вв. н. э.

К тому же времени относится найденная в Сухуми терракотовая человеческая статуэтка с лентовидной наклепной полоской через правое плечо и круглым предметом на правой руке¹⁴⁴. Из сухумских памятников интересны также глиняные скульптурные изображения головок утки и барана, которые, должно быть, являлись украшениями ручек сосудов. Следует отметить также обломок стенки красноглиняного кувшинчика с рельефным изображением виноградных листьев и гроздьев (в центре), птицы и человеческих фигур с птичьей маской и со щитом (гладиаторы?), а также фрагменты блюд овальной формы с рельефными изображениями сцен охоты, цапли, рака, дельфина, рыбы и др.¹⁴⁵. Кроме того, среди обломков посуды встречаются художественно выполненные закраины с рельефной орнаментацией, изображающей других животных и растения — козы, кабаны,

¹⁴³ Рамишвили, *Две бронзовые скульптурки*, стр. 133—135.

¹⁴⁴ Трапш, *Раскопки древнего Севастополиса*, стр. 247.

¹⁴⁵ Апакидзе, Лордкипанидзе, *Новые материалы*, стр. 220.

кипарисы, пальмы и пр. На одном из светильников имеется рельефное изображение трех граций¹⁴⁶.

Большой интерес представляют памятники искусства, обнаруженные в Цебельде¹⁴⁷. Из них в первую очередь укажем на керамическую скульптурную фигуру быка. Фигура поляя, длиной 22 см и высотой с рогами 17 см. Между рогами имеется маленькое отверстие в виде горловины сосуда. Скульптура отличается весьма высоким качеством исполнения.

Среди других цебельдинских находок следует отметить также кулон из листового золота с витыми подвесками из тонкой проволоки с нанизанными на нее мелкими светлыми бусами шаровидной формы. Кулон украшен вставным стеклом синего цвета и рельефным орнаментом, состоящим из великолепно исполненных виноградных гроздей и мелкой зерни сферической формы. Он принадлежит к замечательным памятникам искусства, в котором проявилось высокое мастерство художника.

Уникальной находкой из Цебельды является полый нателный крестик, сделанный из тонкого листового золота. Крестик имеет прямоугольные очертания; к нему прикреплена пластинчатая петля для подвешивания на шею со вставленным посередине полупрозрачным стеклом.

Другую уникальную находку представляет литой круглый медальон, сделанный из низкопробного пластинчатого серебра. На нем рельефно изображена женская голова; вокруг лица до висков расположена мелкая зернь. На медальоне имеется греческая надпись религиозного содержания.

Из памятников искусства того времени, обнаруженных в других районах Абхазии, следует указать на замечательный медальон, изготовленный, как видно, из латуни (найден в Гудаута)¹⁴⁸. На лицевой стороне его рельефное изображение человеческой фигуры с поднятыми в уровень головы растопыренными ладонями. На груди фигуры выбит знак креста. Тот же знак в сложной выпукло-орнаментальной форме занимает и обратную сторону медальона.

¹⁴⁶ Трапш, *Раскопки древнего Севастополиса*, стр. 245.

¹⁴⁷ Трапш, *Некоторые итоги раскопок*, стр. 272—273.

¹⁴⁸ Лукин, *Материалы*, стр. 81.

Исключительный интерес представляет собой мозаичный пол из пицундского раннехристианского храма¹⁴⁹. Общая площадь мозаики достигает несколько десятков квадратных метров. Она выполнена в IV—V вв.

Среди мозаик вокруг центрального помоста храма наибольший интерес представляет большая картина, на которой изображен так называемый «фонтан жизни» и по сторонам его жаждущий олень и оленья самка с детенышем.

В юго-западной части храма находится прямоугольная крещальня с мозаичным полом, на котором изображен фонтан с птицами. На белом поле прямоугольника выделяется чаша на высокой ножке. Она наполнена водой, поверхность которой передана голубыми камешками. Из нее поднимается высокий красный с синим контуром ствол, увенчанный еловой шишкой желтого цвета. На бортах чаши друг против друга изображено по одному голубю и еще два голубя размещены рядом с чашей, у ее основания. Фонтан и птицы художественно объединены. На чаше имеется изображение человеческих фигур. Сохранившаяся крайняя фигура (эта часть мозаики сильно повреждена) в левой руке, согнутой в локте и опущенной в сторону, держит какой-то не вполне ясно изображенный предмет. В пицундской мозаике встречаются и другие мотивы, в частности различные виды геометрического орнамента.

Наряду с элементами, связывающими пицундскую мозаику с восточноэллинистическим искусством, она носит яркие черты самобытного творчества. Поэтому Л. А. Мацулевич ставит вопрос о существовании местной школы мастеров мозаики¹⁵⁰.

В заключение рассмотрим некоторые памятники культовой архитектуры, строительство которых связано с первоначальным распространением христианства в позднеантичной Абхазии.

Раскопанный на территории городища Пицунды храм с мозаикой, как отмечалось, является памятником раннехристианских¹⁵¹ сооружений. Он расположен непосредственно у городской стены, представлял собой большую

¹⁴⁹ Мацулевич, *Открытие*, стр. 146—153.

¹⁵⁰ Там же, стр. 149.

¹⁵¹ Апакидзе, *Археологические раскопки*; Цицишвили, *Бичвинтский храм*.

трехнефную базилику с выступающей пятигранной абсидой. Выявленные в процессе раскопок фундаменты десяти мраморных колонн и другие интересные детали указывают на его былое величие.

Анализ сохранившихся остатков храма позволяет установить как его ранние формы, так и следы неоднократных переделок и реставраций. От древнейшего сооружения остались лишь отдельные фрагменты основания алтарной части, южной и северной стен, которые дают возможность точно определить направление и план разрушенной до основания первичной постройки. Архитектурные формы базилики, строительная техника и мотивы декоративного убранства позволяют отнести его к концу V — середине VI в. н. э.

В пицундской сосновой роще, у берега моря, была раскопана другая церковь весьма оригинальной архитектуры¹⁵². В плане она представляет собой прямоугольное сооружение с двумя совершенно равными, выдвинутыми абсидами. Церковь имеет шесть входов — по два в южной, западной и северной сторон. Стены в средней части снабжены пилястрами, которые вместе с угловыми опорами образовывали широкие ниши по две в каждой стене. В центре церкви на одной линии с пилястрами стоит прямоугольный мощный столб.

Абсиды церкви правильной круглой формы и имеют снаружи пять фасадных граней. Полы храма представляют обмазку так называемой гидравлической смесью: специальной забутовки на затрамбованном грунте. Полы абсид несколько возвышаются над уровнем залов церкви. Стены сложены из известняка, морского конгломерата и из прямого и фасонного кирпича. Они воздвигнуты распространенным в то время способом: пространство между внутренней и внешней кладкой заполнялось забутовкой из известкового раствора.

Описанная церковь отличается не совсем обычной для памятников Грузии и Закавказья архитектурой, но среди памятников Ближнего Востока она имеет близкие параллели с некоторыми раннехристианскими церквями Малой Азии, относящимися к IV — VI вв. н. э.

Рассмотренные памятники искусства представляют значительный научный интерес. В них проявляется отме-

¹⁵² Микеладзе, *Бичаинтская двуабсидная церковь*, стр. 125—131.

ченая выше характерная черта культуры населения Абхазии того периода, которая выражается в органическом сочетании элементов общеантичной культуры с лучшими культурными традициями коренных жителей края.

Памятники письменности В античную эпоху на территории Абхазии сравнительно широкое распространение получил греческий язык. Надо полагать, что местные грамотные люди употребляли греческий в качестве письменного языка. Кроме того, не только местные греки, но и известная часть коренного населения (преимущественно представители знати, купечества) владели в той или иной степени греческим языком и в качестве разговорного. После распространения здесь христианства греческий язык, как видно, становится также языком церковного богослужения.

Одним из веских показателей распространенности греческого языка в Абхазии является то обстоятельство, что в I в. до н. э. на монетах Диоскурии надпись (легенда) чеканилась на греческом языке. Греческий язык оставался в употреблении и в период римского владычества на побережье Абхазии.

Во время раскопок древней сторожевой башни в северной части Сухуми были найдены бытовые предметы и римские монеты II в. н. э. На одном из глиняных светильников оказалась греческая надпись: «Давай поклоняйся владыке Гермесу-Меркурию ради спасения»¹⁵³. Наличие такой надписи на бытовом предмете местного производства, несомненно, указывает на то, что известная часть городского населения продолжала в тот период пользоваться греческим языком и письменностью.

Греческие надписи сохранились и на пицундской позднеантичной мозаике. Так, на мозаике, покрывающей площадку помоста в храме, изображен крупный медальон, который содержит монограмму, сочетающую в себе греческие начальные буквы имени Христа: «Х» и «Р», а затем надпись: «Я есьме альфа и омега, начало и конец, говорит господь». Это известное место из «Апокалипсиса Иоанна» встречается на стенах храмов и предметах церковной утвари еще с первых веков нашей эры в связи с распространением христианства¹⁵⁴.

¹⁵³ Каухчишвили, *Греческая надпись*, стр. 228.

¹⁵⁴ Каухчишвили, *Греческая надпись бичвинтской мозаики*, стр. 73.

На той же мозаике сохранилась другая весьма интересная греческая надпись. Эта надпись является ктиторовской (посвятительной). Содержание ее таково: «В молении за Орела и за весь его дом». Надо полагать, что упоминаемый здесь Орел настлал мозаичный пол или, возможно, построил самый храм. Т. С. Каухчишвили датирует надпись VI—VII вв.¹⁵⁵, но Л. А. Мацулевич считает возможным отнести ее, как и соответствующую часть мозаики, даже к IV в.¹⁵⁶.

Греческую надпись религиозного содержания имеет и упомянутый выше серебряный медальон из Цебельды. Надпись эта гласит: «Единый бог, помогающий приносящим»¹⁵⁷.

После утверждения римского господства некоторое распространение, видимо, получил в Абхазии и латинский язык. До нас дошли некоторые его памятники из Себастополиса и Питиунта.

В 1896 г. при постройке сухумской набережной был обнаружен фрагмент каменной плиты с латинской надписью, сохранившаяся часть которой имеет следующий вид:

- 1 строка Hadr...
- 2 строка per Fl.A...
- 3 строка leg...

Содержание надписи не трудно понять в связи с упомянутой выше командировкой Флавия Арриана, направленного императором Адрианом для осмотра гарнизонов по южному и восточному побережью Черного моря. Согласно докладу Арриана, им были осмотрены римские крепости в Трапезунте, Апсаре, Фазисе и Себастополисе, причем кроме осмотра местами делался ремонт укреплений и производилась установка надписей, как, например, в Трапезунте. Найденная в Сухуми надпись содержит в верхней строке часть имени императора Адриана, во второй — указание на акт, произведенный через Флавия Арриана, и, наконец, в последней строке — или титул (leg[atatus] — легат) или принадлежность упомянутого в средней строке лица какому-нибудь легиону (leg[ionis])¹⁵⁸.

¹⁵⁵ Каухчишвили, *Тезисы*, стр. 35.

¹⁵⁶ Мацулевич, *Открытие*, стр. 149.

¹⁵⁷ Трапш, *Некоторые итоги раскопок*, стр. 273.

¹⁵⁸ Куфгин, *Материалы*, стр. 124—126.

Другой фрагмент латинской надписи на обломке керамической плиты был обнаружен в Пицунде. Сохранившиеся буквы leg, как отмечалось выше, представляют, возможно, клеймо римского легиона¹⁵⁹.

Однако латинский язык, как видно, не получил широкого распространения среди населения Абхазии. Во всяком случае масштабы его применения не могут сравниться с распространенностью греческого языка. Основная же масса населения оставалась неграмотной.

Религиозные верования В позднеантичную эпоху среди коренного населения Абхазии по-прежнему бытовали языческие религиозные верования. Определенное указание на это сохранилось в ряде археологических памятников. В этой связи представляет интерес найденная в Сухуми терракотовая статуэтка человека, которая, по-видимому, была связана с каким-то местным божеством¹⁶⁰. Культовое назначение, несомненно, имела и скульптурная фигурка быка из Цебельды. Владелец ее, видимо, выполнял особую общественную функцию, связанную с совершением определенного религиозного обряда¹⁶¹.

Заслуживает внимания тот факт, что языческая религиозная символика нашла свое отражение в отдельных элементах орнамента керамических изделий. Так, например, спиральные мотивы или кружки из точек отражали культ луны. Религиозное назначение имел также и волнистый орнамент¹⁶².

Интересно отметить, что даже в мотивах знаменитой пицундской мозаики (в которых ведущее место занимала христианская символика) нашли место элементы дохристианских верований местного населения. Так, на одном из участков мозаики имеется изображение коровы с теленком, совершенно неизвестное в аналогичных памятниках. В то же время почитание коров в живом быту Грузии, в частности в Абхазии, общеизвестно. «Изображение коровы с теленком в питиунтской мозаике не единственный и не ограниченный пример в грузинском искусстве»¹⁶³.

¹⁵⁹ Лордкипанидзе, *Предварительный отчет*, стр. 105—106.

¹⁶⁰ Трапш, *Раскопки древнего Севастополиса*, стр. 247.

¹⁶¹ Трапш, *Некоторые итоги раскопок*, стр. 272.

¹⁶² Бердзенишвили, *Позднеантичная керамика*, стр. 97, 102—105.

¹⁶³ Мацулевич, *Открытие*, стр. 149.

Вместе с тем надо отметить, что в рассматриваемую эпоху на территории Абхазии получили известное распространение и религиозные верования греко-римского происхождения, причем некоторые из них, надо полагать, проникли в какой-то мере и в местную среду. На это указывает, например, оригинальная скульптурка божества виноделия Дионисия-Вакха, обнаруженная в Пичундском городище. Об этом же говорит, с одной стороны, семантика скульптурной фигурки «рыбака», которая имеет некоторые признаки местного культа, характерного для древнекавказского языческого пантеона, а с другой — отдельные элементы римских религиозных воззрений. В данном памятнике, возможно, отразилось слияние определенных черт как иноземных, так и местных религиозных представлений¹⁶⁴.

К концу античной эпохи на черноморское побережье Кавказа, в том числе и на территорию Абхазии, сравнительно быстро проникает христианская религия. Уже к первой четверти IV в. одним из главных центров христианства на Кавказе становится Питуиунт. Здесь учреждается епископская кафедра. Возглавлявший ее епископ Стратофил был участником первого вселенского собора в Никее (325 г.). Как замечает Л. А. Мацулевич, «христианство не ограничивалось в нем (Питуиунте. — З. А.) замкнутой средой гарнизона. Оно не могло не получить более широкого распространения среди местного населения города и тяготевшей к нему округи. В противном случае здесь не была бы учреждена епархия»¹⁶⁵.

Действительно, определенные элементы местного населения уже тогда исповедовали христианство. Не случайно, что позднейшие церковные легенды первоначальное распространение христианства на Западном Кавказе, в том числе и в Абхазии, приписывали «апостолам» Андрею Первозванному и Симону Кананиту. Эти легенды также свидетельствуют о раннем проникновении христианства на побережье Кавказа.

Не позднее IV в. христианство проникает и во внутренние районы Абхазии. Представляет интерес тот факт, что на определенной части инвентаря цебельдинских некрополей изображены прямоугольные раннехристианские

¹⁶⁴ Рамишвили, *Две бронзовые скульптурки*, стр. 135.

¹⁶⁵ Мацулевич, *Открытие*, стр. 146—147.

крестики¹⁶⁶. Так, на некоторых керамических сосудах встречаются крестообразно расположенные кружочки под прямым углом в раннехристианском стиле. Некоторые стеклянные кубки имеют шлифованный орнамент, на котором изображены раннехристианские крестики.

О времени распространения христианства в данном районе в некоторой степени говорит надпись на цебельдинском медальоне («Единый бог, помогающий приносящим»). Она имеет ближайшие аналогии в христианских памятниках Сирии (в Антиохии), относящихся к IV в.: «Единый бог, помогающий боящимся его» и «Единый бог, помогающий всем любящим его». Первая из приведенных надписей датируется 347 г., а вторая — 398 г.¹⁶⁷ По-видимому, к этому же времени относится и цебельдинский медальон. Приблизительно IV в. н. э. датируется и золотой нашейный крестик из Цебельды¹⁶⁸.

О широком к тому времени распространении христианства свидетельствуют погребальные обряды цебельдинских некрополей. Эти обряды принадлежат к двум различным типам. К первому типу относятся могильные ямы удлинненной четырехугольной формы, в которые покойника клали на спине в вытянутом положении с ориентацией головы на северо-запад или юго-запад, со сложенными на груди руками. Такое трупоположение вполне отвечает христианскому обряду погребения¹⁶⁹. Первый тип захоронения составлял в количественном отношении примерно 85—95% общего числа погребений. Ко второму типу захоронения относится обряд трупосожжения, совершавшегося вместе с предметами украшения за пределами могильников. Прах покойников помещали в урнах, которыми служили большие красноглиняные пифосы и кувшины с двумя петлевыми ручками.

Поскольку определенной закономерности в размещении разнотипных погребений не прослеживается и они располагаются попеременно, то это позволяет говорить об их сосуществовании в один и тот же исторический отрезок времени. Это обстоятельство наряду с однотипностью погребального инвентаря дает основание пола-

¹⁶⁶ Трапш, *Некоторые итоги*, стр. 272.

¹⁶⁷ Там же, стр. 273.

¹⁶⁸ Там же, стр. 272.

¹⁶⁹ Трапш, *О некоторых итогах археологических исследований*, стр. 187.

гать, что в то время древнее население, оставившее целльдинские некрополи, принадлежало в основном к одной этнической группе¹⁷⁰.

Следовательно, мы можем в данном случае говорить не об этнических различиях, а о различии в вероисповедании. Как вытекает из соотношения типов захоронения, христиане составляли подавляющее большинство.

В свете изложенных выше материалов становится понятным указание Прокопия Кесарийского о том, что христианство проникло в Абхазию задолго до того, как оно было объявлено здесь официальной религией. Говоря об апсилах, он сообщает, что они «с давних времен уже христиане».

Тем не менее масштабы распространения христианства в Абхазии того периода нельзя преувеличивать. Тот же Прокопий, касаясь религиозных верований абазгов, отмечает наличие у них дохристианских воззрений. Он пишет: «Эти варвары еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами»¹⁷¹. Это свидетельствует о том, что, несмотря на проникновение христианства в среду коренного населения Абхазии, пережитки дохристианских верований сохранялись в ней в значительной степени. Данная черта являлась отличительной особенностью религиозного мировоззрения абхазов и в последующую эпоху.

Однако самый факт распространения христианства в Абхазии (как на побережье, так и в особенности во внутренних районах края) имел важное историческое значение. Он свидетельствует, что в тот период (IV—V вв.) господствующие классы уже нуждались в новых, более сильных средствах идеологического воздействия на народные массы. Христианство, несомненно, способствовало укреплению феодальных отношений, которые в тех исторических условиях играли прогрессивную роль.

¹⁷⁰ Трапш, *Некоторые итоги раскопок*, стр. 259—262.

¹⁷¹ Прокопий, *Война с готами*, стр. 380.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. I.
К. Маркс, *Черновые наброски*, — К. Маркс, *Черновые наброски письма Маркса В. И. Засулич 8 марта 1881 г.*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII.
Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, — Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20.
Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, — Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20.
Ф. Энгельс, *Происхождение семьи*. Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21.

* * *

- Абрамишвили, *К вопросу об освоении железа*. Р. Абрамишвили, *К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии*, — ВГМГ, т. XXII — В, 1961.
Амиранашвили, *Новая находка*. А. И. Амиранашвили (Болтунова), *Новая находка в низовьях р. Ингура*, Тбилиси, 1935.
Аннотации. — «Аннотации докладов научной сессии ИИД, посвященной итогам полевых археологических исследований 1962 г.», Тбилиси, 1963.
Анчабадзе, *Из истории средневековой Абхазии*. З. В. Анчабадзе, *Из истории средневековой Абхазии*, Сухуми, 1959.
Апакидзе, *Археологические раскопки*. А. М. Апакидзе, *Археологические раскопки в Бичвинта*, — «Тезисы докладов научной сессии ИИД», Тбилиси, 1953.
Апакидзе, Лордкипанидзе, *Новые материалы*. А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, *Новые материалы к археологии Диоскурии — Себастополиса*, ТАИЯЛИ, т. XXXIII—XXXIV, 1963.
Апакидзе, Лордкипанидзе, *Отчет*. А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, *Отчет о работах Причерноморской археологической экспедиции в 1959 г.*, — «Тезисы докладов научной сессии ИИД», Тбилиси, 1960.
Аппиан, *Митридатовы войны*. Аппиан, *Митридатовы войны*, изд. и пер. на груз. яз. Т. С. Каухчишвили, Тбилиси, 1959.
Археология Грузии. А. М. Апакидзе, Н. З. Бердзенишвили, О. М. Джапаридзе, Г. Ф. Гобелжишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе, Н. В. Хоштарна, *Археология Грузии*, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
Багратиони, *Описание*. Вахушти Багратиони, *Описание Грузинского царства*, под ред. Н. Бердзенишвили и Т. Ломоури, Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
Бгажба, *Бзыбский диалект*. Х. С. Бгажба, *Бзыбский диалект абхазского языка*, — ТАИЯЛИ, т. XXVIII, 1957.

- Бгажба, *Некоторые вопросы топонимики*. Х. С. Бгажба, *Некоторые вопросы топонимики и этнонимики Абхазии*, — ТАИЯЛИ, т. XXVII, 1956.
- Бгажба, *Об абхазском героическом эпосе*. Х. С. Бгажба, *Об абхазском героическом эпосе*, — ТАИЯЛИ, т. XXVI, 1955.
- Бердзенишвили, *Новые данные*. Н. З. Бердзенишвили, *Новые данные о палеолите Абхазии*, — ТАИЯЛИ, т. XXX, 1959.
- Бердзенишвили, *Палеолитические памятники*. Н. З. Бердзенишвили, *Палеолитические памятники Черноморского побережья Грузии*, — «Тезисы докладов научной сессии НИД, посвященной итогам полевых археологических исследований 1959 г.», Тбилиси, 1960.
- Бердзенишвили, *Первобытное земледелие*. Н. З. Бердзенишвили, *Первобытное земледелие в Грузии*, — ТИИД, т. II, 1956 (на груз. яз.).
- Бердзенишвили, *Позднеантичная керамика*. К. Бердзенишвили, *Позднеантичная керамика из Цебельды*, — МАГК, т. II, 1961 (на груз. яз.).
- Бжания, *Скотоводческое хозяйство*. Ц. Н. Бжания, *Скотоводческое хозяйство в Абхуйской Абхазии (этнографический очерк)*, — ТАИЯЛИ, т. XXVIII, 1957.
- Болтунова, *Восстание Аникета*. А. И. Болтунова (Амиранашвили), *Восстание Аникета*, — ВДИ, 1939, № 2.
- Борисковский, *Древнейшее прошлое*. П. И. Борисковский, *Древнейшее прошлое человечества*, М. — Л., 1957.
- Бунак, *Антропологический состав*. Б. Б. Бунак, *Антропологический состав населения Кавказа*, — ВГМГ, т. XIII — А, 1947.
- Бурчак-Абрамович, Габашвили, *Высшая человекообразная обезьяна*. Н. О. Бурчак-Абрамович, Е. Г. Габашвили, *Высшая человекообразная обезьяна из верхнетретичных отложений Восточной Грузии*, — САНГ, 1954, № 6.
- Всемирная история, — «Всемирная история», т. I, М., 1955.
- Гайдукевич, *История античных городов*. В. Ф. Гайдукевич, *История античных городов Северного Причерноморья*, — сб. «Античные города Северного Причерноморья», т. I, М. — Л., 1955.
- Гобеджишвили, *Археологические раскопки*. Г. Ф. Гобеджишвили, *Археологические раскопки в Советской Грузии*, Тбилиси, 1952 (на груз. яз.).
- Грозный, *Доисторические судьбы*. Б. Грозный, *Доисторические судьбы Передней Азии*, — ВДИ, 1940, № 3—4.
- Гулна, *История Абхазии*. Д. И. Гулна, *История Абхазии*, т. I, Сухуми, 1925.
- Гулна, *Приложение второе*. Д. И. Гулна, *История Абхазии*, т. I, Приложение второе. Древнейшие сведения о Колхиде и колхах (Извлечение из древнегреческих и римских описаний Кавказа).
- Джавахишвили, *Историко-этнологические проблемы*. И. А. Джавахишвили, *Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока*. Тбилиси, 1950 (на груз. яз.).
- Джавахишвили, *История грузинского народа*. И. А. Джавахишвили, *История грузинского народа*, т. I, Тбилиси, 1951 (на груз. яз.).
- Джавахишвили, *Первоначальный строй*. И. А. Джавахишвили, *Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков*, Тбилиси, 1937 (на груз. яз.).

- Джанашиа, *Статьи по этнографии*. Н. С. Джанашиа, *Статьи по этнографии Абхазии, Сухуми*, 1960.
- Джанашиа, *Труды*. С. Н. Джанашиа, *Труды*, т. II, Тбилиси, 1953, т. III, Тбилиси, 1959.
- Джанашиа, *Тубал-Табал*. С. Н. Джанашиа, *Тубал-Табал, Тибарен, Ибер*, — «Труды», т. III, Тбилиси, 1959.
- Джапаридзе, *Бронзовые тесеры*. О. М. Джапаридзе, *Бронзовые тесеры Западной Грузии*, — СА, т. XVIII, 1953.
- Джапаридзе, *Дольменная культура*. О. М. Джапаридзе, *Дольменная культура в Грузии*, — ТГУ, т. 77, 1959.
- Джапаридзе, *К истории грузинских племен*. О. М. Джапаридзе, *К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры*, Тбилиси, 1961 (на груз. яз.)
- Джапаридзе, *Ранний этап*. О. М. Джапаридзе, *Ранний этап древней металлургии Грузии*, Тбилиси, 1955 (на груз. яз.)
- Дьячков-Тарасов, *Гагры*. А. И. Дьячков-Тарасов, *Гагры и их окрестности*, 1903.
- Замятин, *Некоторые вопросы*. С. Н. Замятин, *Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита*, — ПИПО.
- Замятин, *О локальных различиях*. С. Н. Замятин, *О локальных различиях в культуре палеолитического периода*, — ПИПО.
- Замятин, *Очерки*. С. Н. Замятин, *Очерки по палеолиту*, М.—Л., 1961.
- Замятин, *Палеолит Абхазии*. С. Н. Замятин, *Палеолит Абхазии, Сухуми*, 1937.
- Зыбковец, *Дорелигиозная эпоха*. В. Ф. Зыбковец, *Дорелигиозная эпоха*, М., 1959.
- Иващенко, *Герзеульский клад*. М. М. Иващенко, *Герзеульский клад монет Касарии Каппадокийской*, — ИГАИМК, т. VII, 1931, вып. 10.
- Иващенко, *Исследование*. М. М. Иващенко, *Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии*, Тбилиси, 1935.
- Инадзе, *Города Колхиды в античную эпоху*. М. П. Инадзе, *Города Колхиды в античную эпоху (Диоскурия)*, — ТИИД, т. VI, 1962, вып. 2.
- Инадзе, *К вопросу об этническом составе*. М. П. Инадзе, *К вопросу об этническом составе населения Северо-Восточного Причерноморья*, — ВООН, 1960, № 2 (на груз. яз.)
- Инадзе, *К вопросу о самоуправлении*. М. П. Инадзе, *К вопросу о самоуправлении приморских городов Колхиды античной эпохи*, — САНГ, 1959, № 2.
- Инадзе, *К вопросу о скептухиях*. М. П. Инадзе, *К вопросу о скептухиях Колхидского царства*, — САНГ, т. XXVI, 1961, № 6.
- Инадзе, *К вопросу о торговле*. М. П. Инадзе, *К вопросу о торговле в древней Колхиде*, — КБС, т. II, 1962 (на груз. яз.)
- Инадзе, *К вопросу о характере развития городов*. М. П. Инадзе, *К вопросу о характере развития городов Северной Колхиды*, — САНГ, 1959, № 6.
- Инадзе, *К истории Грузии*. М. П. Инадзе, *К истории Грузии античного периода (Фл. Арриан и его сведения о Грузии)*, (Автореф. канд. дисс.), Тбилиси, 1953.
- Инал-Ипа, *Абхазы*. Ш. Д. Инал-Ипа, *Абхазы*, Сухуми, 1960.

- Инал-Ипа, *Дурипи*. Ш. Д. Инал-Ипа, *Дурипи (Опыт историко-этнографического изучения колхозного быта абхазской деревни)*. — ТАИЯЛИ, т. XXIX, 1958.
- Инал-Ипа, *К вопросу о матриархально-родовом строе*. Ш. Д. Инал-Ипа, *К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии (по пережиточным этнографическим данным)*. — ТАИЯЛИ, т. XXV, 1954.
- Инал-Ипа, *Нартский эпос*. Ш. Д. Инал-Ипа, *Нартский эпос абхазцев*. — сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957.
- История Грузии. — «История Грузии», под ред. Н. А. Бердзенишвили, Тбилиси, 1958.
- История и восхваление венценосцев. — «История и восхваление венценосцев», пер. К. Кекелидзе, Тбилиси, 1954.
- Каландадзе, *Археологические памятники*. А. Н. Каландадзе, *Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми*, 1954 (на груз. яз. с русским резюме).
- Каландадзе, *К истории формирования*. А. Н. Каландадзе, *К истории формирования дсродового общества на территории Грузии*. — ТИИД, т. II, 1956 (на груз. яз.)
- Капанадзе, *Грузинская нумизматика*. Д. Г. Капанадзе, *Грузинская нумизматика*, М., 1955.
- Капанадзе и Голенко, *К вопросу о происхождении колхидок*. Д. Г. Капанадзе и К. В. Голенко, *К вопросу о происхождении колхидок*. — ВДИ, 1957, № 4.
- «Картлис цховреба». — «Картлис цховреба» («Жизнь Грузии»), под ред. С. Г. Каухчишвили, Тбилиси, т. I — 1954, т. II — 1959 (на древнегруз. яз.).
- Каухчишвили, *Один из древнейших городов мира*. С. Г. Каухчишвили, *Один из древнейших городов мира*. — «Заря Востока», 31.X.1959.
- Каухчишвили, *Греческая надпись*. Т. С. Каухчишвили, *Греческая надпись на сухумском светильнике*. — ТАИЯЛИ, т. XXVIII, 1957.
- Каухчишвили, *Греческая надпись бичвинтской мозаики*. Т. С. Каухчишвили, *Греческая надпись бичвинтской мозаики*. — САНГ, 1955, № 1.
- Каухчишвили, *Тезисы*. Т. С. Каухчишвили, *Тезисы доклада о Бичвинтской мозаике*. — «Тезисы докладов научной сессии ИИД», Тбилиси, 1953.
- Кекелидзе, *Вопросы классификации*. К. С. Кекелидзе, *Вопросы классификации народов и их географического расселения в древнегрузинской письменности*. — ТТГУ, т. VII, 1947.
- Кечакмадзе, *Флавий Арриан*. Н. Кечакмадзе, *Флавий Арриан. Путешествие по берегам Черного моря*, Тбилиси, 1961.
- Клевакин, *Гарпуны*. Г. Клевакин, *Гарпуны Холодного грота*. — «Вечерний Тбилиси», 4.XI.1960.
- Косвен, *Очерки*. М. О. Косвен, *Очерки истории первобытной культуры*, М., 1957.
- Крупнов, *Древнейшее культурное единство Кавказа*. Е. И. Крупнов, *Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа)*. — «XXVI Международный конгресс востоковедов», М., 1963.
- Крупнов, *Древняя история и культура Кабарды*. Е. И. Крупнов, *Древняя история и культура Кабарды*, М., 1957.

- Жрупнов, *Древняя история Сев. Кавказа*. Е. И. Крупнов, *Древняя история Северного Кавказа*, М., 1960.
- Жрупнов, *Материалы*. Е. И. Крупнов, *Материалы по археологии Северной Осетии*, — МИА, вып. 23, 1951.
- Жрупнов, *О происхождении*. Е. И. Крупнов, *О происхождении и датировке кобанской культуры*, — СА, т. I, 1957.
- Куфтин, *Материалы*. Б. А. Куфтин, *Материалы к археологии Колхиды*, т. I, Тбилиси, 1949.
- Куфтин, *Урартский «колумбарий»*. Б. А. Куфтин, *Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит*, — ВІ МГ, т. XIII — В, 1944.
- Лавров, *Дольмены*. Л. И. Лавров, *Дольмены Северо-Западного Кавказа*, — ТАИЯЛИ, т. XXXI, 1960.
- Лавров, *О происхождении народов*: Л. И. Лавров, *О происхождении народов Северо-Западного Кавказа*, — ССИК, вып. 3, 1954.
- Ламберти, *Описание Колхиды*. А. Ламберти, *Описание Колхиды, ныне называемой Мингрелия*, — СМОМПК, вып. 49, отд. I, 1913.
- Ломоури, *Греческая колонизация*. Н. Ю. Ломоури, *Греческая колонизация побережья Колхиды*, Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).
- Ломоури, *К вопросу о торговых путях*. Н. Ю. Ломоури, *К вопросу о торговых путях Грузии*, — ТИИД, т. IV, 1958, вып. I.
- Ломоури, *Клавдий Птоломей*. Н. Ю. Ломоури, *Клавдий Птоломей, «Географическое руководство»*. *Известия о Грузии*, — МИГК, № 82, 1955.
- Ломоури, *Сведения*. Н. Ю. Ломоури, *Сведения греческих логографов о грузинских племенах*, — МИГК, вып. 35, 1963 (на груз. яз.).
- Лордкипанидзе, *О транзитно-торговом пути*. О. Д. Лордкипанидзе, *О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху*, — САНГ, 1957, № 3.
- Лордкипанидзе, *Предварительный отчет*. О. Д. Лордкипанидзе, *Предварительный отчет о разведочных археологических работах, проведенных в окрестностях озера Инкит*, — МАГК, т. III, 1963 (на груз. яз.).
- Лукин, *Материалы*. А. Л. Лукин, *Материалы по археологии Бзыбский Абхазии*, — ТОИПКГЭ, т. I, 1941.
- Лукин, *Неолитическое селище Кистрик*. А. Л. Лукин, *Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут*, — СА, 1950, № XII.
- Лукин, *Эшерская находка*. А. Л. Лукин, *Эшерская находка*, — ТАИЯЛИ, т. XXVII, 1956.
- Любин, *Кударо I*. В. П. Любин, *Кударо I*, — «Советский Союз», 1959, № 8.
- Люлье, *Черкесия*. Л. Люлье, *Черкесия*, Краснодар, 1927.
- Максимова, *Античные города*. М. И. Максимова, *Античные города Юго-Восточного Причерноморья*, М., 1956.
- Максимова, *Античные печати*. М. И. Максимова, *Античные печати Северного Причерноморья*, — ВДИ, 1937, № 1.
- Марр, *Кавказоведение*. Н. Я. Марр, *Кавказоведение и абхазский язык*, Пг., 1917.
- Мацулевич, *Открытие*. Л. А. Мацулевич, *Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте*, — ВДИ, 1956, № 4.
- Меликишвили, *К вопросу об этнической принадлежности*. Г. А. Меликишвили, *К вопросу об этнической принадлежности кашков*, — М(О), т. III, 1953 (на груз. яз.).

- Меликишвили, *К истории древней Грузии*. Г. А. Меликишвили, *К истории древней Грузии*, Тбилиси, 1959.
- Меликишвили, *Наири-Урарту*. Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, Тбилиси, 1954.
- Мессарош, *Язык пёкхи*. Ю. Мессарош, *Язык пёкхи*, Чикаго, 1936 (на нем. яз.).
- Месхиа, *Города и городской строй*. III. А. Месхиа, *Города и городской строй феодальной Грузии*, Тбилиси, 1959.
- Микеладзе, *Бичвинтская двухабсидная церковь*. Т. К. Микеладзе, *Бичвинтская двухабсидная церковь*, — МАГК, т. III, 1963.
- Микеладзе, *К генезису взаимоотношений*. Т. К. Микеладзе, *К генезису взаимоотношений между грузинскими племенами и греческим миром*, — ВООН, 1960, № 2 (на груз. яз.).
- Миллер, *Разведки*. А. А. Миллер, *Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г.*, — ИАК, вып. 35, 1909.
- Народы Кавказа, — «Народы Кавказа», ч. 2, М., 1962 (серия «Народы мира»).
- Орбели, *Город близнецов*. И. А. Орбели, *Город близнецов «Диоскуриас» и племя возниц «ненихой»*, — ЖМНП, № XXXIII, 1911.
- Очерки, — «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I, Сухуми, 1960.
- Паничкина, *Палеолит Армении*. М. З. Паничкина, *Палеолит Армении*, Л., 1950.
- Патканов, *Армянская география*. К. П. Патканов, *Армянская география VII в. по р. Хр. (приписываемая Моисею Хоренскому)*, СПб, 1877.
- Пиотровский, *Поселения*. Б. Б. Пиотровский, *Поселения медного века Армении*, — СА, т. XI, 1949.
- Пиотровский, *Развитие скотоводства*. Б. Б. Пиотровский, *Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье*, — СА, т. XXIII, 1955.
- Прокопий, *Война с готами*. Прокопий из Кесарии, *Война с готами*, М., 1950.
- Рамишвили, *Две бронзовые скульптурки*. Р. М. Рамишвили, *Две бронзовые скульптурки из Бичвинта*, — МАГК, т. III, 1963 (на груз. яз.).
- Семенов, *Полезные ископаемые*. В. Семенов, *Полезные ископаемые и минеральные воды Абхазии*, — ТАИЯЛИ, т. IV, 1934.
- Сизов, *Восточное побережье*. В. Сизов, *Восточное побережье Черного моря*, — МАК, вып. II, 1889.
- Смирнов, *К вопросу о формировании*. А. П. Смирнов, *К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным*, — КНИИ, т. IV, Нальчик, 1948.
- Соловьев, *Диоскурия—Севастополис—Цхум*. Л. Н. Соловьев, *Диоскурия—Севастополис—Цхум*, — ТАГМ, вып. I, 1947.
- Соловьев, *Новый памятник*. Л. Н. Соловьев, *Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита — стоянки Воронцовской пещеры*, — ТАИЯЛИ, т. XXIX, 1959.
- Соловьев, *Об итогах*. Л. Н. Соловьев, *Об итогах археологических раскопок в гроте Хупинишахва в 1960 г.*, — ТАИЯЛИ, т. XXXII, 1961.
- Соловьев, *Погребения*. Л. Н. Соловьев, *Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей к ней части Адлерского района*, — ТАИЯЛИ, т. XXXI, 1960.

- Соловьев, Селища. Л. Н. Соловьев, *Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии*, — СА, т. XIV, 1950.
- Соловьев, Следы нижнего палеолита. Л. Н. Соловьев, *Следы нижнего палеолита на карангатской террасе между р. Адлер и с. Гантиади*, — ТАИЯЛИ, т. XXX, 1959.
- Соловьев, Энеолитическое селище. Л. Н. Соловьев, *Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии*, — СМИА, т. I, 1939.
- Соловьев, Шервашидзе, Предварительное сообщение. Л. Н. Соловьев, Л. А. Шервашидзе, *Предварительное сообщение о расчистке комплекса сооружений на набережной у Сухумской крепости в конце 1958 г. и первой половине 1959 г.*, — «Тезисы докладов научной сессии ИИД», Тбилиси, 1960.
- Стражев, Бронзовая культура. В. И. Стражев, *Бронзовая культура в Абхазии*, — ИАНО, вып. IV, 1926.
- Сысоев, Археологические экскурсии. В. М. Сысоев, *Археологические экскурсии по Закубанью*, — МАК, т. IX, 1904.
- Тезисы докладов, — «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам археологических исследований 1959 г., ИИД», Тбилиси, 1960.
- Трапш, Археологические раскопки в Анакопши. М. М. Трапш, *Археологические раскопки в Анакопши в 1957—1958 гг.*, — ТАИЯЛИ, т. XXX, 1959.
- Трапш, Археологические раскопки. М. М. Трапш, *Археологические раскопки в окрестностях Сухуми*, — ТАИЯЛИ, т. XXIX, 1958.
- Трапш, Грунтовые погребения. М. М. Трапш, *Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в сел. Куланурхва*, — ТАИЯЛИ, т. XXIV, 1951.
- Трапш, Древняя Диоскурия. М. М. Трапш, *Древняя Диоскурия*, — «Советская Абхазия», 4. X. 1963.
- Трапш, Краткий отчет. М. М. Трапш, *Краткий отчет о результатах археологических исследований в Сухуми в 1952 г.*, — ТАИЯЛИ, т. XXVI, 1955.
- Трапш, Мраморный барельеф. М. М. Трапш, *Мраморный барельеф из Сухуми*, — ВДИ, 1954, № 4.
- Трапш, Некоторые итоги. М. М. Трапш, *Некоторые итоги археологического исследования Сухуми в 1951—1953 гг.*, — СА, т. XXXIII, 1955.
- Трапш, Некоторые итоги раскопок. М. М. Трапш, *Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг.*, — ТАИЯЛИ, т. XXXIII—XXXIV, 1963.
- Трапш, О некоторых итогах археологических исследований. М. М. Трапш, *О некоторых итогах археологических исследований в с. Цебельда Сухумского района*, — ТАИЯЛИ, т. XXXII, 1961.
- Трапш, Памятники. М. М. Трапш, *Памятники колхидской и скифской культур в сел. Куланурхва Абхазской АССР*, Сухуми, 1962.
- Трапш, Раскопки древнего Севастополиса. М. М. Трапш, *Раскопки древнего Севастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г.*, — ТАИЯЛИ, т. XXXIII—XXXIV, 1963.
- Тревер, Памятники. К. В. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, М.—Л., 1940.
- Уваров, Мегалитические памятники. А. С. Уваров, *Мегалитические памятники России*, — в кн.: «Древности», т. VII, М., 1878.

- Уварова, *Несколько дополнительных сведений*. П. С. Уварова, *Несколько дополнительных сведений по вопросу о Кавказских дольменах*. — МАК, т. IX, 1904.
- Услар, *Абхазский язык*. П. К. Услар, *Абхазский язык*, Тифлис, 1887.
- Фадеев, *К вопросу о генезисе*. А. В. Фадеев, *К вопросу о генезисе Кобанской культуры в Абхазии*. — ТАИЯЛИ, т. II, 1934.
- Фелицын, *Западно-Кавказские дольмены*. Е. Д. Фелицын, *Западно-Кавказские дольмены*. — МАК, т. IX, 1904.
- Филипсон, *Черкесы*. Г. Филипсон, *Черкесы, абезы и адыге* (рукопись составлена в 1854 г., хранится в библиотеке им. В. И. Ленина в Москве).
- Формозов, *Этнокультурные области*. А. А. Формозов, *Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке*, М., 1959.
- Хахутайшвили, *Возникновение грузинского рабовладельческого города*. Д. А. Хахутайшвили, *Возникновение грузинского рабовладельческого города в свете новых археологических открытий*. — ТИИД, т. V, 1960, вып. I.
- Цицишвили, *Бичвинтский храм*. И. Н. Цицишвили, *Бичвинтский храм*. — «Тезисы докладов научной сессии Института истории АН ГрССР», Тбилиси, 1953.
- Читая, *Акад. С. Н. Джанашиа*. Г. С. Читая, *Академик С. Н. Джанашиа и проблема происхождения грузинского народа*. — М(О), т. I, 1939.
- Читая, *К вопросу о происхождении*. Г. С. Читая, *К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий*. — САИГ, 1941, № 3—4.
- Читая, *О задачах*. Г. С. Читая, *О задачах кавказской советской этнографии*. — ГИИД, т. II, 1955.
- Чурсин, *Материалы*. Г. Ф. Чурсин, *Материалы по этнографии Абхазии, Сухуми*, 1957.
- Шервашидзе, Соловьев, *Исследования*. Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев, *Исследования древнего Севастополиса*. — СА, 1960, № 3.
- Шервашидзе, Соловьев, *Предварительное сообщение*. Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев, *Предварительное сообщение о раскопках в Сухумской крепости в 1959 г.*. — «Тезисы докладов научной сессии ИИД», Тбилиси, 1960.
- SC — Scythica et Caucasia. — В. В. Латышев, *Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе*, т. I и II (публ. с 1893 г.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВГМГ — «Вестник Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа», Тбилиси.
- ВДИ — «Вестник древней истории», М.
- ВООН — «Вестник отделения общественных наук АН Грузинской ССР», Тбилиси.
- ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
- ЗООИД — «Записки Одесского общества истории и древностей», Одесса.
- ИАК — «Известия Археологической комиссии», СПб.
- ИАНО — «Известия Абхазского научного общества», Сухуми.
- ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры».
- ИИД — Институт истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР.
- ИНИЯИМК — «Известия Института языка, истории и материальной культуры АН Грузинской ССР», Тбилиси.
- КЭС — «Кавказско-Ближневосточный сборник», Тбилиси.
- КНИИ — Кабардинский научно-исследовательский институт.
- М(О) — «Мимомхилвели» («Обозреватель»), Орган ИИД, Тбилиси.
- МАГК — «Материалы по археологии Грузии и Кавказа».
- МАК — «Материалы по археологии Кавказа», М.
- МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР», М.
- МИГК — «Материалы по истории Грузии и Кавказа», Тбилиси.
- ПИЛО — «Проблемы истории первобытного общества», М., 1956.
- СА — «Советская археология», М.
- САНГ — «Сообщения АН Грузинской ССР».
- СМИА — «Сборник материалов по истории Абхазии», Сухуми.
- СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа».
- ССИК — «Сборник статей по истории Кабарды», Нальчик.
- ТАГМ — «Труды Абхазского государственного музея», Сухуми.
- ТАИЯЛИ — «Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР», Сухуми.
- ТИИД — «Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили», Тбилиси.
- ТКНИИ — «Труды Кабардинского научно-исследовательского института», Нальчик.
- ТОИПКГЭ — «Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа», Л.
- ТТУУ — «Труды Тбилисского Государственного университета», Тбилиси.
- SC — *Scythica et Caucasica*.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Глава I. Возникновение и расцвет первобытнообщинного строя	5
Становление первобытнообщинного строя (дородовая община)	—
Формирование матриархально-родовой общины	25
Расцвет матриархально-родового строя	35
Начало упадка матриархально-родового строя	53
Глава II. Разложение первобытнообщинного строя (патриархально-родовая община)	65
Возникновение патриархально-родовых отношений	—
Расцвет патриархально-родовых отношений	82
Происхождение древнеабхазских племен	119
Глава III. Абхазия в эпоху Колхидского царства (VI—II вв. до н. э.)	131
Этнический состав населения раннеантичной Абхазии	—
Социально-экономическое развитие местного населения	137
Греческая колонизация и образование греко-местных городских поселений	146
Политическая обстановка	156
Культура	163
Глава IV. Абхазия в I в. до н. э. — V в. н. э.	169
Этнический состав населения позднеантичной Абхазии	—
Борьба населения Абхазии против понтийских и римских захватчиков	184
Города Абхазии и социально-экономическое развитие местного населения	195
Характер социально-экономического строя абхазских княжеств позднеантичного времени. Абхазия в составе Лазского (Эгрисского) царства	201
Культура позднеантичной Абхазии (II—V вв. н. э.)	208
Использованная литература	230
Список сокращений	238

Зураб Вианорович АНЧАБАДЗЕ

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ДРЕВНЕЙ АБХАЗИИ**

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *А. П. Колупаева*
Художник *Л. А. Раппопорт*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *Г. В. Афомина* и *М. Ю. Каждан*

Сдано в набор 26 VIII 1964 г.
Подписано к печати 15.XII 1964 г.
А-10857 Формат 84×108^{1/2}. Печ. л. 7^{1/2}
Усл. печ. л. 12 3
Уч-изд. л. 13 07 Тираж 7000 экз.
Изд. № 1306 Зак. № 1903
Темплан 1964 г. № 70
Цена 88 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Набрано в типографии газеты «Красная звезда»,
Хорошевское шоссе, 38.

Отпечатано в 3-й типографии издательства «Наука»,
Москва, К-48 Б. Кисельный пер., д. 4.